

ВАДИМ
ЛЬВОВ

СТАЛЬ И ПЕПЕЛ

НА ОСТРИЕ МЕЧА

Сталь и пепел

Вадим Львов

Сталь и пепел. На острие меча

«ЭКСМО»

2014

Львов В.

Сталь и пепел. На острие меча / В. Львов — «Эксмо»,
2014 — (Сталь и пепел)

ISBN 978-5-699-69760-1

В конце двадцатых годов XXI века должна начаться Третья Мировая война... Спасения нет. Мировой пожар охватит США, Мексику, Германию, Китай, Иран, Польшу, даже Исландию! Окажется втянутым в глобальную бойню и государство со странным названием Русь... Ничего странного. Все дело в том, что к власти в России пришел наконец по-настоящему жесткий правитель. Это он принял решение вернуть нашей стране ее историческое название. Но мало переименовать государство, нужно суметь отстоять его независимость. А это уже дело военных. И военным как раз пришлось очень туго. Особенно когда поперли китайцы, вездесущие и неистребимые, как саранча...

ISBN 978-5-699-69760-1

© Львов В., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Глава 1. Ирак. Окрестности Багдада. 13 августа	5
Глава 2. Амурская область. Район Завитинска	13
Глава 3. Борт CVN-70. Восточно-Китайское море. 14 августа	19
Глава 4. Виргиния. Дейл-сити. 15 августа	25
Глава 5. Польша. Окрестности Вроцлава. 15 августа	32
Глава 6. Штат Аризона. Феникс. 16 августа	41
Глава 7. Амурская область. Окрестности Белогорска. 16 августа	45
Глава 8. Русь. Москва. 17 августа	54
Глава 9. Исландия. Заурбаэр. 17 августа	60
Глава 10. Пакистан. Исламабад. 18 августа	68
Глава 11. Польша. Окрестности Ополе. 18 августа	74
Глава 12. Киргизия. Окрестности Канта. 16 августа	82
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Вадим Львов

Сталь и пепел. На острие меча

Глава 1. Ирак. Окрестности Багдада. 13 августа

Казалось, что, пока он спал, неслышно подобрался какой-то бугай и бесцеремонно разбудил его пинком под зад, сбросив с кровати на пол. После мягкого водяного матраса бетонный пол номера в отеле «Аль-Рашид» явился несправедливым наказанием. От столь жесткого приземления по всему телу Луиса Розетти прокатилась вспышка боли. И тут раздался оглушительный рев и звон бьющегося стекла. Уже открыв глаза, Луис откатился в глубь номера, спасаясь от летящих осколков. Снова взрыв – и сквозь грохот Розетти отчетливо услышал вой сирен воздушной тревоги и беспорядочную стрельбу. Перекатившись на сей раз к креслу, где валялась одежда, он вскочил и споро вытащил из заплочной кобуры «беретту». Ствол пистолета направил в сторону взрывов, лихорадочно пытаясь сообразить, что происходит вокруг. Натягивать льняные штаны пришлось одной левой рукой, штанины, как назло, путались. Аккуратно ступая по битому стеклу, Розетти подобрался к окну и выглянул наружу. То, что он увидел, ему совсем не понравилось.

Над дворцом Национальной ассамблеи и всем районом Аль-Карх поднимались столбы густого черного дыма. Над отелем с ревом пронеслась пара боевых самолетов, делая очередной заход для нанесения удара.

– Розетти, Розетти, дверь открой! Ты там живой?

Дверь номера пытались выбить. Последние несколько лет Луис служил полевым агентом ЦРУ на передовом краю тайной войны, поэтому всегда подпирал закрытые двери стулом. Так спать безопаснее. Хоть Багдад, точнее его центр, – это не Кабул и не Карачи, но получить пулю в брюхо можно даже в хорошо охраняемом отеле.

– Мистер Бест, это вы? – спросил Розетти, направив пистолет на дверь.

– Нет, Санта-Клаус... Открывай быстрее, Луис...

Только сейчас Розетти сообразил, что Брайан стучит в дверь заранее обговоренным паролем стуком. Обозвав себя тормозом, Луис сдвинул стул и щелкнул замком.

Едва дверь распахнулась, как в номер ввалился Бест, уже облаченный в бронежилет, с кепи на голове и М-4 в руках. Оттолкнув Луиса, он протопал к разбитому окну.

– Собирайте вещи, Луис, уходим немедленно.

– Да какого черта, Бест? Что случилось?

– Вы не поняли, что ли? Багдад бомбят...

– Это я понял! Но кто?

– Да кто его... Ложись, Розетти, ложись!

Луис повалился на пол в прихожей в ту же секунду. На сей раз взрывы раздались совсем близко. В номер, подобно самому, ворвалась горячая взрывная волна, круша все на своем пути. Стул, лежащий в прихожей, вылетел в коридор. Номер наполнился до боли знакомым с Афганистана запахом войны – гари, цементной пыли и частиц взрывчатки. И запахом страха...

– Уходим, Розетти. Хватай все необходимое – и рвем когти! – Бест с силой толкнул Луиса в бок.

Собирая вещи в небольшой рюкзак, Луис ни на секунду не выпускал из рук пистолет: сказывалась долгая практика в беспокойных точках планеты Земля. Хотя сейчас вся планета стала одной горячей раскаленной точкой.

В коридоре было полно народу. Хотя пятизвездочный отель «Аль-Рашид» сейчас заполнен только наполовину, людей хватило, чтобы создать столпотворение в вестибюле у лифтов и

у лестницы. Иностранцы специалисты, иракские чиновники, которые оттягивались в номерах с шармутами¹, – все полуодеты, многие находятся в состоянии, близком к панике, и с ужасом прячутся на вооруженных людей.

– Разойдись! – заорал Бест, разгоняя толпу парой выстрелов вверх и пробиваясь к лестнице.

– Да что же это, Брайан? Чьи это самолеты? – запыхавшись от бега вниз по ступенькам, выдохнул Луис.

– Что это? Это F-4 «Фантом», который бомбит центр города... Ты увидел опознавательные знаки «Фантома»?

– Да нет, не успел. Я даже толком не проснулся.

– Зеленый круг, белое поле, и красное пятно внутри. Это иранцы, Розетти. Долбанные персидские самолеты.

В Багдад Розетти вместе с людьми Беста прилетел вечером пятого августа. Добирались на перекладных. Сначала гражданским «Боингом» до Рима, потом «Оспреем» морской пехоты до Неаполя, где основательно вооружились на базе американских военно-морских сил.

– Почему Рим? – спросил Розетти встречавшего их штаб-сержанта.

– Над Германией воздушное пространство закрыто из-за угрозы русских истребителей. То же и с авиабазами. Постоянно под ударом. Италию пока не бомбят...

– Совсем?

– Почти. Были разведывательные полеты. Больше пугают...

Из Неаполя, уже нагруженная оружием и снаряжением, спецгруппа вылетела на транспортнике C-130 «Геркулес» в Доху, столицу Катара. Самолет вез продовольствие для американского контингента на Ближнем Востоке и стрелковое оружие для иракской полиции. На обратном пути он должен был перебросить иракских пилотов-вертолетчиков на фронт, в европейскую мясорубку.

Кэмп «Ас-Салия» к моменту прибытия Розетти представлял собой жалкое зрелище. Напоминая что-то среднее между высокотехнологическим табором кочевников и армией Бонапарта, бегущей из России. В лагере и штабах царил подавленное настроение, связанное с событиями в США и тяжелыми боями в Европе. Помимо всего прочего, обострилась обстановка в Афганистане и Ираке. Все враги Америки, почувствовав запах ее крови за много миль, выбрались из своих убежищ, готовясь прыгнуть ей на спину. Каждый день приходили борты с тяжелоранеными и искалеченными из Кандагара и Кабула. По ночам рейдовые группы десантников и морпехов улетали в ночь на своих «Чинуках» и «Блэк Хоуках» на ту сторону Персидского залива, продолжая секретную и негласную войну в Ираке, которая официально закончилась почти полтора года назад по заявлениям Вашингтонских вождей, когда землю Ирака с помпой покинул последний батальон морской пехоты. Чтобы остаться здесь, в лагере «Ас-Салия», и совершать ночные вылазки в необъявленной войне.

– Кого мы хотим обмануть, Луис? – задал вопрос Рэдден, когда они подлетали к бывшему аэропорту имени Саддама Хусейна на «Ан-32» иракских военно-воздушных сил. Лететь с арабскими пилотами не хотелось никому, но время поджимало, а свободных бортов не было.

– Не знаю, Рэдден. Да и знать не хочу... Наше дело – служба.

Снайпер группы кивнул и уставился в иллюминатор. Вот и поговорили... На душе было как-то серо и противно.

В Дохе Луис успел связаться с Вашингтоном, по защищенной линии АНБ. Ситуация дома продолжала осложняться.

¹ Проститутками. – Здесь и далее примечания автора.

– Решайте вопрос быстрее, Луис. Время очень дорого... Дайте мне тех свиней, которые все это начали! – сквозь помехи прорывался голос Пирса.

– Понял, сэр. Постараюсь...

– Не надо стараться, Розетти. Надо сделать. Здесь, в Штатах, назревает катастрофа. Так что я на вас надеюсь, Луис. В случае успеха вам откроется дорога на самый верх. Вы меня поняли?

Багдад встретил спецгруппу сумасшедшими пробками, зловонием нищих кварталов, толпами возбужденных, потных людей на улицах, чек-пойнтами с озлобленными и настороженными полицейскими в новенькой форме. Город халифов и воров чего-то ждал, готовый взорваться в любую минуту, словно бомба с часовым механизмом.

Заместитель Брайана Беста – Гордон Нейтсмит, работающий в Ираке уже второй год по заказам местного Министерства обороны и спецслужбы INIS. Натаскивал элитных парашютистов для молодой иракской демократии. Дела шли ни шатко ни валко, Гордон обзавелся множеством полезных знакомств среди иракского руководства. Вот и сейчас, на встречу со своим непосредственным начальством Нейтсмит пришел не один, а с подполковником иракской военной разведки Саадун Аляви.

Подполковник Аляви был молод, усат и глуп, как та пробка, из которой английские колонизаторы делали свои знаменитые шлемы. Но у него был выход на секретные архивы, сохранившиеся еще со времен Саддама. Вот и сейчас в ожидании солидного вознаграждения Саадун притащил на встречу целую гору папок, небрежно бросив их в углу. За каждую папку, точнее ее копию, усатый прохвост хотел получить не менее десяти тысяч долларов.

– Морда не треснет? – шепотом спросил Луис у Беста, слушавшего вполуха напыщенную болтовню Аляви о «совместных операциях» и «боевом братстве».

– Это хорошая цена, Луис, только нужна ли нам эта макулатура в таком количестве? Все ценные архивы давно вывезли отсюда в США, оставили лишь мусор.

– Мистер Аляви, Саадун... – произнес Луис, многозначительно прижал руки к груди, демонстрируя свое дружелюбие. – Ваши документы очень ценны для нас. Но хотелось бы услышать ваше мнение о ассасинах и их связи с «Армией Махди».

Подполковник Аляви громко рассмеялся. Неестественно громко рассмеялся, фальшиво.

– Что вы, что вы... мистер Розетти... Да какие ассасины?! Это же вымыслы Голливуда! Тем более откуда они возьмутся здесь, в Ираке? «Армия Махди», в отличие от «Аль-Каиды», не представляет большой опасности.

– То есть архивы пусты? Что тогда вы сейчас принесли?

– Это данные разведки за год. Ценная информация есть, но про ассасинов все на уровне слухов.

– Странно. Вот у майора Джавада Шаджеи другое мнение.

Аляви дернулся, словно от удара током. Благородное лицо приобрело неприятный пунцовый цвет.

– Шаджеи – или сумасшедший, или провокатор. Как можно верить перебежчику? Он готов рассказать что угодно, чтобы получить грин-карту.

С иранским майором-перебежчиком Луис встречался в Дохе. Лично Пирс дал на это разрешение. Перебежчика прятали от любопытных глаз в особо охраняемом секторе лагеря, рядом со штабом. Джавад, уже переодевшийся в американский камуфляж без знаков различия и гладко выбритый, слово в слово подтвердил подозрения Розетти по поводу иранского следа. В том числе и по поводу тренировочного курса спецназа КСИР «Куат-аль-Кудс» – все упражнения заимствованы у ассасинов. Более того, Шаджеи сообщил, что Иран готовится к большой войне.

– Смотрите, Луис, вот та ткань, которая вас интересует. Повязки из этой красной само- тканой материи действительно используют боевики шиитской группировки «Армия Махди». Наиболее отмороженные из них считают себя потомками средневековых ассасинов. – Шаджеи откинулся на стуле и подставил лицо струям холодного воздуха из кондиционера.

Розетти словно баран на новые ворота смотрел на кусок охряной ткани, извлеченный перебежчиком из кармана.

Сейчас Джавад вывезен в США, на одну из военных баз. А человек из правительственной иракской разведки сидит тут перед ними и несет всякую чушь, вымогая деньги за никому не нужную макулатуру.

– То есть, господин подполковник, вы считаете, что последнее обострение обстановки – это ерунда?

– Конечно. Кому-то надо развернуть вектор борьбы с мировым терроризмом против шиитов.

«Вот сука лживая!» – подумал Луис. Саадуну они заплатили двадцать тысяч за две папки, где была хоть какая-то полезная информация.

– Он шиит? – спросил Бест у Нейтсмита, едва за иракцем захлопнулась дверь.

– Да, сэр. Местная власть и глава нашей военной миссии, генерал Диккенс, отзываются о нем очень хорошо. Вы просили самого опытного, я и пригласил его... За Аляви – несколько десятков успешных операций по уничтожению террористов.

Утром девятого августа вспыхнула Басра с окрестностями, словно солома, облитая керосином. Спустя пару часов Багдад уже сотрясся от многотысячных шиитских демонстраций, которые периодически перерастали в блокаду дорог подожженными покрышками. К вечеру на улицах появилась бронетехника. Новенькие украинские БТР-4 и старые, но надежные М-113 появились на основных перекрестках, у въезда в «зеленую зону», напротив основных правительственных зданий. То и дело, пугая горожан, над гудящим, словно улей Багдадом, проносились вертолеты «Ми-171» и легкие штурмовики L-59 «Супер Альбатрос».

– Что происходит, господа? – наконец не выдержал Розетти, обращаясь к мрачным Бесту и Нейтсмицу, чистившим оружие прямо в шикарном номере гостиницы.

– Мятаж. Который может перерасти в черт знает что... Это по мнению мальчиков из Лэнгли и Пентагона здесь относительный мир. А по сути, здесь вялотекущая гражданская война между религиозными и этническими группировками.

– Как в Югославии?

– Ну да... Только помноженное на чисто арабский фанатизм, азиатскую жестокость и подлость. В Югославии можно было опереться на хорватов или словенцев, здесь же нельзя верить никому.

– Афган?!

– Да, – синхронно кивнули две стриженные головы, склонившиеся над разобранным оружием.

– Вы бы оружие приготовили, мистер Розетти. Почистили, смазали... А то всякое может случиться.

Луис совету внял и вечером засел за свой арсенал. Разобрал, почистил, смазал, одним ухом слушая новости, идущие по спутниковому американскому каналу.

Совсем дома дела хреново идут... До его родного Нью-Джерси беспорядки пока не докатились, но в Чикаго уже были серьезные столкновения на расовой почве. Крупные города восточного побережья еще держались, полиция, власти и ФБР контролировали обстановку. Но южнее... Южнее шла натуральная гражданская война. «Сотни малолетних правонарушителей», о которых визжала пресса в первые дни, не могут вести тяжелые бои с первой дивизией USMC в пригородах Лос-Анджелеса в течение недели и в конце концов выбить «кожаные затылки» из города. Несмотря на авиационную и артиллерийскую поддержку, Хьюстон пока

держится, как и Даллас. Фениксу уже крышка, там сейчас такой же ад, как и в Калифорнии. Взорвалась Алабама: там идет резня, грабят склады национальной гвардии. В Луизиане и Флориде ситуация балансирует на грани взрыва. Количество убитых неизвестно, но, вероятно, счет идет на тысячи... Если не на десятки тысяч.

Федеральное правительство, видимо, очумело. Пытаются потушить лесной пожар, таская воду детскими ведерками. ФБР и Министерство внутренней безопасности проспали целую армию вооруженных до зубов латиносов на своей территории. Это же уму непостижимо!

Пока Луис шептал себе под нос проклятия в адрес черномазых мексикашек и либеральных журналистов, по Би-би-си пустили свежие военные сводки. Понятно, что над сводками уже основательно поработала цензура, и ничего интересного он не услышит. То же самое, что и вчера. Бла-бла, мы опять надрали задницу русским и все такое.

Взяв пульт, Розетти переключился на иранский телеканал. Ага, вот и новости. Прямо с поля боя. Посмотрев минут десять, Луис позвонил Бесту.

– Вы смотрели новости по иранскому каналу, Брайан?

– Нет... А что случилось?

– Да там... показывали кадры из Польши.

– Ах, вы про это, Луис... Так там ничего особенного не показали... Если хотите узнать больше, заходите ко мне в номер. Мы тут как раз сидим, выпиваем...

В номере Беста было многолюдно. Помимо бойцов-контрактников ЦРУ, работавших вместе с Розетти, и Гордона Нейтсмита было еще несколько незнакомых суровых людей. По виду тоже контрактники. Из смежной или конкурирующей конторы. Люди поглощали пиво, виски, закусывали нежным стейками из говядины и неспешно беседовали.

Розетти никто представлять незнакомцам не стал. Сказали просто: «Это наш босс», и Луис пожал по очереди протянутые ему руки.

– Это ребята из DarkStar. Работают по контракту с пограничной службой. Вернулись только что из-под Басры.

DarkStar, «Ди-Си»... Это же настоящий монстр на рынке частных военных компаний. С ненасытным аппетитом и мощной государственной поддержкой. Специалисты «Ди-Си» составляли треть из общего количества наемников в Ираке. У этих парней имелась даже своя авиация. Десяток легких вертолетов и два «ганшипа», переделанных из арендованных украинских «Ан-26».

– Что там в Басре? – сразу спросил Розетти.

– Да нормально, – отозвался веснушчатый мужчина, здорово похожий на лесоруба, заблудившегося в Междуречье. – Стрельба по всему городу, «мартышки» взбунтовались не на шутку. Но генерал Нури не из трусливых. Сейчас коммандос и бронетехника, верные правительству Курди, сжимают кольцо вокруг Басры. Единственное, что хреново – многие наши блокированы в районе Фао. Но держатся крепко.

– Ты хотел узнать, что в Европе, босс? У меня свои источники информации... проверенные, из числа сослуживцев, сидящих в Дохе.

– Да хотел бы узнать...

– А в Европе – всё, босс. Полный абзац. Русские применили какую-то электромагнитную хрень и отключили всю электронику в радиусе триста миль. Ни связи, ни спутников, ни авиации... Потом ударили танками по флангам третьего корпуса. Мы разбиты в Польше, босс... Дела настолько плохо идут, что в Объединенном комитете начальников штабов США подумывают о применении ньюков...

– Ядерного оружия?! – Луис выпучил глаза от удивления.

– Его самого! Значит, все гораздо хуже, чем показывают по чурбанскому телевидению.

– У меня брат в штабе седьмой бронетанковой служит, – встрял в разговор один из незнакомцев, по выговору британец.

– Так вот, он говорил, что русские чуть ли не тысячу танков в лесах спрятали. В полсотни миль от передовой. Как только связь и спутники вышли из строя, тут они и ударили.

– Как же он тебе это рассказывал, если связи в Европе до сих пор нет?

– Пару часов назад созванивались. Брат сейчас в Лондоне, лежит в госпитале. С перебитыми ногами, сегодня ночью привезли. Прямо из пекла. Дома связь есть, даже международная.

– И чего врачи говорят?

– Обещали спасти одну ногу на сто процентов. Вторую – еще неизвестно.

– Соболезную, – автоматически брякнул Луис, но его слова особого впечатления на собравшихся не произвели.

– Он солдат. На войне бывают увечья, – холодно отозвался англичанин, отхлебывая виски.

– Завтра днем опять сваливаем в Басру. Хорошо, на сухое место, а не в эти проклятые малярийные болота. Будем пробиваться к своим.

– А пробьетесь?

– Да без проблем. Наше начальство уже договорилось с Курди. Возьмем у них в аренду с десяток «Абрамсов» и звено «суперальбатросов», вертолеты и бронемашину у нас свои. Проложим коридор и расчистим дорогу к Фао. Заодно и генерала Нури поддержим.

– Вашими устами... да мед бы пить...

Получив толчок в спину, Розетти едва не покатился по лестнице, с трудом удержав равновесие. Сзади на него напирал огромный араб, в модном костюме, белоснежной рубашке, с золотыми часами на руке. В другой руке араб держал швейцарский автомат SIG 552 SWAT. Следом за первым напирало еще трое молодцов, таких же огромных, одинаково одетых и наглых. Чьи-то телохранители, не иначе. Спасают задницу своего шефа.

Не дожидаясь, пока здоровяк спихнет его с лестницы или приложит об стену, Луис коротко лягнул его задником армейского ботинка по колену. Что-то хрустнуло – и араб, выпучив глаза, стал заваливаться вперед. Ствол SIG застрял в перилах, и, не дожидаясь, пока противник его вытащит, Розетти врезал арабу локтем в висок. Тот беззвучно сполз на ступеньки.

Его коллеги, громко завопив, заблокировали движение на лестнице, но драться с Луисом и его сопровождающими не спешили. У многочисленных контрактников, работающих в Ираке, была весьма грозная репутация, и даже правительственные структуры Ирака старались с ними не связываться. Кто даст гарантию, что эти белые мужчины с холодными глазами не откроют огонь на поражение прямо здесь, на лестнице отеля «Аль-Рашид»?

Не спуская с «бодигардов» глаз и ствола «М-4», Луис торопливо спускался, пока перепуганную толпу сдерживали арабы. Ведь если все рванут вниз, могут и затоптать.

На улице их ждал белоснежный «Шевроле Тахо», принадлежащий «Бест Интернэшнл» и основательно бронированный. Вырвавшись с парковки, он рванул по прямому, словно стрела, улицам центра иракской столицы. Их никто не преследовал, никто им не мешал. Услышав звуки бомбежки, иракцы дисциплинированно побросали транспорт на обочинах и попрятались в переулках и подвалах. Причем не только гражданские, но и представители власти. Все чек-пойнты были пусты, как и полицейские участки, попадавшиеся на дороге. Апофеозом подавляющего страха стали брошенные «Т-72» у моста через Евфрат. Два танка, появившиеся у въезда в «зеленую зону» вчера вечером, ныне стояли пустыми, зияя сиротливо распахнутыми люками.

– Смотри, Розетти! Ты наблюдаешь войну по-арабски во всей красе. Несколько часов назад тысячи солдат и полицейских верно служили режиму, а стоило взорваться паре персидских бомб, никого не сыщешь днем с огнем. Небось многие уже погоны сорвали.

– Куда мы так мчимся?

– Как куда? В Кэмп-Виктори, где Нейтсмит натаскивает местных командос. Боюсь, что через пару часов Багдад станет аналогом Бейрута. Сейчас главное – собрать все силы в один кулак. Потом решим, кому первым врезать по кумполу...

Лагерь «Кэмп-Виктори», где раньше был штаб оккупационных международных сил и американского контингента, на деле представлял огромный комплекс, в прошлом состоящий из девяти сильно укрепленных баз. Сейчас действовали только две базы – собственно «Кэмп-Виктори» и авиабаза «Сатер». В сердцевине Кэмп-Виктори находился роскошный дворец Аль-Фау Палас, где сейчас располагались аппарат военных советников и офис командующего международными силами генерал-майора Освальда Диккенса. Хотя какие там «международные силы»... Сплошная профанация. Несколько батальонов и рот американцев, сотни две англичан, сотня чехов, поляков и невесть откуда взявшихся румын. Вот и все «международные силы». Официально американской армии здесь нет. Есть международные силы, оставленные для передачи техники и имущества, оставшихся от прежних хозяев, демократическим властям Ирака. Да, еще спецназ, всех мастей, продолжает наносить точечные удары по выявленным разведкой боевикам вездесущей «Аль-Каиды». Но рейдовыми группами командует генерал Дензил Маркес из USSOCOM – Главного управления силами специальных операций всех видов вооруженных сил США. Сидит Маркес в Дохе и подчиняется напрямую Вашингтону, «забив большой и толстый болт» на Кэмп-Виктори вместе с Диккенсом и его проблемами.

Но Розетти интересовал малозаметный офис в Аль-Фау Паласе, расположенный на первом этаже величественного здания. Здесь, занимая несколько комнат, размещалась Special operation group (SOG) иракской резидентуры ЦРУ. Сама резидентура с комфортом обитала на территории посольства США, под традиционным дипломатическим прикрытием, но «отдел грязных дел» сидел на военной базе. Под боком у военных, не вызывая у последних радости от такого вынужденного соседства. Командовал SOG хорошо знакомый Луису, еще по афганским делам, бывший «тюлень» Уорд Кокрейн с позывным Раптор. Особенностью Уорда было то, что, будучи профессиональным моряком, он сделал блестящую карьеру в Агентстве, придя в него всего десять лет тому назад. В Афганистане Уорд был простыми оперативником, натасканным на ловлю главарей талибов, – здесь он уже руководил целым секретным подразделением, наводящем ужас на врагов США.

Кэмп-Виктори, в отличие от самого Багдада, иранцы бомбить не решились, как и международный аэропорт, поэтому чем ближе оказывался лагерь, тем плотнее был поток машин на шоссе. Местная элита при первых взрывах похватала золото, бриллианты и кредитные карточки и рванула под крылышко генерала Диккенса, даже не думая об организации сопротивления.

Розетти с чувством выругался, сравнив представителей местной элиты с продажными женщинами, немало повеселив присутствующих в машине.

– Это «загадочный восток», Луис. Стрелять в спину, взрывать набитые битком поезда и самолеты – всегда пожалуйста. Но драться с врагом открыто – никогда.

Американские чек-пойнты на подъезде к Кэмп-Виктори в отличие от брошенных в городе, наоборот, были многолюдны. На проезжающий поток машин злобеще смотрели десятки стволов, которые сжимали в руках крепкие парни в темных очках и кепи. Над некоторым блокпостами даже болтались флаги. На белом фоне – оскаленная черная пасть в виде звезды. Опять DarkStar....

– Как бы у них здесь налаженный бизнес не рухнул. – Розетти обратил внимание Беста на его коллег-конкурентов.

– Бизнес у «Ди-Си» налажен настолько, что даже падение Багдада его не подорвет... Вам в ЦРУ такие деньги даже не снились!

«Ага, знал бы ты, деревенщина армейская, какие у нас в ЦРУ действительно крутятся деньги», – подумал Розетти, но промолчал. Надо было как-то выкручиваться из сложившейся ситуации.

Целая неделя, проведенная в Ираке, за исключением беседы с перебежчиком, была совершенно бестолковой. Никаких прямых доказательств отношения иранского спецназа к теракту в Европе выявить не удалось. Кроме слухов. Но русские вряд ли будут верить слухам... Тут еще и вторжение Ирана. Просто аут... Миссия провалена полностью, и помочь ему никто не сможет. Хотя есть один шанс... призрачный, но все же.

В Аль-Фау Палас попали с трудом. Удостоверение ЦРУ, предъявленное Луисом, на наемников и тем более армейцев, охранявших внутренний периметр «Кэмп-Виктори», не действовало.

– Сэр, у нас приказ пропускать внутрь центрального сектора базы только обладателей спецпропусков, подписанных самим генералом Диккенсом. У вас такого нет, так что, сэр, прошу настоятельно: отойдите от нас и отгоните машину, – объяснил Розетти красномордый сержант на очередном чек-пойнте, уже внутри лагеря. Спорить с подобными типами, особенно когда у них за спиной БТР с крупнокалиберным пулеметом, себе дороже. Махнув рукой и сплюнув, Розетти вернулся в кондиционируемый салон «Тахо».

– Возвращаемся в «зеленую зону»? – спросил Брайан, лениво растягивая слова.

– Нет. Сейчас звоним Кокрейну. Пусть пропуск для нас закажет. У меня задумка одна появилась.

– Какая?

– Никогда не поверю, что местные разведчики типа этого барана Аляви что-то знают про иранских командос. Надо потрясти Кокрейна: может, по тюрьмам сидят специалисты со времен Саддама. Вот их и надо выдернуть...

– Да, Луис. А голова у тебя работает как надо... Только слишком поздно. Никто из местных сейчас дергаться не будет. Все будут ждать, что мы навтыкаем персам по самое «не балуй». А мы, как я думаю, на такое сейчас неспособны.

Луис кивнул. Отбить нападение персов на чахлый постсаддамовский Ирак – у Америки не было никакой возможности! Вооруженные силы президента Курди находились в стадии формирования, боевой авиации и противовоздушной обороны не имелось вовсе. Тягаться с иранской армией в бою эта толпа, наспех обученная американскими, британскими, польскими, турецкими инструкторами, при всем желании не могла. Две наиболее боеспособные дивизии уже ввязались в бой с агрессором, хотя, если не прибудет помощь, итог этих боев будет однозначным.

А помощи ждать неоткуда. Из сил США в этом регионе – в основном спецназ, тысяча морпехов, несколько эскадрилий военно-воздушных сил и универсальный десантный корабль Вохер с «Харриерами» на борту. Причем морская пехота и универсальный десантный корабль готовятся к переброске на тихоокеанский театр военных действий.

– Мне плевать на персов. И на арабов... Требуется узнать и доказательно обосновать, кто устроил Третью мировую, и мы добудем доказательства. Даже если для этого придется взять штурмом тюрьму «Абу-Грейб» или здание Министерства обороны...

Рация в машине ожила.

– Это Кокрейн. Розетти, хитрый ты змей, давненько не виделись...

– Сделай мне и моим ребятам волшебный пропуск, Уорд. У меня к тебе интересный разговор.

– Естественно, санкционированный руководством? Директор Барнетта в курсе? – хихикнул Кокрейн.

– Уорд, тебе бы всё шутить.

Глава 2. Амурская область. Район Завитинска

Хорошие новости – редкость, особенно на войне. Поэтому, услышав о разгроме союзников в Польше и сдаче без боя Варшавы и Кракова, Артем недоверчиво покачал головой.

– Вот так запросто разгромили?

– Не запросто, майор. Но разгромили, это факт. Без электроники сейчас особо не навоеешь. Американцам «выключили свет» на сутки – этого хватило, чтобы основательно намять им бока.

Пшеничный промолчал и стал крутить в руке зеленое яблоко, яблоки лежали перед ним на ящике из-под 82-миллиметровых мин. Заменивший убитого в Хабаровске начштаба Филиппова майор Венедиктов здорово раздражал Артема. Гена Венедиктов прилетел в расположение Амурской пластунской бригады, отведенной после свирепых уличных боев на отдых, в поселок Князе-Волконское. До прибытия на фронт Венедиктов спокойно служил в территориальном полку, гоня сопляков из «Сварога» по плацу. Потом его вместе с другими офицерами и сержантами полка запихнули в «Ил-76 ТД» и отправили сюда. На китайскую границу. Пополнять поредевшие ряды защитников Дальнего Востока. Понятно, что от такой неожиданной метаморфозы собственной жизни «территориальный» майор впал в шоковое состояние. Шок выражался в чрезвычайной болтливости нового начштаба. Не язык – просто помело какое-то.

– Откуда знаешь, Венедиктов? В Интернете, что ли, посмотрел? – не выдержал наконец Пшеничный, пружинисто вскакивая и пытаясь размять затекшие ноги.

Венедиктов надулся, словно ребенок, у которого отобрали шоколадку.

– Зачем же так, господин майор. Это официальные данные. Все об этом знают...

– Видимо, кроме меня... Извини, майор, некогда было, в Хабаровске с узкоглазыми махался. Ладно, Венедиктов. Что у нас с маршрутом выдвижения батальона к аэропорту? Давайте к делу.

По ходу выяснилось, что Геннадий Петрович Венедиктов не соответствует своему званию и тем более своей должности начальника штаба батальона. С таким маршрутом не батальоном управлять, даже стадо пасти нельзя...

– Вы воевали, Венедиктов?

– Так точно. В Казахской кампании.

– Должность?

– Командир комендантского взвода.

Все ясно. Пшеничный чертыхнулся. Неделию назад назначение на должность в пластунской бригаде неопытного тыловика было невозможно в принципе.

Пластуны отличались от обычной пехоты и даже спецназа повышенной «семейственностью». Вот, к примеру, Терской полк почти на девяносто процентов укомплектован жителями Ставрополя, причем многие либо земляки, либо вообще родственники, включая офицеров. Здесь, на Дальнем Востоке, при комплектовании бригады старались по максимуму соблюдать тот же принцип. Если не удавалось, в ход шли рекомендации и поручительство. За каждого новичка отвечал тот, кто его привел. А теперь?

Из-за потерь и войны на два фронта присылают всякую шваль. Без малейшего опыта, но с амбициями. Кто сказал, что на Руси народа много? Увидите такого теоретика – плюньте ему в рожу. Людей не хватает. Для большой войны – особенно. Вот сейчас мобилизацию объявили, уже две недели как... И что? Все норовят от фронта откосить. Суки...

Тут еще, как назло, общая стратегическая обстановка хреново складывается.

«Благовещенск китаезы взяли с ходу за двое суток, перемахнув через Амур на вертолетах и десантных баржах, – вспоминал Пшеничный. – Силенок у наших не хватило, чтобы этот

город защитить. Это же не Хабаровск... А за Благовещенском – местность, открытая для танков, вполне проходима. Вот узкоглазые нашим и врезали. От души, так сказать, наворачнули. Наши – врассыпную, а китайцы – вперед. Короче, транспортный узел Белогорск желтомордые взяли в тот день, когда меня чуть в подвале не завалило, Транссиб перерезали и рванули дальше, двумя колоннами. Одна на запад, к Свободному, другая на восток, сюда, к Завитинску. Дальше все было еще хуже.

Китайцы прорвались к Борзе, вот-вот попрут дальше и возьмут Читу. Вот это уже – звонок для Москвы. Даже не звонок – набат. С падением Читы весь восток Руси будет отрезан, словно ножом гильотины. Желтолицые все рассчитали с запасом, перерезая коммуникации в нескольких местах сразу. У Читы, Белогорска, Тынды...»

Пшеничный повернулся к начштаба спиной и пошел к пластунам. Надо было поднять настроение ребятам, рассказать парочку сальных анекдотов и беззлобно поругать за раздолбайство. Хоть чем-то занять свой мозг, отогнать мрачные мысли.

Помимо китайцев, прущих, словно бессчетная стая леммингов, доставали американцы. Чем дальше, тем сильнее доставали. Их морская авиация и крылатые ракеты методично, день за днем лупили по Транссибу, БАМу, штабам, аэродромам, полкам ПВО, месторождениям нефти, газа и радиолокационным станциям. Атаковали изошренно, с фантазией, постепенно выбивая тылы Восточного ОСК. Страшная смесь – китайская пехота и воздушно-космическая мощь США. Тьфу... Влипли, как куры на ошип.

Хотя, конечно, есть и хорошие новости. Вот в Европе американцам и европейцам, говорят, наkostenяли. Вряд ли этот Венедиктов врать будет. Артему вспомнились похороны Филиппова. Без воющей меди военного оркестра, в братской могиле на окраине Хабаровска.

Вдова Филиппова, Светка, даже не кричала и не плакала – она тихонько подвывала, словно побитая собака, постарев за какие-то сутки лет на десять. И этот стонущий, тихий вой жег душу Пшеничного, словно напалм.

– Господин, майор! – остановил Артема окрик сзади. Его нагонял Венедиктов.

– Что вам?

– Мне непонятна ваша позиция по маршруту выдвижения.

– Что тут непонятного? Вы наделали кучу ошибок. Здесь не маневры и не плац-парад, Венедиктов. Здесь фронт. На должность начштаба батальона вы не подходите.

– Меня на нее назначили в штабе бригады!

– Знаю. Вы этой должности не соответствуете. Это поправимо. Отправляйтесь и примите вторую сотню. Там опытные взводные, они вам помогут быстро разобраться в ситуации. Исполняйте.

– Вы... не имеете права! – заорал Венедиктов, делай шаг вперед.

– В боевой обстановке – имею. А после боя можете писать по инстанциям. Жаловаться на мой произвол. Если переживете бой, конечно. Принимайте сотню у лейтенанта Лузгина. Через полчаса я подойду и представлю вас бойцам лично.

Лузгин будет недоволен смещением с должности, но деваться некуда. Тылового майора надо засунуть в пекло, пусть поймет, что значит армия. Ребята во второй сотне лихие, почти все – местные, амурские. Самодурство нового сотника, если что, оценят быстро. Чужаки и белоручки в пластунах не задерживаются...

Но без начштаба тяжело... надо из взводных на время кого-то в штаб забрать... Вот Крупнов из первой сотни. Парень толковый, даром что горячий больно. Но ничего, перетопчемся.

К комбригу генералу Кологриву Артем прибыл с опозданием на три минуты, за что получил нагоняй.

– Пшеничный, вы что, на курорте? Почему все вынуждены вас ждать?

– Извините, господин генерал. Сами знаете, дороги...

Кологрив лишь махнул рукой. Проходи, мол. За военную декаду генерал здорово изменился: тени залегли вокруг глаз, лицо осунулось, посерело. В уличных боях пластунская бригада потеряла больше четверти от первоначального состава. Если бы не помощь grenадеров, прикрывших отход пластунов, вряд ли кто вырвался бы из залитого кровью Хабаровска. Но – вырвались. Отошли к Князе-Волконскому, вернее, в леса рядом с ним. А потом смотрели на чудовищное зарево пожара над столицей русского Дальнего Востока. Сутки на отдых, еще десять часов на переброску к Благовещенску.

– А как же Хабаровск? – спросил тогда Артем у своего коллеги, командира первого батальона, подполковника Каракозова, толкового пластуна с хорошими связями в штабе ОСК.

– Никак. Хрен с ним... Главкому Лисицыну виднее. Думаю, китайцам сейчас надо не шампанское открывать, а гробы заказывать...

Амурских пластунов перебрасывали под Завитинск на вертолетах «Ми-8МВТ-55» из приданного бригаде триста шестьдесят четвертого вертолетного полка и древних «Ми-6», наспех перекрашенных в пятнистый камуфляж.

– Откуда эти монстры? – спросил Артем пожилого прапорщика, не по погоде облаченного в теплый бушлат.

– Хе... Вестимо, откуда. Из «Арктик-авиа» с Таймыра перебросили...

– А долетит?

– Не бойсь, казак. Если не развалится, то долетит, – оптимистично пообещал прапор.

Кое-как этот птеродактиль времен холодной войны донес бранные кости Пшеничного и его поредевших пластунов до окраины Завитинска, где он влился в нестройные толпы вооруженных мужчин, оккупировавших окрестные леса.

Кого здесь только не было. Привыкший к «сборной солянке» в пятнадцатом армейском корпусе, дравшемся у Хабаровска, Артем, увидев «завитинский зоопарк», чуть не «выпал в осадок». Помимо привычных глазу мотострелков, танкистов, grenадеров и «глухарей», среди деревьев щеголяли увешенные оружием ополченцы, солдаты и сержанты железнодорожного полка и даже экзотический спецназ какого-то силового ведомства с невиданным зверем на шевроне. И что удивительно: кто-то этим «зверинцем» еще и командовал.

Что еще поразило Пшеничного – так это толпы беженцев. Женщины, дети, старики – все бледные, замученные, уставшие... Кто от самого Благовещенска бежал, из-под носа у китайцев. Особенно поразило Артема мальчонка лет пяти, который брел по грязной обочине, сжимая в одной руке плюшевого поросенка, а другой держась за рукав куртки толстой пожилой тетушки. Артему врезались в память белые от напряжения детские пальчики, вцепившиеся в ткань куртки. Казалось, нет в мире силы, способной оторвать детскую ручонку от потрепанного обшлага. У пацаненка были уставшие глаза, как у старика, повидавшего в жизни всякое...

Кологрив поднял руку, призывая к абсолютной тишине, и подошел к карте, усеянной разноцветными значками.

– Господа офицеры, готовьтесь запоминать и записывать. Включите лэптопы. Но для начала – общая оперативная обстановка на сегодняшний день. Начнем с хороших новостей.

– Первое. В Европе, как многие уже слышали, произошел резкий перелом в нашу пользу. Объединенная группировка войск НАТО разбита и отступает. Для нанесения ударов по морским коммуникациям наш десант захватил Исландию. Там сейчас разворачивается ракетно-авиационная авиация и силы ПВО. Уже атаковано несколько американских конвоев – результаты признаны блестящими.

– Извините, господин генерал, это значит: скоро сюда придет помощь? – Командир третьего батальона, майор Поляков, прервал Кологрива.

– Это означает, Поляков, ровно то, что я сейчас сказал. Помощи в ближайшие дни не будет. За исключением воздушной поддержки. Все боеспособные части ВВС стягиваются сюда, на восток. И на том спасибо, как говорится. Вторая хорошая новость – в США началась полномасштабная гражданская межрасовая война. Так что первая американская дивизия морской пехоты вряд ли в ближайшее время окажется на Камчатке или Сахалине. Это значительно облегчает нашу жизнь. С их морской и тактической авиацией, терзающей наши тылы, будем надеяться, справятся переброшенные с запада истребители.

Генерал с жадностью отпил воды из стакана.

– Третье. Наступление НОАК – Народно-освободительной армии Китая – на Приморском и Биробиджанском направлении отбито. С тяжелыми потерями для противника. Гвардейцы пятого корпуса, под Бикином, зажали в кольцо танковую и механизированную дивизии тридцать девятой армейской группы и уничтожили. Так что, господа, Приморье выстояло...

Офицеры, сидящие в штабной палатке на раскладных стульях, оживились. Значит, не все так плохо, как кажется после бойни в Хабаровске.

– Теперь о хреновом, господа. Сложилось критическое положение здесь, в Амурской области, и в Забайкальском крае. Китайцы вбили в нашу территорию два стальных костыля и постепенно наращивают силы, несмотря на круглосуточные действия нашей авиации и удары оперативно-тактических комплексов. С Забайкалем разберемся позже, первая задача – Завитинск. Если китайцы прорвутся здесь, в восточном направлении, сдержать их будет некому. Но самое плохое в этой ситуации – что сдержать мы их не можем. Нас просто раздавят.

Зловещая тишина... Артему показалось, что он слышит, как стучит сердце каждого, сидящего рядом. И его собственное тоже. Напряженно так, словно барабан. Бух-бух-бух...

– Сдерживать китайцев мы не сможем, поэтому ударим сами. Других вариантов не просматривается. Если китайцы полностью развернут свой второй эшелон и подтянут реактивную артиллерию, нам точно крышка. Поэтому Амурская пластунская бригада с этой минуты начинает подготовку к обходному маневру в южном направлении от Завитинска. Задача, как обычно, самая простая. Расчистить дорогу танковой бригаде, выбить противотанковые средства противника, корректировать огонь артиллерии.

– Какой танковой бригаде?

– Третьей гвардейской, что прячется в шести верстах отсюда.

– Но, господин генерал... Третья бригада в Приморье...

– Нет, она здесь. Или почему вы, пластуны, до последнего держали Хабаровск? Вы обеспечивали переброску бригад пятого гвардейского сюда, под Завитинск.

Артем покачал головой. Вот как ларчик открывается... Пятый гвардейский корпус – самое боеспособное армейское объединение к востоку от Урала. Лучшее всех оснащенное и обученное. Эти ребята быстренько «нагнули» китайцев в Приморье и отправились сюда. А для переброски сюда гвардейцам был необходим хабаровский железнодорожный узел, прикрытый ЗРК – зенитным ракетным комплексом. Вот поэтому город и держали. Что же, гвардейцы переброшены вовремя, а цена... Цена, если победим, будет несущественной. Как ни цинично это звучит.

– Теперь внимание, господа пластуны. Бригада получила боевую задачу – обойти Завитинск с юга двумя батальонами, оседлать трассу Р-464 и железную дорогу. Выставить заслон и оттянуть на себя часть сил неприятеля. Остальные силы бригады выдвигаются к Камышинке и южной окраине Завитинска. Китайцам придется попотеть, чтобы обойти наши заслоны. Их поджидает время – вряд ли они будут пытаться вас подавить огневой мощью, как в Хабаровске. Скорее всего, предпочтут обойти, сманеврировать. Прорваться через Райчихин к Бурее. Или по федеральной трассе «Амур» обойти Завитинск с севера. Второй вариант – предпочтительнее. Федеральная трасса идеально подходит для выдвижения механизированных колонн, это не до Бурей ковылять. Атакующие китайцы будут для вас как на ладони. Первая задача –

корректировка ударов нашей артиллерии и авиации. Вторая задача – не дать китайской легкой пехоте прорваться на помощь своим бронетанковым силам. Две тактические группы будут волнорезами. Когда за основные силы китайцев на федеральной трассе примутся танковые бригады, мы должны удержать позиции. Они потребуются для контрудара. И вот еще... Опасайтесь китайского спецназа, господа. По данным разведки, в Белогорск прибыл отряд «Меч Востока» численностью до батальона. Ожидается, что эти меченосцы окажутся здесь, под Завитинском. С той же целью, что и вы. Расчистить дорогу своим танкам. Так что держите ушки на макушке.

Разбившись на сотни, взводы, навьюченные оружием и снаряжением, словно мулы, пластуны приближались к цели под морозящим августовским дождиком.

– Кедр, Кедр, это Ель.

Головной дозор капитана Грудина дает о себе знать. Значит, противник обнаружен: просто так дозор на связь выходить не будет.

– Кедр, обнаружена легкая бронетехника и пехота. Силой до батальона, идут колонной.

– Принял.

Трехосные бронемашины WZ-551, колесные истребители танков PLT-02, облепленные фигурками пехотинцев, неторопливой змеей ползли по узкому разбитому шоссе в направлении Завитинска. Возглавляло колонну несколько бронетранспортеров с «рогами» системы электронного подавления. Рядом с машинами, крутя головами во все стороны, шлепали по обочине китайцы. Понятно, инженерная разведка – с них и начнем.

– Командир, смотрите, что за фигня?

Пшеничный глянул на экран монитора системы управления малоразмерного дрона Zala, пролетающего сейчас вдоль колонны. В ее хвосте двигалось два десятка необычных колесных машин, издавала похожих на лесовозы.

– Б... это, похоже, самоходные гаубицы... На колесном шасси. Значит, цели меняются. Пропускаем колонну вперед, затем бьем в хвост. Выбиваем гаубицы. С махрой разберемся позже. Это явно не спецназ, справимся без труда.

Китайцы торопились: их разведка вскрыла наличие у русских крупных танковых соединений, переброшенных с востока. Теперь надо было быстро захватить несколько параллельных федеральной трассе ключевых позиций, обеспечить выдвижение танкового клина НОАК. Поэтому генерал Лю Ван отправил колонну сто семидесятой механизированной бригады вперед, не дожидаясь результатов авиационной и радиоэлектронной разведки. Началась смертельная гонка по времени: кто успеет раньше, тот и победит.

Залп из «Шмелей» выглядел красиво. Словно в амурском лесу завелся сказочный дракон из китайских легенд. Гаубицы SH-1 одна за другой исчезали под вспышками ударов, наносимых из окружающего дорогу подлеска. Прежде чем идущие в центре бронетранспортеры успели обрушить на подлесок шквал огня из автоматических пушек и тяжелых пулеметов, по ним стали бить РПГ. Каждый второй пластун тащил на себе тубус РПГ-26 «Аглень», поэтому залп получился сплоченный и точный.

Через пару секунд сильная стрельба началась во главе колонны.

– Сотня Венедиктова ударила! – Пшеничный глянул в бинокль.

После тупого кошмара уличных боев нападение на колонну было настоящим подарком. Именно на это амурских пластунов и натаскивали. Точный огонь «Абаканов» косил мечущуюся китайскую пехоту, бронетранспортеры взрывались от попадания реактивных гранат.

Побоище завершила артиллерия, точнее, отдельный реактивный дивизион «Ураганов» пятиминутным огненным шквалом разметал остатки механизированной колонны.

Через несколько секунд за спиной у пластунов в тридцати километрах раздался неясный, но хорошо знакомый гул. Танковые батальоны «Барсов» третьей и двадцать первой гвардей-

ских бригад начали выход на позиции для последующей атаки. Операция «Звездопад» началась.

Глава 3. Борт CVN-70. Восточно-Китайское море. 14 августа

Если когда-нибудь будет составлен некий список под названием «Идиоты, изменившие мир» или «Дураки, потрясшие вселенную», то помимо уже ранее описанного Хорхе Эль Озо Наварро туда войдет еще один персонаж. В отличие от полуграмотного отморозка и психопата Наварро, у которого перемкнуло мозг на мексиканской границе, этот анонимный персонаж происходил из хорошей семьи, был отлично образован и, может быть, действительно изменил бы когда-нибудь вселенную. Но этого не произошло. Из-за маленькой ошибки, повлекшей за собой большие последствия...

Так или иначе, лейтенант-коммандер Элрой Манкузо был свидетелем того, как анонимный оператор самолета с системой ДРЛО – дальнего радиолокационного обнаружения – из-за своей тупости переписал историю.

Стальная глыба авианосца CVN-70 «Карл Уилсон» неторопливо пенила волны Восточно-Китайского моря в ста пятидесяти милях севернее острова Чеджу, ожидая наступления долгожданного вечера. Как стемнеет, опять с ревом начнут взлетать с палубы напичканные бомбами и ракетами палубные истребители-бомбардировщики Hornet и Super Hornet, направляясь на север, где лежала цель их полета, такая непонятная и такая холодная – Русь. Ночные вылеты давали больше шансов выполнить боевую задачу и избежать ненужных потерь от ответных действий русских ЗРК и истребителей.

– Сегодня цели снова в районе Владивостока. – Командир семнадцатого палубного авиакрыла ВМС США капитан² Питер Хеллер кивнул на огромный экран. – Первоочередные цели: две РЛС – радиолокационные станции для ракетноносной авиации русских. Надо ослепить «Бэк-файры», от них очень много неприятностей. РЛС прикрываются «Гладиаторами» и, как всегда, «Фулкрумами» и «Фланкерами»... Думаю, будет жарко.

В тактическом центре авианосца наметилось оживление. Пилоты всех четырех ударных эскадрилий авиакрыла переглянулись, потупив глаза. Мало кому хотелось опять испытать на себе мощь зенитных ракет и перехватчиков русских ВВС.

Заместитель командира Strike Fighter Squadron-22 Манкузо неслышно, себе под нос, выругался. Трусом, как и большинство пилотов, Элрой не был, но и самоубийцей тоже. Слишком тщательно продуманной была система русской противовоздушной обороны, и подавить ее, несмотря на непрерывные атаки крылатых ракет и ударных самолетов, не удавалось. Более того, оборону не удавалось даже ослабить. Зенитно-ракетные комплексы, истребители и боевые корабли составляли единый комплекс противовоздушной обороны, устойчивый даже к комбинированным воздушным атакам. Вполне возможно, дело спасли бы подразделения спецназа или ядерное оружие, но здесь Манкузо командующему флотом адмиралу Ричарду Хаттону был не советчик.

Отправляясь сюда, в воды Восточно-Китайского моря, Элрой был уверен, что война закончится победоносно и очень быстро. Как все красиво выглядело на интерактивной карте будущего театра военных действий, продемонстрированной пилотам на морской базе «Коронадо»! Две авианосные ударные группы, в каждой по два атомных авианосца, словно клещами, с юга и севера, охватывают русский Дальний Восток и вместе с крейсерами и подводными лодками методично его «избивают». Но с самого начала все пошло наперекосяк.

² Капитан – в ВМС США звание, в России соответствующее званию капитана первого ранга. Звания на флоте и в морской авиации США идут в такой последовательности: энсин (кадет), лейтенант младший, лейтенант, лейтенант-коммандер, коммандер, капитан, контр-адмирал младший, контр-адмирал, вице-адмирал, адмирал. Адмирал флота – специальное звание, присваивается за особые заслуги, как и звание генерала армии.

Вместо четырех авианосцев оказалось только три. Ветеран ВМС, «Честер Нимиц», едва прибыв к берегам Японии, был отозван обратно, в США, ослабив мощь будущих ударов ровно на четверть. Затем взбрыкнули япошки. Эти вечно хитрящие, изворотливые представители желтой расы, видимо, ведут двойную игру... Едва в ночь с 27 на 28 июля три палубных авиакрыла вылетели на бомбежку русских, как япошки закатили истерику главе Госдепа Хиллари Клейтон. Мол, мы в войне не участвуем, так какого болта бомбардировками руководят из японской Йокосуки?

Госдеп послал япошек к их японской матери. Те вроде успокоились, но через трое суток русская атомная многоцелевая субмарина, не выходя с военно-морской базы, отстреляла по «Джапсам» четыре КР SS-N-26 Strobile. Одну ракету перехватили японские истребители, три штуки упали именно туда, куда метили русские. Возле ядерных электростанций и хранилищ промышленных химикатов. Хорошо еще, что ракеты были без боеголовок. Пугали «иваны» япошек... Но эти самураи недоделанные устроили такой концерт по дипломатической линии... Короче, пришел из Вашингтона приказ в японские порты не заходить, от греха подальше. Адмирал ван Бюйтен, командер седьмого флота³, говорят, орал на столичных дипломатов так, что связки посадил. Мы, говорит, Вторую мировую выиграли или япошки? А те в Госдепе на своем стоят: мол, сваливайте с Йокосуки, пока япошки вас силой не выперли...

На первый американский налет русские немедленно ответили массированным пуском ПКР по авианосным группам. Первые потери сразу шокировали как командование, так и рядовых моряков. Одно дело – стрелять «томагавками» издалека по незащищенным объектам, другое – ждать, когда подобранный ракетносец «Туполев» или субмарина типа «Оскар» угостят тебя крылатой ракетой. Причем русские старались не выходить из-под противовоздушного «зонтика», в случае опасности немедленно скрываясь за невидимым зенитным редутом. Попытки перехватить уходящие после ударов «Бэкфайры» наталкивались на яростные контратаки русских истребителей.

Пятого августа двадцать вторая эскадрилья столкнулась с «Фланкерами», пытаясь пробить дыру в русской ПВО и уничтожить авиазавод в Арсеньеве. Пять «Хорнетов» навсегда остались догорать на поросших лесом приморских сопках. С тех пор пилоты семнадцатого авиакрыла зареклись встречаться с русскими истребителями, особенно над их противовоздушными позициями, предпочитая работать по наземным целям. Тоже опасно, но шансов уцелеть самому и выполнить задачу гораздо больше.

В мире тем временем события менялись со сверхзвуковой скоростью. Иран вторгся в Ирак, его танковые колонны выходили к Эль-Насирии, обходя Басру с двух сторон. Следом китайцы вторглись в Центральную Азию, прорываясь к Ташкенту и Душанбе. Русские в стороне не остались и открыли еще один фронт, врезав стратегическими бомбардировщиками и тактическими ракетами по китайским экономическим объектам и научно-исследовательским центрам. Китайцы словно взбесились и обрушились на русских всей своей азиатской мощью.

– Сэр, надеюсь, китайцы здорово навалили «иванам»? Нам теперь будет полегче летать? – Лейтенант из соседней эскадрильи Юджин Прист поднял палец.

– Напрасные надежды, Прист. Все получилось наоборот: «иваны» хорошенько вздрючили любителей панд. От китайской противовоздушной обороны за двое суток осталось одно название. Новых самолетов, уровня F-16 и F-18, у китайцев мизер, в основном старье со времен Советов. К тому же модернизированное собственными кривыми ручонками. Достойные самолеты – это русские и израильские копии. «Фланкеры» и «Лави». Но их мало – для «иванов» не помеха... Русские применили свою стратегическую авиацию и смешали авиабазы и командные

³ В состав Тихоокеанского командования ВМС США (The United States Pacific Fleet (USPACFLT)) входят два флота, третий и седьмой. Третий базируется в Калифорнии (Сан-Диего), седьмой – в Японии (Йокосука и Сасебо). В представленном романе адмирал Хаттон командует USPACFLT, адмирал ван Бюйтен – седьмым флотом.

центры китайских ВВС с землей. Так что, энсин, не стоит обольщаться. Да вот еще... теперь русские истребители и бомбардировщики шастают вдоль западного побережья туда-сюда. Надо выделить combat air patrol из двадцать второй эскадрильи. Может, кого перехватим.

– Почему CAP будут выделять из моей эскадрильи? – Коммандер Локвуд, непосредственный командир Манкузо, возмущенно приподнялся со своего места.

– Успокойтесь, Локвуд! – махнул рукой Хеллер.

– Ваша двадцать вторая отлично выглядит и понесла меньшие потери по сравнению с коллегами. Так что формируйте патруль и подымайте его в воздух. «Ястребиный глаз» лейтенанта Пайпера будет вас поддерживать и наводить. Все, отдыхайте.

Четверка F/A-18 скользила в небе, разбившись попарно, словно хищные птицы, отслеживающие добычу. Чуть сзади летел, вращая свою тарелкообразную антенну радара, E-2C «Хокай», прошупывая окружающее пространство электронными щупальцами.

Элрой Манкузо, слушая вполуха монотонный голос оператора самолета ДРЛО, докладывающего воздушную обстановку, думал о своих родных. Как тяжело воевать, когда не знаешь, что с твоей семьей.

Манкузо, как и большинство офицеров морской авиации США, вырос в весьма обеспеченной калифорнийской семье. Мать трудилась бухгалтером в одной из голливудских студий, отец, инженер-электроник, тоже работал на «фабрике грез». Денег у Манкузо было более чем достаточно, и Элрой, как и его старший брат Пол, ходил в престижную частную школу в Беверли-Хиллз. Впереди было много открытых дверей, но Элрой выбрал флот. Неожиданно в первую очередь для себя. Всему виной был старший брат. Задира Пол всегда был здоровее, крепче, агрессивнее и успешнее художатого Элроя, настоящий лидер и кумир девчонок. Придурок Пол не нашел ничего лучшего, как податься в морскую пехоту, сбежав в академию ВМС, сказав напоследок несколько язвительных слов в адрес младшего брата в присутствии общих знакомых. Дело чуть не дошло до драки между братьями, и Элрой публично заявил, что утрет нос Полу. Едва дождавшись нужного возраста, он тоже отправился в Аннаполис, невзирая на возмущение родителей, твердящих, что вырастили вместо нормальных детей солдафонов...

Элрой усмехнулся. Сколько лет прошло с тех пор? Почти пятнадцать... Задира Пол Манкузо ныне подполковник, командир батальона второй экспедиционной дивизии морской пехоты. Ветеран Афганистана, Венесуэлы и Ирака... Женат, двое детей... Отличный дом, крепкое хозяйство. А Элрой как был, так и остался раздолбаем, хоть и получившим погоны лейтенанта-коммандера. Со взрослой жизнью его связывало только наличие спортсмена «Мустанг» 1971 года выпуска и хорошая квартира недалеко от Норфолка, куда можно было затаскивать цыпочек.

– Дакота, Дакота, четыре высокоскоростные цели. Юго-восток... – В наушниках забился голос оператора «Хокая».

– Идентификация целей, Индиана? Дистанция? – отозвался Элрой, настраиваясь на возможную схватку.

– Дистанция – триста пятьдесят миль... Цель, вероятно, «Фланкер». Дакота, это «Фланкер»...

– Снижаемся, атакуем после сближения. Бьем издалека, с максимальной дистанции, без сближения.

Манкузо сцепил зубы. Поганые язычники, северные дикари. Их летающие радары, громоздкие гиганты «А-50», сейчас далеко. Ублюдки идут налегке, отбомбившись по китайцам. Сейчас «иваны» не ожидают атаки со стороны моря. Знают, что мы отдыхаем перед ночной атакой. Пришла пора жатвы...

Полковник Мэй Ланьфан, командир авиагруппы единственного китайского авианосца «Ши-Ланг», даже толком не успел понять, откуда пришла сверхзвуковая смерть. Очень быст-

рая и очень точная. Все его внимание было поглощено наблюдением за экраном бортовой радиолокационной станции Туре-147Х. Ланьфан ждал русских. Ради этого он поднял с палубы четыре истребителя и отправился в дальний поиск. Новейший китайский авианосец наверняка окажется приоритетной целью для вездесущих русских бомбардировщиков. Надо было предупредить их удар, встретить на дальних подступах. Полковник заметно нервничал на первом, настоящем боевом вылете. Мысли и образы лезли в голову, мешая сосредоточиться. Еще здорово мешали сосредоточиться три маячивших южнокорейских фрегата, растянувшихся в одну линию и наблюдающих, словно шакалы, за походным порядком китайского авианосного соединения. Исполняют приказ своих американских хозяев. От них сейчас можно ожидать любой пакости.

Полковник неслышно вздохнул... Где и как ошибся Генштаб, разведка, партия, что все пошло наперекосяк? Русские оказались гораздо сильнее, чем ожидалось. А также хитрее и подлее.

Русские подловили китайскую авиацию на аэродромах, выбив в первый день большинство современных истребителей «Су-27», «Су-30МКК» и J-10 прямо на бетонных ВПП. Забили помехами радары и протолкнули сквозь образовавшиеся щели противовоздушной обороны крылатые ракеты «Х-555» и «Х-101». Этого хватило, чтобы к утру многие полки китайской авиации существовали только на бумаге.

J-11В хоть и были копией русского «Су-27», хоть и были собраны китайцами, но проблем с внезапным отключением двигателя или БРЭО при взлете с палубы пока не возникало. Каждую машину собирали под присмотром русских инженеров в шальные девяностые годы, когда еще КНР и Россия считались «немножко друзьями». На том и спасибо, как говорится.

Сейчас же шел форменный погром Китая. Захватив господство в воздухе, русские планомерно начали долбить по стратегическим и экономическим объектам, разрушая основы китайской экономики. Одной из первых целей русских стали заводы авиационной корпорации в Шэньяне. Теперь там вместо новеньких корпусов и лабораторий – руины и месиво из бетона и стальной арматуры.

От мыслей полковника отвлек резкий, почти истерический сигнал системы предупреждения о радиолокационном облучении. Индикаторы вспыхнули красным, на экране бортовой РЛС, радиолокационной станции, появились стремительно приближающиеся точки.

Головки самонаведения четырех ракет AIM-120С-7 мгновенно захватили цели, рванувшись к обреченным китайским истребителям. Ланьфану и еще одному пилоту, майору Симэню, повезло. Они чудом успели сманеврировать, уклониться от первых смертоносных светлячков. Развернувшись, они попытались атаковать неизвестного противника, но еще две ракеты, вылетевшие навстречу, не дали им этого сделать.

J-11 тряхнуло, словно ребенок трясет погремушку. Один из двигателей заглох, система предупреждения уже не орала – визжала на предельно высокой ноте. Чувствуя, что тяжелая машина теряет управление и с ужасом наблюдая за очередным быстро приближающимся светлячком, полковник рванул рычаг катапульты.

Уже окунувшись в воздушный поток, Мэй Ланьфан увидел яркую, подобную солнечной, вспышку, быстро становившуюся черной кляксой. Через несколько минут полковник увидел зеленоватое море, оранжевый спасательный плотик и разбросанные по поверхности воды островки горящего топлива.

– Цели поражены, Дакота. Отличный результат, как в фильме «Лучший стрелок».

Стремительная атака американцев, уничтоживших все четыре китайских J-11В, не прошла незамеченной на фрегате FF-959 «Бусан» ВМС Кореи. Командир фрегата Ли Чхон Дже от удивления присвистнул и повернулся к своему помощнику.

– Немедленно связь со штабом флота. Быстрее, черт побери, что вы копаетесь! – сорвался на крик Ли Чхон Дже.

Штаб первого флота отозвался мгновенно. Вместо обычного офицера на связь вышел сам командующий, контр-адмирал Пак Чи Сон.

– Отправьте вертолет к месту падения. Если есть возможность, спасите уцелевших. Осторожнее, Ли Чхон, нервы у всех на пределе. Из-за ковбойской привычки американцев сначала стрелять, а потом думать у нас могут быть большие проблемы.

Нервы действительно были на пределе. Последние три месяца весь корейский флот от эсминца до последнего сторожевого катера находился в море. «Большие маневры» флота КНР в Восточно-Китайском море, начавшиеся еще в мае, держали вооруженные силы Южной Кореи в постоянном напряжении. Континентальные собратья также вели себя предельно агрессивно, постоянно вторгаясь в воздушное пространство непризнанного государства и нарушая морскую границу. Ходили упорные слухи о диверсантах с севера, якобы высаживающихся по ночам с подводных лодок и быстроходных катеров. Воздух стал спертым, казалось, он насыщен бензиновыми парами. Казалось, кто-то чиркнет спичкой – и вспыхнет пламя войны. Тут еще главный и, пожалуй, единственный союзник Сеула США неожиданно ввязались в войну с Русью, потенциальным союзником Южной Кореи. На юге едва не началась паника, со дня на день ожидали вторжения комми, поддержанных китайским флотом и ВВС. Провокации северян становились все более наглыми, пока в ночь с первого на второе августа не произошел самый серьезный инцидент с момента перемирия 1953 года. Подводная лодка северян, видимо, доставлявшая диверсантов, была обнаружена и уничтожена сторожевым корветом. В ответ северокорейские J-5 попытались атаковать его НУРСами и были перехвачены F-16. Стычки и перестрелки в пограничной зоне не утихают до сих пор, пальцы у обеих сторон, так сказать, пляшут на курках.

Но НОАК, посрамив экспертов и аналитиков, внезапно ударила в противоположном направлении, напав на Центральную Азию. В Сеуле едва вздохнули свободно, утерев холодный пот со лба, как мощный китайский флот опять вышел в открытое море. На сей раз во главе с новейшим авианосцем. Грозная эскадра, развернувшись, неожиданно отправилась на север, штаб ВМС Сеула отправил вслед две группы фрегатов для разведки и «демонстрации флага». Мол, у нас тоже есть что показать. Чуть сзади разворачивались остальные силы немаленького южнокорейского флота – десять эсминцев, субмарины и еще одно соединение фрегатов.

Южнокорейские фрегаты были для командования ВМФ КНР словно бельмо на глазу. Тащились сзади, не спускали глаз, давили на нервы... Словно акулы за стадом молодых кашалотов. Хотелось их отогнать, но приказ главкома ВМФ был однозначным – двигаться вперед с максимально возможной скоростью и прикрыть собственное побережье от рейдов русских бомбардировщиков.

Роль последней соломинки, которая ломает хребет самому крепкому верблюду, предстояло сыграть молодому командиру эсминца «Фучжоу» типа «Современный» Ли Нань.

Гибель четырех истребителей, сбитых за считанные секунды неизвестным противником, потрясла его. За последние три месяца командир эсминца уже предельно устал от бесконечных выходов в открытое море, маневров и учебных стрельб, максимально приближенных к боевым. Начало войны застало Ли Наня в очередном учебном походе.

Сначала все шло прекрасно. Через двое суток ударные группировки китайской армии, усиленные парашютистами и командос, прорвались в глубь Центральной Азии и устремились к Бишкеку. Потом в войну вступили русские... Жена Ли Наня, Джия, и его годовалая дочь жили в доме его родителей в Шэньяне. В первую же ночь тяжелая русская ракета «Х-59», поврежденная близким взрывом зенитного снаряда, сбилась с курса и угодила вместо штаба округа прямо в дом родителей Ли... Утром, разгребая пропитанные кровью развалины, пожар-

ные обнаружили всех, кроме отца. Жена, мать, дочь и младшая сестра Зэнзэн погибли. Тела отца не нашли – видимо, его разорвало на мельчайшие части.

Новость о гибели семьи пришла за два часа до того, как ракеты бравого лейтенанта командера Манкузо нашли свои цели. Ли Нань стоял на мостике, ни жив ни мертв от горя, а внутри его груди, будто термитная шашка, разгоралась ненависть, выжигая остатки души и рассудка.

«Они должны за все ответить... за все...» – билось паровым молотом в его мозгу единственная мысль.

– Эти твари сбивают наши самолеты. Подготовьтесь к ракетной атаке!

Через двадцать минут командующему Тихоокеанским флотом США адмиралу Хаттону доложили о непонятных событиях, происходящих на севере Восточно-Китайского моря.

– Сэр, там что-то странное происходит. Боевой патруль из двадцать второй эскадрильи семнадцатого авиакрыла срубил четыре русских «Фланкера», идущих налегке после удара по китайским авиабазам. Потом с адмиралом ван Буйтеном связался представитель Министерства обороны Республики Кореи и сообщил, что парни ошиблись и свалили четырех «китайцев». С авианосца «Ши-Ланг»... их истребители – копии «Фланкера».

– Это как понимать? В семнадцатом авиакрыле что, служат одни идиоты?

– Не знаю, сэр. Капитан Хеллер своими пилотами доволен...

Адмирал раздраженно махнул рукой...

– Что дальше?

– Дальше, сэр, начался настоящий бедлам. Китайский эсминец типа «Современный» внезапно атаковал противокорабельными ракетами «Санберн» южнокорейский фрегат «Бусан». Самый ближний к месту инцидента. Перед этим сообщив, что сам атакован. Китайцы подняли в воздух все оставшиеся J-11 и набросились на корейцев, словно сумасшедшие. Вскоре поднялись основные силы эскадр... «Бусан» утонул, много погибших, сбит также корейский самолет «Орион». Корейцы в долгу не остались, отстреляв по китайцам два десятка «Гарпунов». Один китайский эсминец горит, фрегат уже затонул. Но даже не это главное, сэр...

– А что?!

– Северная Корея, сэр... У любителей острой моркови и собачьего мяса тоже случился нервный срыв. Сейчас их тяжелая артиллерия и реактивные установки долбят вдоль всей 38-й параллели. В ответ южнокорейские «Фантомы» и «Тайгеры» мешают с землей их авиабазы...

– Охренеть... просто охренеть... вот что, передайте ван Буйтену, чтобы держался подальше от всего этого дерьма. И свяжите меня с Вашингтоном. Немедленно!

Глава 4. Виргиния. Дейл-сити. 15 августа

– Насколько глубоко пустила корни измена? Как вы думаете, Пирс? – Бригадный генерал USMC Даррел Макловски отвернулся от экрана телевизора, где изливал свои откровения связанный бледный и потный Честертон.

– Генерал, по-моему, Честертон назвал всех поименно! Так что вы ждете? Действуйте!

Макловски смущенно кашлянул и уставился своими совиными глазами на Пирса. Весь его свойственный морпехам показной гонор мгновенно улетучился, когда Роберт недвусмысленно приказал ему действовать. Бригадному генералу, прибывшему в распоряжение Пирса вместе с батальоном морской пехоты и ротой военной полиции, требовалось задержать и доставить в Кэмп-Леджун три десятка сенаторов, крупных бизнесменов, двух заместителей министра внутренней безопасности, даже министра юстиции США, обвиненных в антигосударственной и подрывной деятельности. Приказ напрямую отдал советник президента по национальной безопасности генерал Джек Джонсон, минуя министра обороны и начальника ОКНШ. Воспитанный в условиях почитания «самых справедливых» законов США, Макловски был слегка растерян.

Лезвие и его люди сработали на сто процентов. Доставили прямо из цента Вашингтона оглушенного и обделавшегося от страха Честертон в уединенное место и оттуда связались с Пирсом.

«Птичка в клетке», – злорадно подумал Роберт. Ему не терпелось немедленно примчаться к Лезвию и с пристрастием допросить пойманного холеного ублюдка насчет его подельников. Но Пирс сдержал себя. Требовалось для начала избавиться от приставленных к нему Честертоном или его высокопоставленными друзьями соглядатаев. Радикальным способом. Может, даже инсценировать собственное похищение на пару часов. Понимая, какая паника поднимется в Вашингтоне в связи с исчезновением целого министра внутренней безопасности, Роберт крайне рисковал. За такой «креатив» запросто могли скинуть с должности...

Но выхода не было. Лучше быть живым безработным, чем мертвым министром. Пирс приоткрыл дверь кабинета, обращаясь к секретарю Пенелопе Мадсен.

– Дуэйна Бриггса позови... и пусть машину готовят, – назвал Пирс фамилию своего водителя-порученца.

– Бронированную, сэр? – выпучив густо подведенные тушью глаза, спросила туповатая Пенелопа.

– Естественно. И прикомандированных телохранителей из Секретной службы вызывай.

«Если и валить, то всех троих сразу. Бриггс вроде честный парень, но рисковать не стоит», – подумал Пирс, снова захлопывая дверь кабинета. Лично, своими руками Роберт не убивал уже давно. С 1986 года, когда на территории тогдашнего ГДР ему удалось выследить и застрелить двойного агента, работавшего как на «Штази», так и на ЦРУ. Агент заслужил пулю тем, что сдал «Штази» высокопоставленного офицера восточногерманской армии, работавшего на Лэнгли... Пирс всадил ему две пули в затылок прямо на пороге собственной квартиры, затем месяц скрывался и путал следы, прежде чем покинул территорию ГДР.

Бриггс подогнал черный бронированный «Шевроле» к служебному входу, оба телохранителя, Патерсон и Рэмси, застыли, приоткрыв двери и демонстративно сунув руки за пазухи пиджаков.

– Куда едем, сэр? – деловито спросил чернокожий Патерсон, услужливо поддерживая Пирса за локоть.

– На Юг! Срочно, Бриггс... Надо ехать в Арлингтон.

– Сэр! У нас ведомственная инструкция! Чиновник вашего уровня должен передвигаться с машинами сопровождения. На территории округа Колумбия действует «красный код» террористической угрозы! Мы обязаны...

– Вы обязаны заткнуться, Патерсон! Если не хотите остаться без пенсии! – рявкнул Пирс, сверкая глазами. Гнев ему всегда удавалось изображать на сто баксов. – Ваши машины сопровождения сами по себе создают угрозу моей жизни, привлекая террористов. Этого не будет. Едем на одной машине, сирену не включаем. Лучше пробки, чем выстрел из РПГ на перекрестке... Все! Дискуссия окончена.

– Сэр, извините, но я должен буду написать служебную записку на имя шефа Секретной службы. О нарушении инструкций...

– Лучше позвоните ему из машины и сразу передайте трубку мне. Не забывайте, что Секретная служба тоже подчиняется Министерству внутренней безопасности.

Как и предполагал Роберт, Патерсон никуда звонить не стал. Чтобы не позориться. Или чтобы не нарушать субординацию и внутренние инструкции.

Патерсон аккуратно сел рядом с Пирсом на заднее сиденье, Рэмси плюхнулся на переднее – рядом с Бриггсом. Зашумел двигатель, и внедорожник мягко тронулся с места.

– Включи радио, Дуэйт. Что там в Калифорнии и Аризоне?

Но вместо новостей о событиях в южных штатах и идущей вовсю Третьей мировой по радио истеричным тоном передавали версии перестрелки и исчезновения Томаса Честертона в центре Вашингтона. Ведущий, известный политический обозреватель Рой Розенфельд, близкий к левому крылу Демократической партии, открыто намекал на то, что первый «мозговой танк США» заказали темные силы из числа республиканцев, торгующие наркотиками, оружием и параллельно снюхавшиеся с русскими и израильскими спецслужбами. Если эту «пургу» метут по радио, можно представить, что сейчас показывают по CNN или в Интернете.

Заговорщики начали действовать... Идиоты, мать их. Думают, что Интернет, радио и телевидение – это абсолютное оружие. Вот что значит блестящее образование без малейшего опыта оперативной работы.

– Сверни налево, Дуэйт, объедем круг вокруг аэропорта Рейгана.

– Сэр, куда мы все-таки едем? – снова напрягся Патерсон.

– Терпение, специальный агент. Это касается национальной безопасности, так что ваш директор, Марк Салливан, в курсе.

Скоро будет пора, скоро...

«Шевроле», потолкавшись в пробке, вырулил под эстакаду Роуз Хилл, ведущую к аэропорту. Сейчас самое время.

Делая вид, что зевает, Пирс потянулся и резко ударил локтем агента Патерсона в висок. Время стало тянуться, словно в замедленных кадрах кинохроники. Рэмси, демонстрируя отменную реакцию, обернулся назад и увидел черный ствол пистолета, направленный ему в лицо.

Опустив ствол ниже, Пирс всадил пулю агенту в грудь. Выстрел – и теперь уже Бриггс дернулся и осел, получив пулю меж ребер. Еще одну пулю Роберт всадил в грудь лежащему на заднем сиденье Патерсону.

Шесть секунд – три труп. Отличный результат, как в молодости. Инструктор по стрелковой подготовке, мистер Маккейн, натаскивавший его в молодости на «ферме», мог бы им гордиться. Главное, что все это происходило за бетонной опорой эстакады и никто из проезжающих не обратил внимание на странную возню в салоне внедорожника.

Пирс аккуратно, чтобы не запачкаться, перетащил труп Бриггса на заднее сиденье, протер сиденье влажными салфетками и сел за руль. Тело Рэмси было пристегнуто ремнями безопасности и не мешало движению. Следовало быстро доехать до того места, где Лезвие прятал

Честертон, и допросить эту мразь лично. Долгие годы службы в разведке приучили Пирса не доверять никому, даже своим друзьям и начальникам. Особенно друзьям и начальникам. Честертон знает много, очень много. И компромат у него на всех. Так что сначала допрошу его сам, потом отдам «старикам-разбойникам». Пусть поражаются.

«Шевроле» Пирс бросил недалеко от парка Хантли Медоус, на муниципальной парковке. Минут двадцать – двадцать пять у него будет. Пока кровь из машины не начнет капать на асфальт, собираясь в багровые лужицы. Покружив минут пять по окрестностям, вытянул руку и остановил такси с «косоглазым» водителем. То ли тайцем, то ли китайцем, то ли филиппинцем...

– Отель «Олд Доминион»... и побыстрее.

– Да, мистер. Моя быстрая... как ветер, – пропищал азиат, в подтверждение своим словам делая мелкие быстрые кивки головой на тонкой шейке.

Доехав до отеля и расплатившись наличными, Роберт обогнул отель и направился в сторону Джефферсон Дэвис-хайвей. Там, в подвале старой типографии, переделанной в офисное здание, Эрнесто Лезвие Алонсо и оборудовал свой «полевой штаб».

Постучав условным стуком в испачканную краской дверь, Пирс услышал, как лязгнул засов. Об этом сигнале знали всего два человека. Сам Алонсо и Роберт Пирс.

Дверь открылась, и Пирс шагнул в темный проем. Лезвие стоял с правой стороны, не спуская с проема ствол SIG SG-556 с увеличенным магазином. Еще один боец в маске стоял в глубине помещения, страхуя Алонсо с помощью мощного дробовика «Бенелли». Серьезный все-таки парень Эрнесто.

Помещение уже пропахло насквозь страхом, болью и потом. Томас Честертон, глава аналитической корпорации Raven, один из умнейших и влиятельнейших людей США, сидел сейчас в грязном углу и мелко трясся от страха. Подняв глаза и увидев вошедшего Пирса, он перестал трястись и попытался взять себя в руки. Похвально, похвально...

– Так и думал, Пирс, что это ваши дела... Вы совсем выжили из ума?

– Не пыли, сынок, – оскалился Пирс, присаживаясь напротив.

– Оставьте выражения для наемных головорезов, что за вашей спиной, Роберт... Вы думаете, это просто так сойдет вам с рук?

– Не думаю, Томас. Думаю, что, разворошив ваше осиное гнездо, я обеспечу себе долгую жизнь и спокойную старость. Вы заигрались, Честертон. Одно дело – вы обслуживаете и помогаете федеральной власти. Другое – вы пытаетесь ее заменить.

Честертон хрипло, неприятно засмеялся, пошевелил стянутыми пластиковыми наручниками руками.

– Боже, какой вы идиот, Роберт. Вы пытаетесь спасти то, что сгнило и смердит. Основа американской мощи – доллар. Без мировой валюты Америка, вместе с авианосцами и ядерными ракетами, не стоит ничего. Ваши имперские игры вместе с Гиббсом, Джонсоном и прочими маразматиками довели нашу финансовую систему до краха. Единственный выход из ситуации – немедленное прекращение войны. На любых условиях. Если русские сцепились с китайцами, наши шансы резко повышаются. Надо спасти доллар... Пока наши геополитические противники продолжают воевать, у нас будет возможность поправить дела здесь. Избежать катастрофы. Для этого нужен мир.

– Томас, не говорите ерунды. Шайка ваших сраных интеллектуалов, снюхавшись с финансистами, готовы слить собственную страну. Вы не более чем заговорщики. Обычные грязные крысы. Собственные счета в офшорных банках для вас дороже Америки. Прекратим полемику, мы не на телешоу Трэвиса Смайли. Мне нужны фамилии, Честертон, твоих дружков и подельников. И не заставляй меня идти на чрезвычайные меры. Языки развязывать умею.

Честертон сдулся, словно шарик, из которого выпустили весь воздух. Покачал головой, пробормотав какое-то ругательство, пока Пирс настраивал видеокамеру на своем телефоне. После чего заговорил.

Список заговорщиков, как и ожидалось, был весьма впечатляющ. Это вполне ожидаемо. Пора действовать, его, наверное, уже ищут. Смысла хорониться больше не было.

В сопровождении Алонсо Роберт вышел на свежий воздух из затхлого и вонючего подвала. Набрал номер Джека Джонсона. Отставной генерал откликнулся через пару секунд.

– Да?! – пророкотал в трубке его бас.

– Отправляю интересный видеофайл, – не представившись, сказал Пирс. – Господин Джонсон, как посмотрите, жду вашего решения.

Советник президента по национальной безопасности перезвонил минут через пятнадцать.

– Ты совсем охренел, Пирс! Ты... ты похищаешь главу одной из крупнейших корпораций и выбиваешь из него показания! Потом сбегаешь, убив трех сотрудников Секретной службы, приставленных тебе для охраны!

– Ваше решение, сэр? – напрямую спросил Пирс, стоически выдержавший первый словесный натиск Джонсона.

Длинная пауза в трубке и сопение. Звоня по открытой и наверняка прослушиваемой заговорщиками линии, Роберт не оставлял генералу шанса проигнорировать полученные данные. Джонсон это понимал и поэтому был в ярости.

– Жди, тебя найдет мой человек... Ты один?

– Нет, сэр. Но это мои давние... э-э... товарищи.

– Понятно, мокрушники из числа шпионов... Отключай телефон, немедленно. И жди моего человека.

– Понятно, сэр. Я его знаю?

– Видел пару раз. В Сомали и Боснии.

Человеком от Джонсона оказался бригадный генерал морской пехоты Даррел Макловски. Появление колонны бронетехники на улицах Дейл-сити уже никого не удивляло. Наоборот, военные вызвали у обывателей вспышку энтузиазма и патриотизма. В условиях начавшейся криминальной войны армия была одним из столпов, на котором еще держалась Америка.

Было непонятно, почему вместо стремительного рейда вертолетов со спецназом и мгновенного захвата ключевых фигур заговора Джонсон предпочел отправить в Вашингтон длинную механизированную колонну, которая еле тащилась по девяносто пятому шоссе в сопровождении «Хаммеров» военной полиции.

– Макловски, я не понимаю, какой у вас точный приказ?

– Выдвинуться в Вашингтон, взять под контроль здание Сената, Министерства обороны, юстиции и внутренней безопасности, ФБР, Госдеп, Федеральный резерв. Дальше – ждать дальнейших распоряжений.

Челюсть Пирса отвисла.

– А задержание заговорщиков?

– На это будет отдельная команда, сэр. Генерал Джонсон приказал ждать особого сигнала.

«Вот старый вонючий перестраховщик! Что-то стал сдавать Джек, потерял былую хватку»

Медлительность Гиббса, Джонсона, Хаузера и, конечно же, вице-президента Беннета могла вызвать серьезные осложнения. Конечно, частные охранные структуры, на которые наверняка опираются заговорщики, и некоторые спецподразделения ФБР могли оказать сопротивление, но тягаться с целым батальоном морской пехоты они не смогут. С самого начала заговорщики планировали переиграть «старую гвардию» на аппаратном поле, выдавив из власти с помощью интриг и компромата. Сейчас стало понятно, что этот план летит псу под хвост,

и заговорщики наверняка предпримут какие-то активные действия. Мало кому хочется быть арестованным в разгар таких событий по обвинению в заговоре, антигосударственной деятельности, терроризме. По таким статьям открывался прямой путь к изделиям Гарольда Брауна...⁴ Пирс сомневался, что друзья Честертона сдадутся без малейшего сопротивления.

– Сэр! Генерал! – в командирский отсек бронетранспортера заглянула губастая рожа сержанта Мэтлока. Сержант, не отрываясь от радиации, поддерживал связь с авангардом и арьергардом колонны, не забывая прослушивать эфир.

– Сэр! – снова повторил Мэтлок, нервно облизывая губы.

– Чертовщина какая-то... Взрыв в Пентагоне, сэр. Над зданием клубы дыма и строительной пыли.

Пока Макловски беззвучно, словно рыба, вытащенная на берег, шевелил губами, Пирс все понял и глухо застонал. Затем вскочил, с треском ударившись макушкой о бронированный потолок отсека.

– Что, дождались, Макловски?! Дождались, мать вашу! Вот ведь «кожаные затылки». На хрен ваш правильный походный порядок?! Формируйте передовую группу и выдвигайтесь к зданию Гувера... При малейшем сопротивлении – огонь на поражение.

– Но, сэр, у меня приказ от...

– Очнитесь, генерал: где гарантии того, что те, кто отдавал вам приказ, еще живы?... Да не сидите вы, как изваяние, Макловски!!!

В Москве известие о взрыве внутри здания Министерства обороны США произвело шокирующее впечатление. Никто подобного ожидать не мог. Стрелец больше всего на свете не любил неожиданностей.

– Что там за хреновина вообще творится? Кто-нибудь мне объяснит?

– Радиоперехват, а других источников информации пока нет, сообщает о взрыве внутри Пентагона. Как вы знаете, с началом войны часть наших спутников уничтожена, поэтому на данный момент снимков нет. Будут в течение часа... – Глава Службы специальной безопасности, генерал-лейтенант Ляхов, выдал первую дозу информации.

Следом отчитался начальник ГРУ. Его данные повторяли сообщение Ляхова. Ничего принципиально нового. Стрельченко почувствовал, что начинает закипать от злости. Глаза сузились, побелели костяшки на сжатых кулаках.

– Короче, никто ничего не знает! Одни домыслы и данные радиоперехвата... Еще непонятно, может, нас вообще дураят, как лохов.

Глава государства боялся. Боялся сильно, хоть и не показывал вида. Ситуация балансировала на грани термоядерной войны. Начавшись с обстрела непонятными боевиками русского приграничного города, война, словно лесной пожар, охватывала весь мир. И каждый день вероятность того, что одна из сторон нажмет на «большую красную кнопку», повышалась. С первых дней начавшейся Третьей мировой Руси удавалось удерживать инициативу в своих руках и наносить противникам чувствительные удары. Даже открытие второго фронта на Дальнем Востоке расклада сил не изменило. Пока не изменило, надо сказать.

Противники Руси словно помешались. Вслед за первыми выстрелами на польско-русской границе в стане НАТО начался бардак. Союзные генералы интриговали друг против друга, все вместе – против гегемонии США, воинские контингенты многих стран откровенно отлынивали от боя, предпочитая непонятные обходные маневры и отступления. Потом лопнул гнойник «мультикультурности» в самих США. Начавшись с выступления латиноамериканцев на юге США, межрасовая война уже охватила почти половину штатов, в том числе и наиболее промышленно развитые вроде Калифорнии и Техаса. То, что там творится сейчас, напоминает

⁴ Имеется в виду электрический стул.

картины из стран третьего мира... Горящие города, вырезанные под «корень» фермы, толпы беженцев на дорогах. «Апачи», расстреливающие пикапы с боевиками. Уличные бои и бронетехника на перекрестках. Тут еще этот непонятный теракт в Вашингтоне!

– Меня интересует только один аспект. Американцы сейчас здорово напоминают мне крысу, которую загнали в угол. В детстве видел, как подобный пасюк прыгнул на огромную среднеазиатскую овчарку, пытаясь вырваться из западни. Так вот, сейчас американцы могут пойти на применения ядерного оружия...

– Нам есть чем ответить... – вставил свое слово министр национальной обороны.

– Это я знаю... Но провести остаток дней в бункере и лишать своих детей счастья дышать свежим воздухом... это в мои планы не входит, Седельников...

– Извините, господин президент, не то имел в виду. Мое мнение – в отношении нас они применять ядерное оружие не будут. Гибель войск в Европе – это мелочи по сравнению с всеобщим ядерным конфликтом. Если американцы и ударят, то по Ирану, к примеру... Чтобы показать нам, как решительно они настроены...

– Да... я такого же мнения, – наконец вставил Блинов. – Ядерный удар по нам не имеет никакого смысла, кроме быстрого самоуничтожения. Войну это не остановит...

– Зато может спасти армию Уолта и европейских союзников. Ограниченное применение ядерного оружия, например, с помощью «Томагавков», позволит американцам остановить наше наступление. Если к этому прибавить английское и французское ядерное оружие, получится серьезный удар.

Начальник Генштаба, покосившись на Седельникова, осторожно возразил ему:

– Нельзя забывать и Китай. Сейчас китайцы ошарашены и пока надеются на успех своей сухопутной операции. Но в будущем, если операция «Звездопад» пройдет успешно, китайцам ничего не останется, как попытаться устроить нам ядерный шантаж.

Стрельченко слегка хлопнул ладонью по полированной поверхности стола. Дискуссия стала ему откровенно надоедать.

– Блинов, Ляхов, Нестеров... Сутки на выяснение ситуации вокруг взрыва в Пентагоне. Кто, почему, зачем?.. Причем мне нужны не домыслы, а конкретные факты. Если это террористы – от арабских до мексиканских, то это одно, если конфликт элитных группировок, то это совсем другое. Мы не можем воевать, не зная, что происходит у противника. Для вас, господа разведчики, события в Калифорнии были неожиданностью. А оказалось – там все очень серьезно. Работайте.

Подробности событий в Вашингтоне пришли гораздо раньше, чем через сутки. Уже известно о гибели министра обороны, бывшего директора ЦРУ, Гиббса, заместителя главы ОКНШ, адмирала Робертса, еще нескольких высокопоставленных чиновников, включая директоров Секретной службы и Службы пограничного и таможенного контроля...

Министр внутренней безопасности США Роберт Пирс сидел в своем офисе на Небраска-авеню и заслушивал доклад Джона Пистоне – нового заместителя по разведке.

Джон – один из немногих в штате МВБ, на кого можно положиться. Тоже выходец из ЦРУ, выдвиженец ныне усопшего Гиббса.

– Джон, что там с прессой? Сделано коммюнике по особо буйным заговорщикам?

– Да. Салливан и Алан Берски допрошены и внесены в число погибших при теракте в Пентагоне.

Пирс ухмыльнулся. Здорово получилось. В последний момент. А он думал, узнав про взрыв, что все уже сорвалось. Ему повезло... Заседание в Пентагоне проводил Гиббс, а вот вице-президент Беннет и советник по нацбезопасности Джонсон в этот момент были у президента. Точнее, у его жены Мишель, которая вертела впавшим в проstration Ричардом Обайя как хотела, подсовывая на подпись нужные бумаги.

«Не знаю, как так получилось, но нужные подписи они добыли, несмотря на противодействие главы Секретной службы Салливана... – размышлял Пирс. – Уговорили, что ли, ее вдвоем? Каким образом? Или взрыв в Пентагоне сыграл роль катализатора? Это выясню потом. Главное, что батальон морпехов получил наконец приказ брать всех, кто в списке... Глава СВР с отрядом спецназа пытался сопротивляться, но огонь автоматических пушек «бушмайстер» с бронемашин LAV-25 быстро эту попытку подавил. Надо было видеть рожи вашингтонских клерков, когда они увидели бронемашины, лупящие вдоль улиц ураганным огнем! Круче, чем в Могадишо, ей-богу...»

Населению радостно сообщили о прорыве в город крупных сил террористов, переодетых в форму силовых структур. На них же списали и взрыв в Пентагоне. Сейчас идут массовые аресты всех тех, на кого указал сначала Честертон, затем «экстренно выпотрошенные» Салливан и Берски. Большая чистка больного американского общества, о которой мечтали футурологи и которой боялись либералы, началась.

Глава 5. Польша. Окрестности Вроцлава. 15 августа

– До Германии отсюда рукой подать. Всего сто тридцать пять километров по прямой. Только непонятно, почему немцы не дерутся как черти?

Начштаба двадцатой танковой бригады, полковник Слепнев, сплюнул на почерневший асфальт и потянулся за очередной сигаретой.

– А чем им драться-то? Разве что кулаками. Мы бундесвер еще в Украине два года назад потрепали здорово... Сейчас здесь добавили.

Слепнев согласно кивнул. Немцы действительно понесли очень тяжелые потери. Генералу Нерингу удалось затормозить рывок русских к Одру неделю назад, но они заплатили за это слишком высокую цену. Наземные и воздушные соединения Германии буквально растаяли в боях, причем пополнить их было неоткуда. Немцы и вообще европейцы упорно отказывались служить. Десятилетия навязанного властями пацифизма вместе с разнузданной пропагандой, направленной на разрушение традиционного общества, сделали свое дело. Западная Европа сейчас здорово напоминала Римскую империю, на которую двигались небольшие, но сплоченные варварские племена. Мобилизация повсеместно была сорвана, на призывные пункты явилась едва ли пятая часть из ожидаемых запасников. Исключением была Польша, но массы резервистов нечем было вооружать. Мировой кризис бил очень сильно – одна за другой европейские державы сокращали свои военные расходы. После грандиозного провала операции «Гефест» в Украине с европейской самостоятельностью в военной сфере было покончено. Теперь, по задумке европейских генералов и политиков, воевать за них должны были американцы. Ненавидимые, проклинаемые, наглые, чванливые, но такие большие и сильные.

Поэтому армии ЕС стали придатком американского EUCOM и не торопились бросаться в бой, ожидая прибытия и развертывания мощного заокеанского контингента. При этом политики не оставляли надежду взаимно ослабить американцев и русских и попытаться вернуть старой Европе лидирующие позиции. Даже если ради этого придется пожертвовать «новой» Европой.

Нищие, коррумпированные и крикливые восточноевропейские страны всегда были для Брюсселя обузой. Они пожирали миллиарды финансовой помощи, ослабляя и без того шатающуюся европейскую экономику, попеременно оборачиваясь то на Вашингтон, то на Москву. Да и сами западноевропейские гиганты не верили друг другу. «Интеграция, единое европейское пространство» – это треп для парламентских трибун. На деле – своя рубашка ближе к телу.

Тем более что события развивались гораздо быстрее, чем планировали стратеги НАТО. Причем совсем не в пользу альянса. Численное превосходство сил союзников здесь играло скорее отрицательную роль. Каждый из союзных командующих тянул одеяло на себя, стараясь минимизировать потери своих солдат и свалить наиболее тяжелую и кровавую работу на соседа.

Немцы на этом и погорели – они слишком дисциплинированно исполняли приказы командования. В отличие от тех же французов или испанцев, которые старались в серьезные бои не ввязываться, чтобы сохранить силы для последующей игры в большую послевоенную политику. Немцы этого поля для маневра были лишены, хотя понимали: падет Польша – дорога в сердце Германии будет открыта.

Только современным немцам это безразлично. Главное, было бы пиво в холодильнике и свиные колбаски с картофельным пюре и тушеной капустой.

– Что с боеприпасами?

– Норма, командир. Проблема совсем другая нарисовалась, причем в полный рост.

– Дай угадаю, Слепнев. Пополнение?

– Так точно.

Громов от души выматерился. Наворотило дел руководство Руси, в свое время отказавшись от призывной армии! Нет, до первых крупных конфликтов профессиональная армия весьма хороша. А с политической и экономической точки зрения – даже необходима. Удалось трудоустроить массу молодых безработных, выполнить предвыборные обещания. Резко повысилось качество солдат и боевая подготовка. На порядок снизилась аварийность при эксплуатации дорогостоящей техники.

Все перевернули события в Украине. Нехватку бойцов в боевых подразделениях, возникшую после первых боев, пришлось срочно компенсировать за счет тыловики и рекрутов из военизированной молодежной организации «Сварог». Понятно, что качество этого пополнения было ниже среднего. Тыловики вообще норовили уклониться от боев, молодняк, наоборот, в бой рвался, но нес серьезные потери.

С этим надо было что-то срочно делать, и призыв вернули. После яростных парламентских баталлий и возмущения общественности, срок срочной службы установили в девять месяцев. Подготовка проходила по швейцарскому варианту, очень интенсивно. Только сделали это очень поздно, всего год назад. Не успели развернуть новую программу подготовки призывников на всю катушку. Вот и маемся теперь...

– А «свароги» чего?

– Эти хорошо подготовлены, только их слишком мало. Не больше пятой части из прибывших. Остальные вообще ни к черту. Хуже, чем «пиджаки» с «партизанами»... Б... многие даже «АК» в глаза не видели, а запись в военнике – «рядовой запаса»... Да и трусливые к тому же. На передок не загонишь. Уже случаи были: деньги предлагали, причем немалые, лишь бы в тылу отсидеться.

– А где других-то взять, Слепнев?! Других нет и не будет... Значит, так – распределяй новоприбывших равномерно в боевые подразделения. Чтобы везде понемногу. Их наши матеры быстро научат, как Родину любить надо... Никто из ветеранов не захочет из-за сосунков погибать, так что смотреть за ними будут.

– В бою это увеличит потери.

– Возможно. Деваться нам все равно некуда. Только у нас положение лучше, чем у противника. Как ни крути, у нас на Руси пацифизм и прочая педерастия не сильно развита. Народ у нас консервативный. Так что из толстого московского менеджера быстро можно солдата неплохого сделать. А вот из какого-нибудь левака парижского – не получится. Сколько ни бейся...

– Это точно. Командир, интересная ведь вещь: вот Россия, по сути, еще лет восемь назад, до Стрельченко, была феодальной страной по общественному развитию. Бояре неприкосновенные с одной стороны, холопы бесправные – с другой. И вот глядишь ты: все эти извращения, типа борьбы за права недочеловеков с их однополыми браками, у нас не прижились!

– У нас приживается только полезное, Слепнев. Вот выборы судей и приставов или свободная продажа оружия у нас прижились. Климат, наверно, суровый, жизнь тяжелая... Ладно, поговорили о ерунде – и хорош. Займись пополнением.

Провал американского контрудара с целью деблокирования окруженной Варшавы имел самые серьезные для союзников последствия. Выяснилось, что даже отборная американская группировка, многочисленная и хорошо оснащенная, не может ничего сделать с русскими. Тяжелые бои на флангах американского клина закончились с планируемым Генштабом результатом. Ослепленный и оглушенный электромагнитным импульсом противник сопротивлялся яростно, но с каждым часом сопротивление становилось все более хаотичным. Затем началось бегство. Лишившись воздушной поддержки, управления и снабжения, несущая тяжелые потери американская группировка стала рассыпаться на глазах. Слишком много отрицательных факторов сошлись в одной точке.

События внутри США, бои в Афганистане, Венесуэле, вторжение персов в Ирак, новая корейская война – все случилось за какие-то три неполные недели. Окончательно добила

американцев дерзкая акция по захвату воздушным десантом Исландии. Теперь спешащие в Европу трансатлантические конвои подвергались яростным атакам русских ракетносцев, получивших великолепную базу прямо под носом у США. Каждая тонна снаряжения или продовольствия, переброшенная через океан, становилась буквально золотой из-за огромного риска для кораблей. То же касалось и военно-транспортной авиации. Весь мир потрясла история с С-5 «Гэлекси», который вез в Европу помимо пополнения, груз микросхем для военной электроники и полевые радиостанции на весь американский контингент. Транспортник перехватили оснащенные системой дозаправки в воздухе «Фланкеры», вылетевшие на «свободную охоту» с авиабазы в Кефлавике. Беспечность тыловики, отправивших такой ценный груз без должной охраны, вызвала очередной громкий скандал в Пентагоне и оставила действующую армию без современных систем управления... и надежды.

Громов уже четвертые сутки, несмотря на усталость, буквально кипел изнутри от возбуждения. Чувствовал, что враг, ранее такой многочисленный и сильный, уже надломлен. Наступая на левом фланге тринадцатого корпуса, двадцатая танковая бригада постоянно взвинчивала темп преследования, не давая натовцам привести себя в порядок и хотя бы попытаться организовать сопротивление. Дорожная сеть на западе Польши была развитая, и преследование противника часто шло по параллельным маршрутам без особых помех. Еще одной приятной новостью было изобилие американских полевых складов. Особенно радовали колоссальные запасы топлива и продовольствия, брошенные отступающими.

Подсчитав малую часть трофеев, доставшихся двадцатой танковой, Громов довольно присвистнул:

– Теперь до самого Берлина горючки хватить должно. Так по автобану и въедем. Прямо классика получается, как по учебнику...

У Верховного главнокомандующего силами НАТО в Европе, генерала Уолта на этот счет, правда, имелось несколько иное мнение.

Понимая, что выход русских на Одер с последующим неминуемым вторжением в Германию будет иметь для США и их союзников катастрофические последствия, Марк Уолт настаивал на немедленном применении ядерного оружия. Причем не только американцами, но и европейскими партнерами – французами и англичанами. Вашингтон, как обычно, медлил, в ОКНШ шли яростные дебаты на тему, чем тушить новые очаги Третьей мировой. Потом в Пентагоне кто-то взорвал бомбу, и Уолту намекнули, что сейчас ему придется рассчитывать только на собственные силы.

– Опирайтесь на шестой флот, Уолт. Для вас хорошие новости. Русские сняли с вашего фронта всю ударную авиацию и большую часть истребителей-перехватчиков и перебросили на восток. Так что у вас появился шанс остановить русских. Используйте ударную мощь ВМС, Уолт.

– Этого недостаточно, сэр.

Глава ОКНШ, адмирал Миллер, тяжело вздохнул. Видимо, Уолт был не первым, кто «жаловался на жизнь».

– Марк... Приказа на применение «большой дубинки» пока нет. Если ты об этом...

– Об этом, адмирал. Без ядерного ультиматума мы их не сдержим.

Миллер устало и как-то обреченно засмеялся.

– Думаешь, какой-то ультиматум их остановит, Марк? Их остановит хорошая трепка. Задай ее лезущим в Германию «иванам», может быть, они сами остановятся. Их силы не безграничны...

Уолт согласно кивнул. Резон в словах адмирала несомненно был. Несмотря на потери и предыдущие поражения, американцы были еще очень сильны. Русские же, нанося удары по союзникам, стянули в три четверти наличных сил в первый эшелон. Почти ничего не оставив

во втором эшелоне и опустошив резерв. Много сил оттягивали на себя продолжавшие драться в окружении Варшава и Краков.

«Русские зашли с козырей, захватив инициативу и почти разгромив нас, – в который раз обдумывал положение Уолт, – но не учли наличие китайского фактора на своих восточных границах. Шанс сдержать русских есть, если перехватить инициативу на одном из участков фронта и заставить «иванов» растратить последние драгоценные резервы. Только как это сделать без поддержки ударов авиации и крылатых ракет, при отсутствии нормальной связи?»

Опереться на шестой флот, как оптимистично советовал Миллер, Уолту не удалось. Моряки сцепились с невестой откуда взявшейся русской эскадрой, возглавляемой единственным у «иванов» атомным авианосцем и несколькими крейсерами. Русский флот пытался оказать поддержку своей десантной группировке, сидящей в Исландии. Так что «Супер-Хорнет» и прочие флотские вундерваффе, которые Уолт собирался применить в Польше, были заняты на полтысячи миль севернее.

Русские не собирались давать американцам время для передышки. Танковые колонны «Барсов», завывая турбинами, все глубже врзались в Польшу, оставляя союзникам слишком мало времени для ответного удара. Вместо изощенной тактической игры Марк Уолт предпочел нанесение нескольких встречных ударов в надежде на то, что один из них придется в уязвимую точку русского фронта. Толком организовать «иванам» ловушку у него не было ни времени, ни возможности.

– Кобальт! Кобальт! Обнаружена бронетехника противника.

– Отходит?

– Нет, Кобальт. Выдвигается к передовой. Это Long Knife. Бригадная группа первой кавалерийской...

– Они охренели? Без артподготовки? У них там что, мозговой карачун? Где наша разведка?!

От удивления Громов даже выбрался из тесного командирского «водника» на свежий воздух. Это просто не укладывалось в голове.

Разведка проспала. На это были веские причины, но кого это сейчас интересовало на передовой? Увлечшись преследованием бегущего и, как казалось, полностью деморализованного противника, русские войска напоролись на неожиданные встречные контрудары. Ради эффекта неожиданности командующий третьим американским корпусом генерал-лейтенант Коун даже пожертвовал артиллерийской подготовкой. Ход авантюрный, но весьма неожиданный – русское командование подобного не ожидало. Американцы откровенно блефовали, но игра того стоила. Отбрось малочисленные русские бригады от Одера обратно на восток – ситуация могла резко измениться в пользу альянса. Более того, союзники по НАТО узнали о нанесении контрудара только за два часа до его начала. Держали в секрете, опасались утечки информации.

– Кобальт. На связи Уран! Ответь Урану...

Понятно, штаб корпуса на связи... Через помехи голос Бородулина звучал глуховато... или Громову просто показалось:

– Собери свою бригаду в кулак, Кобальт. Восемьдесят четвертая механизированная попала под раздачу. Ее обошли с флангов, и теперь у тебя в тылу целая американская бригадная группа. А перед ней никого. Дорога в наш тыл открыта.

– Уран, мы не успеем развернуться! Не успеем... Нас с фронта атакуют.

Командующий тринадцатым армейским корпусом замолчал.

– Слушай сюда, Кобальт. Хрен с ним, с тылом... Дуй вперед. Отобьешься с фронта – рви вперед. Не оборачивайся. Все, что есть, соберем – штрафников, обозников сраных, тыл вам прикроем.

Громов недоуменно посмотрел на начштаба и командиров тактических групп. Первым сообразил подполковник Алтуфьев:

– А что, реально... Они ведь нас на понт берут, комбриг. Ну прорвались в тыл, и че? Никогда не поверю, что одна бригадная группа в лоб, другая в тыл прорвались. Брешет махра⁵. Америкосов не больше батальона сзади. У страха глаза велики. Нагнали паники.

– Тебе, Алтуфьев, все веселым кажется... – недовольно проскрипел Слепнев. – Все никак в войнушку не наиграешься? Здесь тебе не шутки. Куда вперед, если сзади обошли?

За бесшабашного Алтуфьева неожиданно вступился мрачный и вечно насупленный Слоенов:

– Прав Алтуфьев. И штаб корпуса прав. Надо вперед бежать, а не раком пятиться... Перережут коммуникации – пару дней на трофеях продержимся. Их цель – нас задержать. Так что вряд ли они будут к нам в глубокий тыл прорываться. А наша цель – быстрее прорваться в глубь Европы.

– Поспешишь – людей насмешишь, Слоенов, – снова взвился начштаба.

– Все! Дебаты закончили. Приказ есть – его надо исполнять. Здесь не митинг... – повысил голос Громов. – Алтуфьев, Давыденко, направление на Берутув. Слоенов, ударишь во фланг, со стороны Пшечува.

– Тыл что, совсем открытым останется? – спросил Слепнев, расширенными от удивления глазами смотря на экран тактического ноутбука.

– Не останется... Его прикроет отряд майора Гранина... Инженерно-саперная и комендантская рота плюс несколько трофейных пушечных бронемашин...

– Да их сомнут, командир. Один удар...

– А если оставить в тылу чуть больше сил, то сомнут уже нас, Слепнев.

– Но вся бригадная артиллерия, считай, без прикрытия остается.

– Правильно. Но если нам у Берутова морду расквасят, то артиллерию мы и так теряем. Как и вообще всю бригаду.

– Авантюра... – выдохнул Слепнев, поняв, что уже ничего не сделать.

– Точно... Авантюрный шанс удержать инициативу и окончательно добить американцев. Не забывай, Слепнев, Уолт больше, чем мы, рискует.

Американская артиллерия открыла огонь только тогда, когда «Абрамсы» пересекли узкоколейную железную дорогу и вышли на равнину севернее Берутова. Без современных систем наведения и управления огонь, конечно, не был убийственно точным, но потери у русских появились сразу.

Сцепив зубы, экипажи ревущих турбинами угловатых бронированных зверей увидели наконец своих визави. Из глубины узкой, пропахшей дымом и перепаханной артиллерийским огнем равнины навстречу американцам выползли приземистые, похожие на покрытых чешуйчатой ламинарной броней скифских всадников «восьмидесятые».

Первый выстрел раздался с русской стороны, и управляемая ракета «Инвар», сделав «горку», врезалась в тонкие бронированные панели на крыше «Абрамса» командира роты «А» 2/7 батальона, бригадной группы Long Knife Майкла Пеццони. Кумулятивная струя ударила в боекомплект, вызвав мгновенную детонацию. Из четырех человек экипажа трое погибли мгновенно, четвертый чуть позже, открыв длинный список безвозвратных потерь в этот безумный день.

Созданные для быстрого прорыва насыщенной бронетехникой обороны противника с последующим выходом на оперативный простор «Барсы» накрыли огнем американцев, как только те оказались в пределах зоны поражения длинноствольных орудий 2А46М-1. Удлинен-

⁵ Презрительное название пехоты в Советской и Российской армиях.

ные бронебойные подкалиберные снаряды «Свинец-2», повышенного могущества, с шипением пробивали усиленную обедненным ураном броню «Абрамсов», собирая богатую жатву смерти на равнине в тридцати километрах от Вроцлава.

Ответный огонь американских танков поражал атакующие «Т-80», оставляя догорать на пропитанной маслом и кровью земле обезображенные корпуса с оторванными башнями. Но американские машины тоже были как на ладони, они атаквали не скрываясь, и в такой «собачьей свалке» тактический перевес всегда был за лучше защищенными и более маневренными «Барсами».

4НВСТ⁶ Long Knife вместо удара по расслабленному преследованию противнику угодила в настоящую высокотехнологичную мясорубку. Бригадный генерал Стивен Твитти быстро сообразил, что вместо прорыва вперед он лезет в самый настоящий капкан, немедленно дал приказ на отход к местечку Берутов. «Надо закрепиться среди капитальных строений вместе с пехотой, заставить русских играть по своим правилам. В игру под названием «Медведь – на рожон». В тыл к русским уже прорвались американские подразделения. Пройдет пара суток – и русским придется либо погибнуть, либо отступить, – рассуждал Твитти. – Вот тогда тяжеловесные, словно жандармы короля Франциска, «Абрамсы», отыграются за все. Будут гнать «иванов» обратно до самой Сибири, где их встретят китайцы».

До Громова только сейчас дошло, как близко была его бригада к катастрофе. Ударь американцы на час-полтора позже, они просто расстреляли бы двадцатую танковую на марше. И спокойно вошли бы в образовавшуюся брешь. Значит, не только наша разведка лопухнулась. Уолт и Коун тоже «пузыря пустили». Теперь вместо отстрела колонн «восьмидесятых» американцам навязали крайне неприятный встречный бой. Штатники этого никогда не любили и не выдерживали. Слишком большие потери, слишком много неизвестных в этом оперативно-тактическом уравнении. Тем более сейчас, когда ВВС с высокоточным оружием практически бездействуют. А по старинке они долго упираться не будут. Воспитание не то. Сейчас оттянутся назад и будут нас встречать там, где удобно свой толстый лоб подставить и нас издали отстреливать... Либо гряда высот, либо городок... Гряда высот – прямо, городишко Берутов – на юго-запад верст десять...

– Кобальт, Кобальт... Противник отступает к Берутову.

Громов даже хлопнул в ладоши, до смерти напугав сидящего рядом связиста.

– Вот молодец, генерал Твитти, вот молодец!..

– Связь с Ониксом, срочно!

– Оникс на связи! – через секунду отозвался командир третьей тактической боевой группы подполковник Слоенов.

– Оникс, они оттягиваются в Берутову. Не дай им уйти, Оникс...

Что между двумя НВСТ первой кавалерийской дивизии армии США и остатками первой панцер-дивизии бундесвера существует стык, прикрытый только цепочкой укрепленных постов, разведка вскрыла буквально час назад, без выстрела заняв один из таких постов, где находились лишь мобилизованные польские резервисты. Зазор был узкий, не больше двух-трех верст, и пропихнуть туда всю бригаду ни времени, ни возможности уже не имелось. Но группа Слоенова из двух батальонов, танкового и механизированного, нескольких рот и батальонов должна была проскочить. При отсутствии у противника там танков или вертолетов.

– Сэр! Угроза с юга, сэр. Взвод лейтенанта Кейси атакован легкой пехотой противника.

– На кой черт вы мне об этом сообщаете, майор?! – повысил голос генерал Твитти на своего штабного офицера, майора Эберле. – Это наверняка русский спецназ, у Кейси три бро-

⁶ Аббревиатура от слов Heavy Brigade Combat Team.

немашины и связь с батареей «Паладинов». Так пусть замочит этих «иванов» и не засоряет эфир. И так связь еле-еле работает, сплошные помехи.

Через несколько минут связь со взводом Кейси оборвалась. Обращать на это внимание времени ни у генерала Твитти, ни у штабных офицеров и сержантов просто не было. Поэтому настоящим шоком для экипажей, планомерно отступающих по равнине рот «Абрамсов» и «Брэдли», пехотинцев и саперов, стало появление шести десятков «Т-80УМ» и «БМП-3М», открывших фланкирующий огонь по американцам через несколько секунд после того, как замаячили на их правом фланге.

Через десять минут убийственно точного огня с дистанции меньше четырех километров 4НВСТ из боевого, сплоченного соединения превратилась в толпу одетых в военную форму обывателей, спасающих свои жизни. Бригадному генералу Твитти повезло. Он был хорошим, честным солдатом для своей страны и погиб ранее, чем увидел, как его бригадная группа превратилась в отару овец, бегущих от волков.

Стомиллиметровый снаряд, выпущенный из «БМП-3», ударил в командирский «Страйкер» через несколько минут после получения генералом данных о обходном маневре русских и глубоком охвате с фланга Long Knife. Вместе с ним в командирской машине погибло четверо штабных офицеров и трое сержантов.

Внутри разболтанного, разваливающего, но еще дееспособного механизма под названием «третий корпус армии США» что-то хрустнуло, вылетела малозначимая, невидимая со стороны шестеренка под названием «боевой дух», и весь механизм был теперь безвозвратно обречен. Слишком много поражений, ошибок, глупостей, негативных событий, произошедших за предельно короткий срок, невидимым грузом раздавили американцев.

Еще дрался окруженный пятый армейский корпус в Варшаве, держался из последних сил древний Краков, штаб-квартира ЕУСОМ и Верховное командование НАТО отдавали приказы, но третьего корпуса генерала Коуна уже не было.

Генерала Марка Уолта, застывшего перед электронной картой в виде изваяния, отвлек звонок из Вашингтона. Чертов адмирал Миллер!

– Как у вас дела, Марк? – дружелюбно начал начальник ОКНШ.

– Отлично, сэр. Русские от нас сбежали...

Через пару секунд просевший от волнения голос Миллера переспросил:

– Сбежали? Вы молодец, Уолт... Есть чем порадовать президента...

– Да сэр, сбежали. Сбежали вперед. На запад. Так что порадуите мистера Обайю.

– Что? Объясните же наконец, что произошло...

– «Иваны» не стали ждать. Они ударили нам навстречу и прорвались сквозь наши боевые порядки на запад. Сбежали вперед, мать их... Сэр, без авиационной поддержки или пары-тройки тактических ядерных боеголовок остановить их было невозможно. Третий армейский корпус теперь полностью разбит, сэр. Этот контрудар с самого начала был ошибкой.

Снова молчание в трубке...

– Ваши предложения, Уолт?

– Ядерные удары. Три-четыре, не меньше. Отступление за Одер – чем быстрее, тем лучше. Перегруппировка сил, приведение в порядок союзных контингентов. Все боееспособные части бундсвера пусть прикрывают Берлин. Мы встанем на флангах. Надеюсь, флот в ближайшие дни наконец покончит с исландской занозой в своей заднице и наладит регулярное снабжение Европейского командования. И еще нам нужна воздушная поддержка... Какая возможно. Хоть авиация ВМС, хоть национальной гвардии, хоть резерв ВВС... Сэр, наземную операцию мы полностью провалили. Обычное оружие русских не остановит.

– Я понял вас, Уолт. Но применение ядерного оружия, даже его тактического компонента, требует политического решения. Надеюсь, вы понимаете, какая сейчас обстановка здесь, в Вашингтоне?

– Да, сэр. Понимаю. Но, смею заметить, к Пентагону или зданию Конгресса русские танки пока не подходят. В отличие от германской границы. У нас не более пятидесяти часов на принятие решения. Развал всего фронта и гибель обоих наших армейских корпусов станут фактами.

– Что союзники?

– В панике, сэр. Немцы еще держатся. У поляков и французов состояние, близкое к истерике...

– Вас понял, генерал. Решение будет принято.

Двадцатая танковая бригада вышла к окраинам Вроцлава, столице древней Силезии, в быстро сгущающихся августовских сумерках. В отличие от восточной или центральной Польши, где все население старалось сбежать от боевых действий на запад, здесь местные жители оставались на месте. Им было некуда бежать: Германия закрыла границы.

Когда танки и бронемашин проносились через польские городки и местечки, польская полиция перекрывала дороги и пропускала русскую технику. Стремительное бегство союзников парализовало поляков. О сопротивлении уже никто не думал, все думали о том, как жить в новых условиях и как выстраивать отношения с непрошеными гостями. Куда ни глянь, везде следы панического отступления: множество брошенной боевой и специальной техники, выпотрошенные транспортные контейнеры.

Несколько раз в придорожных подлесках мелькали американские солдаты. По ним даже не стреляли, экономили боекомплект. Тылы далеко, а воевать еще придется.

– В бригаде – восемьдесят четыре боееспособных танка, командир. В трех батальонах и трех отдельных танковых ротах. – Зампотех бригады докурил «Кент», держа окурки черными от вьевшегося масла пальцами, потом щелчком отбросил его в кусты.

– Никуда не годится. Откуда такие потери?

– Да, потери не смертельные, ОРВБ – битком. Тридцать танков там торчит, никак восстановить не можем. Да и здесь, под Вроцлавом – еще двадцать, эвакуации ждут.

– Так какого хрена? Ты зампотех или где?

– Люди... Людей нет. Вы ж у меня последних на передовую загребли. Что, мне все самому, что ли, чинить? – Подполковник выразительно показал свои мозолистые лапы.

– Ладно, не ной. Делай что хочешь, но чтобы техника была... Что-нибудь скумекаем.

Отправив зампотеха, Громов сел за раздвижной столик и задумался. Усталость и бессонные ночи уже здорово сказывались, туманя рассудок и мешая сосредоточиться. Надо что-то делать с ремонтно-восстановительными подразделениями, но что? Взгляд скользил по аккуратным домикам поселка Пшечув, пока не уперся в длинное здание из металлоконструкций с надписью Serwis samochodowy. Naprawy i diagnostyka silnika. Ага, автосервис... Решение пришло мгновенно.

– Ну-ка позовите мне сюда хозяина автомастерской. Да быстрее, черт вас раздери...

Хозяином сервиса оказался дюжий пожилой поляк с характерной для автомеханика внешностью и запахом. Представился Громову как Бронислав Осипка, неторопливо подошел к полковнику и с достоинством сел напротив. Страха он явно не испытывал, спокойно смотрел на Громова бесцветными чухонскими глазами.

– Что угодно пану полковнику? – спокойно спросил поляк на хорошем русском.

– Работа нужна, пан Осипка?

Бронислав ухмыльнулся. Вытер руки извлеченным из рабочего комбинезона чумазым платком и поднял глаза.

– Работа всегда нужна, пан полковник. Война войной, а кушать хочется всегда. У нас, гражданских, интендантской службы нет...

– Откуда так хорошо знаете русский, пан Осипка?

Поляк снова ухмыльнулся и покачал головой.

– Я бывший военный. Подполковник Войска Польского. Три года учился в бронетанковой академии имени Малиновского, в Москве.

«А ведь мог наврать...» – пронеслось в голове у Громова. Ничего не ответив, полковник встал, подошел к своему походному рюкзаку, достал плоскую фляжку с коньяком, настоящим армянским, и пакет с шоколадными конфетами «Мишка косолапый». Свой НЗ. Протянул флягу Осипке.

– За это надо выпить, Бронислав... Не каждый день встречаешь родственную душу.

Договорились быстро. Поляк обязался предоставить людей, разбирающихся в технике, а Громов – расплачиваться за работу трофейным имуществом. Благо его было достаточно.

Перед тем как проститься, выпили еще по пятьдесят грамм, старательно обходя тему политики. Уже уходя, Бронислав повернулся к Громову:

– Знаешь, полковник, почему я тебе помогать взялся? Думаешь только из-за денег?

– Не знаю, честно говоря... Но была мысль насчет денег...

– Я тех... педиков из Евросоюза презираю... Презираю сильнее, чем вас, русских, не люблю. Вы, когда нас оккупировали, вот сюда хотя бы не лезли... – Осипка выразительно постучал себя по груди. В душу вы к нам, москали, не лезли. В обычаи наши, в семьи... А эти... Эти же Польшу хотят сделать копией Германии или Голландии. Плохой, нищей копией. Аборты – это хорошо, пидоры – это хорошо... А семья и церковь – это плохо... Любовь к памяти предков – плохо. Своих фермеров и производителей поддерживать нельзя, содержать орды дармоедов заморских – обязательно! – Поляк витиевато выругался и вышел.

Зашипела рация, лежащая на столе. Начштаба Слепнев.

– Слушаю!

– Командир!.. Краков капитулировал... Только-только сообщение пришло. На почетных условиях. Так что помощь скоро будет. Украинский корпус сюда перебрасывают. Под Вроцлав.

Генерал Рогинский сдался действительно на почетных условиях: сохранение личного оружия для военнослужащих, знамен и коридора для выхода поляков в сторону границы со Словакией. Почти десять суток в окружении, без надежды на прорыв кольца и угроза разрушения древней польской столицы огнем украинской артиллерии и ударами «Искандеров» действовали на поляков удручающе. От показной храбрости не осталось и следа, особенно после того, как растаяли надежды на помощь извне...

– Хорошая новость, Слепнев.

– Это еще не все, командир. Тут по радио польскому передавали... не знаю пока, утка или нет... что губернатор или мэр, хрен его знает, Вроцлава готов сдать город без сопротивления.

– Я тебя понял. Слухи, они слухи и есть. Держи их пока при себе, Слепнев.

Громов откинулся на стуле. Как хотелось, чтобы это оказалось правдой... Можно будет дать людям целые сутки отдыха, отремонтировать технику. А там еще удар – и вот она, Германия...

Глава 6. Штат Аризона. Феникс. 16 августа

«Вот я снова в Фениксе... по самые уши, мать его». Боб Хитли еще раз внимательно посмотрел через оптический прицел винтовки «М-21» на улицу напротив. Тишина и покой царили на Марикопе Фривей, изредка нарушаемые лязганьем челюстей рыжеватых койотов, с аппетитом пожирающих лежащую на асфальте мертвечину. Трупов было много... очень много... раздувшихся и уже лопнувших на свирепом южном солнце. Большинство трупов валялось на проезжей части возле брошенных машин. Расстрелянных и перевернутых. Машины нападавших не интересовали. Это были либо классические американские седаны типа «Бьюиков» и «Крайслеров», либо азиатские гибриды и малолитражки. Автомобили семейных работников и офисных клерков. В нынешних условиях на таких машинах ездят исключительно гринго. Потенциальные трупы в случае встречи с истинными мексиканцами. Хитли отвел глаза: лицезреть разложившиеся трупы и обедающих падальщиков ему уже надоело.

«Чуть больше двух недель прошло, а впечатление, что минимум целое столетие», – подумал Боб, доставая флягу с водой и делая небольшой глоток. Америка – страна, которой он служил, – разваливалась на глазах. Это было хуже, чем в Гражданскую войну: тогда воевали две половинки американского общества. Сейчас все воевали со всеми. Латиносы резали черных, черные резали белых, белые отвечали тем же. Помимо всего прочего, в половине штатов, главным образом на юге, из тюрем разбежались уголовники, добавляя в общую картину хаоса криминальный окрас. Если к этому прибавить банды байкеров, «арийцев», «черных мусульман» и прочей шелухи, то ситуацию смело можно назвать катастрофической. Америки уже не было. Было разбитое на несколько частей корыто, которое пыталось плыть...

На противоположной стороне улицы, где поворот на развязку, появилось какое-то движение... Боб вновь вскинул винтовку. Так и есть... чиканос.

Десятка три латиносов, вооруженных «М-16», в некоем подобии армейского камуфляжа шустро передвигались между брошенными домами, что-то перетаскивая. Может, ворованное барахло, может, тяжелое пехотное оружие. Командовал чиканос полный коротышка, с небольшой аккуратной бородкой, в черных зеркальных очках, оливковой куртке военного образца и такого же цвета кепи. Было видно, как энергично он дает указания, тыча пальцем в подчиненных и отчаянно жестикулируя. Интересный тип... Что-то было в нем не мексиканское... Вроде и внешне похож, но какой-то другой.

Теперь Хитли увидел, что перетаскивали мексиканцы. ПТРК «Тоу». Вот мать твою... Противотанковые комплексы устанавливали в заброшенных домах, пытаясь маскировать, подчиняясь приказам чернобородого.

Боб тщательно прицелился. Задержал дыхание и плавно нажал на курок. Тяжелая пуля ударила крепыша в спину, точно между лопатками. Издалека создалось впечатление, что чело- века, словно марионетку, дернули сзади за невидимые нити. Крепыш плашмя рухнул на землю, прямо на замусоренную лужайку перед домом. Латиносы, выдержав секундную паузу, загалдели, как стая птиц, и открыли шквальный огонь во все стороны, не жалея патронов. Вот идиоты...

Пока они опустошали магазины, Хитли завалил еще двоих, удачно попавшихся в перекрестье прицела. Вскоре ответный огонь стал плотнее и пули с присвистом проносились мимо лежки Хитли. Его нащупали...

«Быстро, черт... и десяти секунд не прошло». Надо было уходить, пока его не зацепило. Разведку можно считать состоявшейся. Заодно привалил парочку чиканос...

Третий полк минитменов национальной гвардии Аризоны уже больше суток вел уличные бои в Фениксе, пытаясь взять город и обеспечить соединение с федералами, наступающими с

севера. Полковник Бостаф не был в восторге от такого плана, но дисциплина есть дисциплина. Даже в национальной гвардии Аризоны.

– У нас недостаточно тяжелой техники. Особенно артиллерии. Всего три десятка стволов. Не хватает средств наведения. Да и расчеты только обучаются. Нет, нам еще рано штурмовать Феникс.

– Поймите, Бостаф... – Командующей НГ Аризоны генерал-майор Артур Салазар нервно застучал пальцами по столу.

– Время уходит, противник все сильнее. Через Рио-Гранде тысячами переправляются отморозки не только со всей Мексики, но и со всей Латинской Америки. Здесь получают оружие с захваченных баз и вливаются в местные банды. Хотя какие это банды, Клифф... Лучше меня знаешь, что это целая бандитская армия.

– Знаю, поэтому и не хочу лезть в Феникс с неподготовленными минитменами. Только людей потеряем и технику.

– Клифф, федералы обещали помочь. SOUCOM обещало предоставить любую поддержку. В первую очередь воздушную.

– Да, А-10 и АС-130 нам бы не помешали... Только скажи, Арт, что, в Европе уже все нормально? Ну... русские уже разбиты?

– Да нет, с чего ты взял? По последним новостям, там все плохо.

– Так с чего федералам отправлять сюда авиацию? Ты слышал вчера выступление придурочного вице-президента Бенетта? Он ясно сказал, что спасение европейских союзников – дело для федерального правительства первоочередное. Угадай, куда отправится вся боеспособная авиация? За океан, гоняться за русскими танками и «МиГами».

– Это просто слова, Клифф... Неужели ты думаешь, что сейчас вашингтонских тузов волнует какая там Польша или Франция? Обычная игра на публику.

– Может быть... А как же «долина искусственных сисек»? Или техасские промышленные синдикаты? Их тоже оставят? Не говори ерунды, Арт... Мы сейчас никому не нужны, Аризоной никто заниматься не будет... Кроме нас.

– То есть ты отказываешься выполнять приказ властей штата? – удивленно протянул Салазар.

– Нет, генерал. Но я требую времени на подготовку. На приведение в порядок тыла и обучение людей. Заодно требую предоставить мне всю наличную в штате боевую технику и средства связи.

Генерал Салазар согласно кивнул.

– Все будет, Бостаф. Выделю даже вертолеты «Апач».

– Все четыре штуки? – мрачно спросил полковник, закуривая коротенькую сигару.

Боб Хитли сам напросился в разведку. Что еще было делать бывшему агенту ФБР со специальной подготовкой? Натаскивать аризонскую деревенщину? Да нет, пошли они... А вот разведка – самое то. Самое главное, что Бостаф не возражал.

– Да, отправляйтесь с разведывательной группой Крамера. Заодно перестанете мозолить глаза моим бойцам. Не нравятся вы им, агент...

Боб согласно кивнул. Из всей шайки этих белых экстремистов, помешанных на своем превосходстве и идее «благодетельной, христианской Америки», капитан ВВС Честер Крамер казался самым вменяемым. Выходец из соседнего Техаса, осевший в Аризоне, в жилах которого текла и кипела смешанная германская, индейская и испанская кровь, присоединился к минитменам с первых выстрелов. Когда-то служил вместе с Бостафом в Ираке и даже несколько раз спасал на своем «Литтл Берде» тощую полковничью задницу.

– А что, из авиации в разведку? – спросил Хитли капитана, как только попал в разведгруппу.

– Любопытный ты, агент Хитли... Потому что я служил в спецназе ВВС. Еще вопросы? – недружелюбно проговорил Крамер, буравя Боба маленькими светлыми глазками. Боб вздохнул. «Нет, с таким отношением к себе надо что-то делать. Заклюют ведь, реднеки...»

Первые бои полк минитменов начал вести уже на дальних подступах к Фениксу. Чиканос дрались неожиданно умело, оборудуя огневые точки в заброшенных домах и даже пытаясь контратаковать. Их внедорожники с тяжелыми пулеметами и ПТРК неожиданно появлялись на флангах, обрушивая на машины минитменов настоящий шквал огня. Пошли потери, сразу появились первые признаки деморализации. Одно дело – трескать кукурузный «бурбон» и бахвалиться перед такими же, как ты, белыми придурками с начальным образованием, другое – участвовать в реальных боевых действиях.

– Бандиты так не воюют! – решительно резюмировал Бостаф после первых двух дней.

– Чувствуется рука профессиональных военных. А никак не боевиков наркокартелей.

– Думаете, у них русские инструкторы? – Салазар обернулся в сторону полковника, оторвавшись от бинокля.

– Не знаю, генерал. Но похоже. Может, русские, может, еще кто...

Основные проблемы у полка начались на окраине Феникса. Передовая бронегруппа из шести БМП «Брэдли», двух MRAP и четырех танков «Абрамс» напоролась на засаду.

Главной танк подорвался на фугасе. Взрыв был такой силы, что подбросил шестидесятитонную махину на восемь-десять фунтов в воздух. Оторванная башня рухнула на автостоянку перед разграбленным супермаркетом Well Mart. После чего по колонне открыли прицельный огонь из РПГ и пулеметов со стороны парка Маунтин.

Загорелось несколько бронемашин, и от окончательного истребления бронегруппу спасло наличие еще трех танков. «Толстокожие» прикрыли своими корпусами мечущихся минитменов и десятком точных выстрелов подавили засаду.

Через пару секунд к передовому отряду подскочили два «Хаммера» с пулеметными башенками на крышах и один самопальный «Гантрак» с «браунингом» и бронежилетами, повешенными на дверях. Из «Гантрака» выскочил уже знакомый Хитли бородач в камуфляже и белой повязкой на предплечье. Вместе с ним еще двое реднеков стали споро выгружать на асфальт носилки.

Продвинуться дальше удалось только после того, как имеющаяся в наличии артиллерия и пара вертолетов хорошенько обработали район Гваделупе. Сопротивление вроде ослабло, но стоило двинуться вперед, как все началось снова. Опять фугасы и огонь из засад. Все это напоминало сражение Первой мировой войны. Каждый шаг надо было оплачивать кровью.

Под вечер пуля из тяжелого пулемета зацепила беднягу Крамера, хоть и на излете, но этого хватило, чтобы оторвать ему кисть и вызвать болевой шок.

– Похоже на самодельный фугас.

Хитли вздрогнул, когда рядом с ним устало присел доктор Ник со своей неизменной трубкой. Трубка была потушена, но русский все равно сжимал ее в зубах.

– Что-что? – спросил Хитли.

– Фугас, говорю, самодельный. Видите, как танк разворотило. И наверняка управлялся по старинке, проводами.

– С чего вы взяли?

– На «Абрамсе» стояла современная система радиоэлектронного подавления. Но она не помогла. Значит, взорвали по проводам, не радиосигналом. Проспали саперы.

– Откуда вы это знаете, док?

– Думал, вы уже в курсе, Боб. Насчет моего прошлого... Не всегда я был ветеринаром. До эмиграции в США был военным врачом. Прошел две кавказские кампании. Насмотрелся такого...

Хитли стало интересно. Что еще расскажет этот уставший доктор?

– Что вы думаете о чиканос?

– А что тут думать? Не похожи они на обычных бандюков.

Наутро Боб вызвался на «свободную охоту». Слишком сильно его достал окружающий бардак. До тошноты. Связь глушилась повсеместно, и обычная корректировка огня с закрытых позиций проходила с большим трудом. Артиллерия лупила черт-те куда, напрасно тратя боеприпасы, от «апачей» тоже было мало толку. Чиканос прятались в брошенных домах, вылезая после пролета бронированных стрекоз. И снова стреляли по минитменам.

Услышав новость, Бостаф раздраженно махнул рукой.

– Да идите... куда хотите, агент. Может, хоть так от вас будет толк.

Тащить кого-то с собой не хотелось. Да и незачем. Неопытный напарник здесь опасней противника.

Обнаружив засаду, Хитли бегом перемахнул переулок, прошел чуть направо и вышел к передовой позиции минитменов, предварительно обозначив свое появление дымовой шашкой зеленого цвета. Еще не хватало, чтобы перепуганные и уставшие национальные гвардейцы его пристрелили!

– На шесть часов через улицу засада. Три ПТРК «Тоу», до взвода пехоты с «М-16».

Лупоглазый лейтенантик, сделав удивленную гримасу, отправил на батарею квадроцикл с гонцом на ближайшую батарею самоходных 106-миллиметровых минометов. Боб проводил его взглядом и взглянул на лейтенанта:

– Это что, лейтенант?

– Связи нет... совсем нет. В эфире одни помехи.

«Всё, приехали»...

– Кстати, агент, последние новости. Перед тем как крякнуть, наша рация выдала поток информации с федеральных каналов.

– Слушаю, лейтенант.

– Наш флот наконец-то занялся делом – долбит русскую группировку в Исландии. И еще: китайцы активизировались. Продолжают наступать, теснят «иванов» в глубь Сибири.

– Насчет внутренней обстановки ничего не говорилось?

– Говорилось. «Электрическая клубника»⁷ уже здесь... Недалеко от Феникса. Скоро мы с ними встретимся.

– Недалеко – это где?

– У сорокового шоссе. Очистила и удерживает Флагстафф.

Боб мысленно прикинул расстояние, помножил его на хорошо вооруженные и мобильные банды чиканос, кишащие по всей Аризоне, и тяжело вздохнул.

– Думаю, лейтенант, федералы подойдут не скоро...

Связь заработала только через шесть часов – видимо, артиллеристам удалось накрыть вражеские «глушилки». Первое же сообщение было о военном перевороте в Мексике. Либеральное правительство Торреса свергнуто и посажено под домашний арест, к власти пришла хунта во главе с генералом Сантьяго Марьентосом. О генерале известно лишь то, что он долго учился в США и, по мнению аналитиков, он наиболее подходящий человек для наведения порядка в пылающей Мексике.

Наслушавшийся за последние полмесяца дурацких мнений разных тупых аналитиков, бывший командир спецгруппы HRT FBI Боб Хитли скептически хмыкнул.

Через пару минут приглушенно захлопали залпы минометов «М-30». Начинался новый этап зачистки Феникса, которой не видно конца и края...

⁷ Название двадцать пятой пехотной дивизии армии США.

Глава 7. Амурская область. Окрестности Белогорска. 16 августа

Черные хлопья саж, кружась в воздухе, словно потусторонние снежинки, медленно оседали на еловые лапы. Майор Пшеничный снял с головы тактический шлем и поскреб недавно обритую «под ноль» голову. Лежащий впереди Белогорск пылал сотнями очагов пожаров, изрыгая в небеса клубы черного и серого дыма. Город был в кольце, внутри кольца агонизировали три отборные китайские дивизии: шестая и восьмая танковая, сто десятая моторизованная. Русские танковые бригады, обходя Белогорск с флангов, рвались обратно к Амуру, гоня перед собой остатки двух разбитых китайских армий.

– Чего задумался, пластун?

Артем резко обернулся на голос.

Перед ним, широко расставив ноги, стоял командир отряда специального назначения «Грифон» Министерства юстиции подполковник Петр Калмыков. И ведь как тихо подобрался.

– Здравия желаю, подполковник.

– Чего такой кислый, майор?

– Да спал только четыре часа, башка трещит.

– Так таблетку выпей. Вот, держи. – Калмыков протянул Артему серебристую пластинку таблеток

– Это чего?

– Пенталгин. Бери-бери, мои «вольнотпущенные» здесь аптечный пункт бомбанули. Ни бинтов, ни спирта, понятное дело, не было, гранадеры прибрали, но вот пенталгин остался.

– У гранадеров, видимо, голова не болит... как у дятлов...

Калмыков довольно заржал и, повернувшись, отправился к стоящему в овраге «Тигру», украшенному антеннами и укрытому маскировочной сеткой. Пшеничный посмотрел ему вслед. «Жутковатая личность, но в нынешней ситуации такие, как Калмыков, полезны и необходимы», – подумал он.

Отряд «Грифон» выполнял сразу две функции: чистил прифронтовую полосу от просочившихся в русский тыл китайцев и обеспечивал полицейские функции. Это официально, неофициально – исполнял работу заградительного отряда. Половина отряда была укомплектована сотрудниками спецподразделений отделов исполнения наказания, другая половина – амнистированными уголовниками с небольшими сроками. Их так и называли «вольнотпущенники».

Военные к «вертухай-спецназу» относились безразлично, но с пониманием. «Грифон» со своими задачами справлялся вполне, обеспечивая самое главное на войне – поступление пополнений. Перекрыв все дороги блокпостами и секретами, «грифоны» хватали лиц мужского пола из числа беженцев и местных жителей, отправляя в учебные полки. Они же ловили и расплодившихся в последнее время дезертиров.

«Позорный факт – рост дезертирства», – подумал Артем, глотая таблетку и запивая ее водой из фляги.

Многие профессиональные военные, костяк любой армии в мирное время, здесь, на Дальнем Востоке, откровенно боялись войны с китайцами. Что порождало попытки уклониться от исполнения своего долга, увильнуть на тыловую должность или того хуже – сбежать. Пшеничный знал, что сбежавший мобилизованный после получения профилактических тумачков от особиста опять вернется в свою часть. Пойманного на дезертирстве контрактника, прапорщика или, не дай бог, офицера ждала публичная казнь. В лучшем случае – пуля перед строем, в худшем – дезертиры украшали собой придорожные сосны.

Причины такого поведения были на ладони. Китайцы, словно половодье, затапливали приграничную зону вдоль Амура. Не считаясь с потерями, лезли в глубь страны, старались укрепить уже захваченные плацдармы и развивать наступление дальше. Казалось, пройдет еще два-три дня – и китайская волна захлестнет весь восток Руси, от Приморья до Урала...

Народно-освободительная армия Китая атаковала, пользуясь старой, но надежной советской тактикой. Много танков и бронемашин, истребители-бомбардировщики с неуправляемыми НУРСами и бомбами свободного падения, мощный огонь ствольной и реактивной артиллерии. Как и ожидали китайские стратеги, первые проблемы возникли при форсировании широкого Амура и преодолении приграничных укрепленных районов. Несмотря на потери, китайцы проломили оборону и, укрепившись на русском берегу Амура, пытались продолжить наступление. Вот здесь и начались настоящие китайские проблемы. Бронетанковые колонны, прорываясь в глубь русских областей по малочисленным и узким дорогам, отсекались легкими подразделениями, дробились на части и поочередно уничтожались. Все дороги были минированы, мосты взорваны, к тому же НОАК здорово досаждала авиация.

Но китайское командование быстро училось на своих ошибках. Теперь танковые колонны сопровождал спецназ или спешенная пехота, впереди обязательно шла инженерная разведка. Такая тактика сокращала потери, но сильно снижала темп наступления. Русские успели... Успели перебросить из Сибири и Урала и развернуть на Дальнем Востоке с десятков резервных бригад⁸, уплотнив оборону и нанеся НОАК несколько ощутимых контрударов. Сначала под Уссурийском, затем под Биробиджаном, потом у Завитинска.

– Только этого мало, господа офицеры... – Генерал-полковник Лисицын, прибывший на передовую под Завитинском на легком вертолете «Ансат», недовольно сморщился, кивнув головой на электронную карту.

– Мы дали китайцам пощечину, а надо оторвать голову подчистую. Те две бригады узкоглазых, которые мы уложили под Завитинском, – это так, мелочь.

У собравшихся в лесу офицеров слова главкома восточного стратегического направления энтузиазма не вызвали. Последние бои были хоть и успешными, но очень тяжелыми. Потери русских росли, а силы НОАК, наоборот, не убывали.

Генерал оглядел осунувшиеся, небритые лица офицеров двадцать девятого армейского корпуса, объединяющего все силы восточнее Благовещенска, повернулся к сидящему рядом командиру корпуса Неклюдову и громко сказал:

– Неклюдов! Вот посмотрите на своих людей. Они полны энергии и веры в завтрашний день, не то что вы, генерал-майор.

Раздались смешки, измотанные до предела командиры оживились, некоторые даже попытались сделать «морду кирпичом» и принять бравый вид. Шутка подействовала.

– Вот уже другое дело, а то просто театр теней какой-то, не офицеры... Короче, надо отбить у китайцев Белогорск и отбросить их обратно за Амур. Хотелось бы выслушать предложения от вас, господа офицеры. Как проще и быстрее это сделать? Вам на передовой виднее. Общий план вы, наверно, догадываетесь какой. Срезать белогорский выступ у основания. Сильным фланговым ударом. Копия завитинского контрудара, только в большем масштабе.

Сидящий в первом ряду низкорослый полковник с гвардейским знаком на полевом камуфляже нехотя поднял руку. Командир двадцать первой гвардейской танковой бригады Николай Авдеев... «Фронтальной пожарной», как его называют. Авдеевская бригада сначала отделила китайцев под Уссурийском, затем здесь, под Завитинском.

⁸ Отличаются от боевых сокращенным личным составом. В случае большой войны объединяются с учебными полками и разворачиваются в полнокровные боевые бригады.

– Не получится как под Завитинском, господин генерал-полковник. Поумнели китайцы... знают, черти, что удар будет только с одной стороны, отсюда. Сейчас в землю вгрызаются, в стыки мы прорвемся, вопросов нет, но нас на второй линии встретят.

– И что вы предлагаете, полковник? – резко спросил Лисицын.

– Организовать ложное наступление севернее и максимально сократить участок прорыва. Протиснуться между двумя китайскими армиями и разгромить тылы. Только так...

– Нет, – отрезал Неклюдов. – Даже такой вариант не дает гарантии успеха контрудара. Срежем верхушку выступа, освободим Белогорск, но полностью ликвидировать вклинение не удастся. Ввяжемся в затяжные бои – нам конец. Просто перемелют в костную муку.

– Все верно, – сказал генерал-майор. – Нужен один удар, но основательный.

Пшеничный слушал спор вполуха, думая о своем. Мысли в голове ползли неохотно, словно осенние мухи. Сам не зная зачем, Артем пробурчал себе под нос:

– Не получается во фланг – бей в лоб...

В наступивший за секунду до этого тишине его реплику слышали все окружающие.

– Что вы сказали, майор?! – Лисицын чуть сощурил глаза. – Говорите громче, раз начали, и представьтесь наконец! Не у тещи на блинах!

Артем встал и, откашлявшись, представился:

– Майор Пшеничный, командир четвертого отдельного батальона пластунов Амурской бригады.

– А-а-а, герои Хабаровска... – без тени иронии протянул Лисицын. – Так что вы там говорили, майор?

– Говорил, что раз нельзя во фланг, так надо в лоб.

– Ты, майор, сначала думай, потом языком мели, – надменно процедил Неклюдов.

– А я подумал, господин генерал-майор. Давно подумал, с тех пор как в армию служить пошел.

– Ты, майор, не дерзи старшему по званию, – махнул рукой командующий. – Есть чего по существу – выкладывай. Нет – захлопни варежку и помалкивай.

Деваться было некуда. Кто его за язык тянул?!

– Фронт дугой тянется от Екатеринославки до реки Зеи. Белогорск по центру. У противника – три оперативных направления. Получается очень большой разброс сил. А фланг от Беляковки до Амура держать надо. Это сто верст, не меньше. И китайцы знают, что мы ударим с той стороны, и ждут нас... Надо ударить со стороны Райгородка. Получится хоть и в лоб, но неожиданно.

Генералы переглянулись. Их взгляд ничего хорошего не предвещал.

– А пластун-то прав... – неожиданно заявил доселе молчавший полковник Авдеев. – Мне самому что-то подобное в голову приходило. Вот еще что: можно без артиллерийской подготовки попытаться атаковать. После удара ВВС и оперативно-тактических ракет – сразу атаковать. Перемещать такую массу артиллерии на север муторно. Забьем все дороги! Да и «косым» план раскроем! А артиллерийскую подготовку – на ложном направлении провести.

– Ладно, обсудим подробности позже. Э-э-э... майор, как вас там...

– Пшеничный.

– Во-во... Пшеничный, я вас поздравляю. Сдавайте батальон. Вы теперь в оперативной группе...

– Но... господин генерал-полковник... я ни дня не служил в штабе... Я боевой офицер...

– Вот и хорошо... Это взбодрит наших пентюхов штабных... а то сидят, геморрой отращивают. Стрелки на картах, б... красивые рисуют. Группу возглавит полковник Авдеев. Вам, полковник, оборону рвать, значит, вы к теме ближе будете. Бригаду на время сдайте заместителю.

Артем боялся зря: сидеть за картами его никто не заставлял! А вот намотаться по разбитым проселочным дорогам, определяя маршруты для выдвижения войск, пришлось. Назвался груздем – лезь в кузов. Как ни странно, с командиром импровизированной опергруппы полковником Авдеевым Пшеничный сработался сразу. Выяснилось, что Пал Палыч – бывалый фронтовик, но успел поработать на штабной должности⁹.

– Ж... у нас с пополнением, Пшеничный. – Авдеев смачно сплюнул и забористо, от души выматерился. – Либо вообще в армии не были, либо всю службу вагоны разгружали и заборы красили. А через двое суток – в бой.

Артем кивнул. Только что ему попала такая учебная рота. Рекруты были еще в штатском, в спортивных и джинсовых костюмах, с рюкзаками и баулами. Они стояли толпой на опушке и что-то жевали, видимо, еще из домашних запасов. Чуть поодаль стояло чудо...

Лощеный, пузатый и мордастый мужчина в белом костюме махал перед старшим лейтенантом и угрюмым прапорщиком какой-то красной книжицей и что-то орал.

– Вы понимаете, я – Исаков! Ответственный работник Министерства обороны... Историк и литератор! Я требую представителей командования. Это ошибка, произвол... Меня здесь быть не должно...

– Вы что, инвалид? Тогда как работаете в госучреждении? – резонно спросил офицер, которому этот лощеный толстяк уже начинал надоедать.

– Нет, не инвалид! Я гражданский специалист Министерства обороны, работаю в архиве и...

– Да мне насрать! Насрать, где ты там в Москве работаешь! Историк, мля... Военнообязанный – значит, всё! Встань в строй, гнида брюхатая! – сорвался на крик очумевший от воплей старлей.

Пшеничный неожиданно вспомнил. Он читал книгу этого историка! Где Исаков воспевал массированное развертывание новых дивизий РККА в сорок первом году. Когда едва сколоченные, необученные и плохо вооруженные дивизии бросались под немецкие танки в надежде на то, что блицкриг завязнет в человеческом мясе и потоках крови. Оказавшись в подобной ситуации, горе-историк ничего лучшего не нашел, как устроить скандал. Забыл, что в армии он никто и звать его никак... Необученный рекрут, салабон, одним словом. А в иные времена шлепнули бы товарища историка тут же, на опушке. Для поднятия боевого духа и борьбы с потенциальными паникерами. Но ничего, скоро его научат Родину любить. Вон как прапорзенками-то сверкает.

Перед самым наступлением Артема снова вызвали в штаб – уже не опергруппы, а целого армейского корпуса. К генералу Неклюдову. Только зайдя в кондиционированное помещение, Пшеничный тут же наткнулся на своего непосредственного командира – комбрига Кологрива.

– Во, пропащая душа... Слыхал, Пшеничный, что ты у нас в бонапарты метишь?

– Никак нет... Просто сказал, что...

– Знаю, что ты сказал. Ну так радуйся, Пшеничный. Пора тебе вернуться в родные пенаты. Ты ведь свой батальон сдал?

– Так точно, на время.

– Угу. Принимай первый батальон. Подполковник Бакулев сегодня ночью на мину в собственном тылу напоролся. До колена ногу оторвало, еле выжил. Кончилась твоя штабная деятельность, майор.

– Есть принимать первый батальон.

⁹ В «этой реальности» срок службы на штабных, тыловых и административных должностях в Вооруженных силах законодательно ограничен тремя-четырьмя годами. Потом обязательно служба в строевых частях – для постоянной ротации командирских кадров.

«Ну что же. Хоть вернусь к своим. А то ни богу свечка, ни черту кочерга. Мотаюсь по тылам в непонятно какой роли».

Пока Артем был откомандирован в группу Авдеева, вся Амурская пластунская бригада оказалась в сборе и хоронилась в бескрайних лесах. Это было правильно: несмотря на потери, пластуны оставались одним из самых боеспособных соединений на восточном стратегическом направлении.

– Кологрив, твои пластуны должны расчистить путь двадцать первой гвардейской танковой. Не перебивай, знаю, что вы легкая, а не штурмовая пехота. Вам в усиление дадут два батальона – инженерный и гренадерский из восьмидесят первой гвардейской механизированной. Здесь, Кологрив, главное – не сила удара, а точность. Заткните их пехоту и наведите на нее авиацию. Дальше все сделают танкисты и grenадеры.

Наступление начала пятнадцатая гвардейская танковая бригада, наносящая отвлекающий удар в стык двух китайских механизированных дивизий. Был сильный туман, а половина экипажей укомплектована резервистами. Тут же передовой батальон налетел на собственное минное поле и потерял почти целую роту «Барсов». Комбата тут же сняли и отдали под трибунал, но мертвых это уже не вернет. Но главное бригада сделала. Теперь китайское командование было убеждено в попытке мощного флангового удара. Две танковые дивизии НОАК, оснащенные новейшими «Тип-99», и две отдельные механизированные бригады только и ждали этого момента, чтобы встретить русских в глубине своей обороны.

Небесный кулак из десятков ударных вертолетов «Ка-52», «старичков» «Ми-24», всепогодных штурмовиков и бомбардировщиков обрушился на позиции одиннадцатой пехотной дивизии НОАК в тот момент, когда ее командир читал полученную из штаба двадцать третьей армии шифрограмму о начале русского контрнаступления.

Навьюченные снаряжением пластуны и саперы по горло в холодной воде, под моросящим дождем переправились через речушку с незапоминающим названием и выросли, словно призраки из японских фильмов-аниме, перед траншеями китайского боевого охранения. Едва захлопали первые выстрелы, как сзади наступающих сотен раздались мощные взрывы. Это саперы начали равнять крутые берега речки и делать проходы в минных полях с помощью дистанционных зарядов. Значит, где-то еще дальше, из туманной чащи, завывая двигателями, выкатывались «восьмидесятые» танковой бригады Авдеева.

«Время, время... – лихорадочно думал Артем, косясь на циферблат часов. – Если не успеем зачистить траншеи боевого охранения и прикрыть снимающих мины саперов, то опомнившиеся от ракетно-бомбового удара китайцы встретят колонны «Барсов» и мотопехоту шквальным огнем из противотанковых средств!»

– Давай, давай, капитан! – прикрикнул Пшеничный на командира приданной им роты саперов. Чего твои совсем не шевелятся?

– Да потому, майор, что на каждом по тридцать кило навешано.

Пшеничный сплюнул. «Ладно, будем надеяться, что пластуны сами с охранением покончат. Без помощи...»

Это в пехоте или танкистах комбат сидит в КШМ или блиндаже. В пластунах или спецназе комбат идет вместе со всеми. Что его отличает от обычного бойца, так это наличие рядом связиста и пары офицеров.

Передовую траншею заняли в срок, и рядом с Артемом тяжело плюхнулся в узкий лаз массивный сержант с лазерной аппаратурой для подсветки целей. Следом, чертыхаясь, прыгнул еще один связист.

– Авианаводчики?

– Так точно, господин майор. Сержант Тимохин. Сейчас будем концерт устраивать. По заявкам.

Но первыми концерт устроили китайцы. Сбросив с себя оцепенение, хлестнули по занятой пластунами передовой траншее шквалом минометного огня. Затем вдалеке заревела дивизионная артиллерия НОАК, выбрасывая тонны стали на вжавшихся в землю пластунов.

Скрючившись в китайской траншее, Артем каждой клеточкой чувствовал, как утекают драгоценные секунды. Угроза полного срыва операции мешала ему сосредоточиться. «Это же полный бред – бросать пластунов в атаку на укрепрайон, да еще без поддержки артиллерии. Да яйца им там в штабе поотрывать надо. Стратеги, мать их...»

Пшеничного отвлек резкий свист. Чудовищной силы взрыв едва не выкинул его из траншеи, потом последовал еще один, чуть дальше и слабее. Минометный огонь прекратился, гаубичные батареи, бьющие издалека, притихли. Пшеничный осторожно высунул голову из траншеи и поразился произошедшей перемене.

Мощная термическая вспышка разогнала густой туман на расстоянии десятков километров, вся линия обороны китайцев была как на ладони, словно внутренности человека с распоротым животом. Удар объемно-детонирующей боеголовкой «Искандера» выжег передний край китайцев на несколько километров вперед. Горела сухая трава, кустарники и трупы людей. Много трупов. Китайцы сидели в траншеях густо, и смерть широко взмахнула своей косой.

– Отлично, цель поражена, цель поражена, – услышал Артем тихое бормотание. Правее него, нацепив наушники, сидел сержант Тимохин и что-то бубнил в рацию.

Майор сгреб сержанта за грудки, точнее, за локти и заорал:

– Ты че, сержант, совсем охренел?! Ты куда корректируешь огонь, debil?! Чуть нас не поджарил, скотина!

– Так, это... Аккуратно я, господин майор. Прибор тонкий, все точно наводит, вот в миллиметр и уложился! – нагло усмехнулся сержант.

Над головой, стрекоча винтами, разворачивались «Ка-52», поливая неуправляемыми ракетами и снарядами из пушек оглушенных и мечущихся китайцев. Вот она, демонстрация подавляющей воздушной мощи. Армейская и фронтовая авиации делают что хотят, невзирая на ПВО противника.

Зашипел наушник в ухе, комбриг на связи.

– Жук-один. Оставайся на месте. Оставайся на месте. Прием.

– Принял. Цель – Жук-один. Принял.

«Цель»... черт! Значит, танки с грендерами пойдут прямо через наше расположение. По проходам, сделанным саперами. Б... нет ничего хуже, когда многотонные махины переваливают через твой окоп!»

Снова чудовищный грохот. На сей раз слева, километрах в четырех. Понятно, долбят «Искандерами» весь «передок», не жалея ракет. Обычно это делает ствольная и реактивная артиллерия, ОТР очень дорого. Но на сей раз решили за ценой не стоять.

Оперативно-тактические ракеты будто слизали первую линию обороны китайцев вместе с тщательно продуманной противотанковой обороной и минными полями, пробив в ней бреши. Бреши достаточно широкие, чтобы в них прорвались тактические боевые группы гвардейской танковой бригады. Обходя очаги сопротивления, танкисты и грендеры Авдеева рванулись на оперативный простор.

Сказать, что главное командование НОАК растерялось – это значит не сказать ничего. Весь скрупулезно продуманный план рухнул, когда стало понятно направление главного удара русских. Китайцам ничего не оставалось, как лихорадочно бросать в бой танковые войска в надежде остановить бросок русских к Амуру. И-за малого количества дорог и постоянных ракетно-бомбовых ударов китайские танковые дивизии бросались в бой частями. Тут батальон, там полк. Попытка остановить удар в лицо растопыренными пальцами. И пальцы переломаны, и нос разбит. Неопытное командование двадцать третьей армии НОАК своими суматошными действиями только усугубляло и запутывало ситуацию.

Вскрыв, словно скальпелем, вражескую оборону и обойдя с двух сторон Белогорск, русские легко отразили контратаку шестой танковой дивизии НОАК, смяли ее фланговым маневром и снова двинулись на юг. К Благовещенску и китайской границе, сматывая китайский плацдарм, словно красную пыльную дорожку в гостиничном коридоре. Вторая танковая дивизия НОАК была захлестнута потоком сначала в панике отступающих тыловых подразделений и остатков шестой танковой, затем преследующими третьей и двадцать первой гвардейскими танковыми бригадами. При мощной воздушной поддержке. Имея на благовещенском плацдарме в шесть раз больше сил, чем у двадцать девятого армейского корпуса Неклюдова, китайцы оказались не в силах их правильно применить. Фронт рухнул меньше чем за двое суток, обнажив тылы китайской группировки на русском берегу Амура. Еще через сутки никто уже не думал о сопротивлении.

– Белогорск будете брать вы, Кологрив. Ваши ребята не раз и не два отлично себя показали, так что вперед. Опять же хорошие новости: теперь нас поддерживает вся мощь артиллерии. Ваша пластунская бригада и мотострелковая бригада Калинина должны очистить Белогорск.

– Там почти две с половиной дивизии засело, господин командующий... Причем тяжелых. А у меня на все про все сорок танков из мотострелковой бригады.

– У вас, Кологрив, еще вся артиллерия корпуса и полки РГК. Это компенсирует нехватку бронетехники. К сожалению, больше ничего дать не можем. У самого в резерве – комендантский батальон.

Первый штурм был отбит яростным огнем китайской бронетехники. Танки и БМП во дворах и на перекрестках встретили атакующих таким валом свинца и стали, что атака захлебнулась в дебюте. Матерясь и чертыхаясь, Пшеничный из наспех оборудованного КП пытался добиться более адресной огневой поддержки. Пока не получалось, численное «разбухание» армии за счет массового призыва резервистов сильно било по профессиональной готовности. Вот и на сей раз артиллерия резерва Главного командования, более чем наполовину укомплектованная резервистами, просаживала тонны боеприпасов на удары по площадям, не задумываясь о точности огня. Мотострелковая бригада, которая прибыла на помощь пластунам, была еще хуже. Просто зоопарк. Пузатые солидные мужики, втиснутые в бронежилеты и напялившие тактические шлемы, выглядели бы весьма комично... если бы это было мирное время. Мотострелковый батальон, наступавший справа, потерял за одну атаку более сорока человек только убитыми. Его командир, замотанный и уставший подполковник Никишин, лет сорока, завалился на КП Пшеничного ближе к вечеру.

– Что делать будем, майор? Еще пара таких «измаильских штурмов», и у меня батальон с фронта сбежит. Офицеров постреляет и до хаты к бабам под бочок.

Пшеничный ошарашенно глянул на подполковника.

– Это как? С фронта уйдут?

– «Как?» Ногами, майор. Ножками, ножками... Батальон-то «партизанский», мужики все с Урала призваны. Им этот Белогорск – до одного места. – Никишин, выразительно хлопнул ладонью по промежности.

– А... дисциплина? Да если что, то «косые» и до Урала дойдут!

– Ты не митингуй, пластун! Сам знаешь, какой у нас народ: пока сообразят, что к чему, уже поздно будет. Лучше подумаем, как задачу выполнить и людей сохранить...

Артем беспомощно огляделся вокруг. Никишин был абсолютно прав: они будут напрасно терять людей и ничего не добьются. Поблуждав по окрестностям, взгляд пластуна уперся в танк «Тип-88», завалившийся в пожарный пруд по самую башню. Чуть дальше так же бесполезно торчал в грязи колесный БТР.

– У тебя трактористы найдутся, подполковник?

– Найдутся. Не всех же в танкисты забрали, а что?

– Вон, глянь... Тут если пошукать, то с десятков танков найти можно.

– И хрен ли с них толку?! Все равно танковый бой вести некому.

– Да никто и не собирается здесь Прохоровку устраивать. Наблюдателей в танки посадим. Корректировщиков. Раз БПЛА нет, значит, надо ближе подбираться и наводить точнее.

– Блин... верно... Хотя и стремно... Корректировщиков побить могут...

– Ух ты! Кто пять минут назад плакал, что вообще весь батальон разбежится?! Наличие танков, тем более трофейных, взбодрит людей. Так что еще повоюем! Давай своих трактористов.

– С тебя тягач, пластун...

Тягач нашли с трудом, но все-таки нашли. Выволокли из грязи несколько брошенных китайских танков. После этого дела пошли. Укрытые броней корректировщики наконец разглядели и идентифицировали цели, огонь нашей артиллерии стал на порядок точнее.

На глазах Артема один из «Тип-99» разлетелся на куски, получив 152-миллиметровый «Краснополь-3» в башню. Затем еще один. Огонь китайских танков ослабел: возможно, заканчивался боекомплект.

– Пора. Выдвигай первую и вторую сотню, перебежками, – прошипел Пшеничный в рацию, и пластуны стали выдвигаться вперед. Медленно, перебежками, прячась за корпуса разбитой бронетехники, стены домов и кучи строительного мусора.

Потом... потом была зачистка. Китайцы сидели в основном на первых этажах и подвалах, пластуны их обстреливали издалека, затем мотострелки с помощью тяжелых пулеметов и РПГ выбивали узкоглазых оттуда. Если те не поддавались, снова вызывали артиллерию и минометы. А под утро китайцы контратаковали.

Три танка и три БМП ZBD-97 пошли на прорыв, ведя огонь вдоль улицы. Пшеничный едва успел отпрыгнуть от борта трофейного «восемьдесят восьмого», как в машину угодил бронебойный снаряд. Взрывная волна подхватила Артема, словно тряпичную куклу, и отбросила в полную грязной воды придорожную канаву.

Из канавы его выволок старшина первый сотни, мелкий и вертлявый Степа Рац, молдаванин, рожденный под Хабаровском. Отменный стрелок и очень жестокий боец.

Но в себя майор Пшеничный пришел позже, в медпункте у «спецвертухая» Калмыкова. Подполковник сидел напротив, ухмылялся и демонстрировал свежий бинт, намотанный вокруг головы. Пахло какими-то лекарствами, еловыми лапами, нашатырем и почему-то лимоном.

– Живучий ты, майор! На Кавказе – выжил, в Крыму – выжил, в Хабаровске – выжил... Вот по тебе из танка шмаляли – и ничего... Легкая контузия.

Артем внимательно ощупал себя. Вроде все целое. Только голова опять трещит.

– С танками что, прорвались?

– Да не... Не успели. Твои пластуны – молодцы, вот что значит школа! Мастерство не пропьешь! Ты же по одному взводу с каждой сотни в резерв выделил? Вот они китаец из «Аглей»¹⁰ перещелкали. Оставшийся танк – уже мои, из «СПГ-9»¹¹ приголубили. Вон, сука, в версте отсюда догорает.

Пшеничный помотал головой.

– Откуда у вас СПГ?

– Хе-хе... Эх, Пшеничный, Пшеничный... Ты не забывай, что я до того, как в спецназ «Грифон» попасть, обе чеченские кампании прошел. Так что знали, куда едем. У меня в отряде сверх штата и СПГ, и «зушки», и шесть «Уралов» бронированных. На всякий случай. Да и у «косых» кое-чем прибрахлились.

¹⁰ Противотанковый гранатомет, принят на вооружение в 1985 году. Калибр 72,5 мм, вес 2,9 кг, дальность стрельбы 170 м, бронепробиваемость 440 мм.

¹¹ Станковый противотанковый гранатомет «Копье» принят на вооружение в 1963 году. Калибр 73 мм, вес ок. 60 кг, дальность стрельбы до 1300 м (эффективная ок. 800), бронепробиваемость 350–400 мм.

– Что в городе?

– Да ничего. Добивают потихоньку. Там сейчас Никишин распоряжается, толковый мужик, даром что из махры.

Артем сплюнул на земляной пол санитарного блиндажа. Его здорово мутило.

– Да, слушай новость хорошую, майор. По радио передали, что наши моряки в Северной Атлантике америкосам навтыкали. Хорошо навтыкали, по самые помидоры. Говорят, даже пару авианосцев утопили. Значит, конвоев в Европу больше не будет. А уж Волобуев, будь спок, этим воспользуется для рывка к Ла-Маншу.

– Да нам-то что, подполковник?!

– А... Аполитично рассуждаешь, Пшеничный. – Калмыков искусно изобразил возмущенного товарища Саахова из «Кавказской пленницы». Артем даже хихикнул. – Раз в Европе, можно сказать, полная виктория, то все резервы сюда гнать будут. Делай правильные выводы, непробиваемый пластун.

– Вас понял. Я выйду подышать, а то чего-то башка болит...

– Ты у меня вчера целую пластинку пенталгина брал. Не думаю, что все сожрал... По карманам посмотри.

Пока лазил по собственным карманам, Артем задал Калмыкову давно мучивший его вопрос:

– Слушай, а чего я на твоём медпункте? А не на своём или бригадном?

Калмыков перестал улыбаться, посерел лицом и неохотно ответил:

– Там мест нет, майор... Потери тяжёлые, все забито, сейчас вертолетом хотят дальше в тыл вывозить. Говорю же, везучий ты, Пшеничный... Не всем так везет.

Глава 8. Русь. Москва. 17 августа

Харон открыл глаза, когда шасси «Чебурашки» – «Ан-72» – коснулись бетонных плит авиабазы. Вот он и дома. Черт возьми, он до сих пор не верил, что выпутался из той паучьей сети, куда угодил по собственной глупости. Как баран полез за свежей травкой и не увидел яму...

К его удивлению, на ВПП его никто не встречал. Оркестра, понятное дело, Харон не ждал, ожидал «группу товарищей» в штатском или форме. Вместо этого у края бетонной полосы стоял одинокий внедорожник «Хонда Пилот».

– Вас ждут там... – Неразговорчивый прапорщик-техник ткнул пальцем в сторону джипа.

За весь полет никто из экипажа транспортника не обмолвился с Хароном ни единственным словом. Понимали, что не простого пассажира в столицу везут. Простому личный борт командующего ВВС Западного направления не положен.

Харон спустился на остывающий от дневной жары бетон и неторопливо зашагал в направлении стоящей автомашины. Когда до «Пилота» оставалось метра три, боковое окно со стороны водителя отъехало вниз и прозвучал тихий голос:

– Здравствуй, бродяга... Располагайся на переднем сиденье.

За рулем сидел не кто иной, как Виктор Локтионов. Руководитель управления специальных операций Службы национальной безопасности. Харон не раз и не два соприкасался с ним на совместной работе.

– Здравствуй, Весельчак, – сказал Харон, садясь рядом.

Локтионов добродушно улыбнулся и нажал на педаль газа. Но в круглых синих глазах Весельчака Харон явственно видел полярный холод. словно сама смерть окатила пассажира ледяным дыханием.

Прозвище Локтионов получил из-за своего сходства с персонажем мультфильма «Тайна третьей планеты». С виду Виктор – обаятельный толстячок, с отличным чувством юмора, готовый болтать о чем угодно. Не знающий Весельчака человек определил бы его как душу любой компании и предположил бы, что работает Виктор менеджером среднего звена. Знающие люди, а таких были единицы, всегда поражались тому, что за маской добродушного и мягкого в общении человека скрывается хладнокровный и расчетливый руководитель и участник тайных операций – настоящая машина убийств и террора, не знающая сбоев и промахов.

– Рассказывай, как тебе в голову пришла идея на «Цессне» через линию фронта лететь?

– А что, были варианты?

Вариантов у Харона действительно не было. После того как дома у той персидской сучки их накрыли какие-то непонятные командос, из всей спецгруппы выжил только Харон. Не просто выжил, но и прихватил с собой запись допроса фрау Зейны Хенкель, где персидская эмигрантка что-то болтала про могущественный тайный орден.

Харон не принял бы это всерьез, посчитал бы бредом, если бы не последующие события. Не прошло и пятнадцати минут с момента их проникновения на виллу герра Хенкеля, как наружное наблюдение засекло несколько групп физически развитых субъектов, грамотно блокирующих виллу в фешенебельном районе Берлина. Изначально Харон думал, что это агенты контрразведки, но потом, когда увидел интегрированные глушители на автоматах «НК-5», понял, что ошибался. Никто не собирался ловить «русиш шпион». Их пришли убивать. Контрразведка так себя не ведет. Для них захватить вражеского диверсанта живьем – первейшая задача. Эти же сразу стали «мочить» – бить на поражение.

Харону удалось выжить. Снова обмануть смерть, вырвавшись из западни, броситься в путаницу берлинских улиц, скрываясь от преследования. Информация, записанная на камеру, теперь напоминала ядерную бомбу, готовую взорваться в любой момент.

– Молодец. Молодчина, Харон... – кивнул Весельчак, выслушав первую часть рассказа Харона и намекая, что ждет продолжения.

Больше недели Харон отсиживался в «берлоге». В заброшенном, недостроенном из-за кризиса доме в районе Нойкельн. Двухэтажная коробка стояла заброшенной уже больше года, и ни у кого не хватало денег и времени с ней что-то делать. В подвале, как и следовало ожидать, имелось население: здесь обосновались две пары хиппи, безобидных людишек овощной породы, кутивших глиняные трубки с гашишем «чарас» и слушавших древний ламповый радиоприемник. Парни были бородаты, тощи и волосаты, неумело бренчали на гитарах, девицы тоже худы и неопрятны. Богема, одним словом, отбросы общества потребления. Первоначально Харон хотел просто прирезать всех четверых и ночью закопать в обширном саду за домом, но потом передумал. У хиппи вполне могли быть друзья, которые способны поднять тревогу. Еще Харон понимал, что его искали. Так что дом, где жили хиппари, был хорошим прикрытием. Вряд ли кто подумает, что матерый диверсант будет жить в одном доме с грязными неформалами.

Харон поселился на втором этаже, соорудив себе что-то вроде потайной комнаты. Хиппари не поднимались выше первого, предпочитая сухой и темный подвал. Так что за десять дней в Нойкельне Харон ни разу и не столкнулся с хиппи лицом к лицу. К счастью для последних. Десять дней он провел практически лежа, изредка делая вылазки за продуктами в соседний дом. Там имелся обширный холодильник в подвале и маленькое окно, через которое было удобно залезать. У соседей хранилось много полезного имущества, но Харон не брал ничего. Боялся лишний раз привлечь внимание. Его искали, искали умело и тщательно.

На третий день возле «недостроя» притормозил фургончик газовой компании. Двое, в стандартных рабочих комбинезонах, внимательно изучали каменную коробку напротив, затем один из ряженых подошел к невысокому заборчику и одним движением перепрыгнул через него. Харон отполз в дальний угол своего схрона и вытащил нож с обоюдоострым лезвием. Но ряженный «газовщик» не стал подниматься вверх: ему хватило обнаруженных в подвале хиппи. Через пятнадцать минут фургон газовой службы уехал, но приехал серебристый «Ауди» с тремя мордоворотами внутри. Мордовороты сидели смирно, явно чего-то ожидая. Оживились они только с появлением незаконных поселенцев. Прихватили хиппарей за жабры, сунув им под нос какие-то жетоны. Хиппи стали возмущаться, и в итоге их отпустили, но один из мордоворотов остался. Чего-то ждал, вернувшись в машину, отпустив своих напарников на такси.

«Меня ждешь, бестолочь», – подумал Харон, стараясь не шевелиться лишний раз и подавляя голод и жажду. Наблюдение сняли только через двенадцать часов, когда убедились, что, кроме хиппи, в доме никто не живет.

Одно было плохо – в Берлине, за исключением древних ламповых приемников, никакая связь не работала. По всей Германии, а может, и по всей Европе тоже.

«Наши... Вот это да! А я думаю, почему в Берлине ни связи, ни Интернета... Поди, жажнули ядреную бомбу – связь по всей Европе и отключилась. Наши это могут».

Надо было сваливать. Фронт рядом, можно постараться. Маскарад с переодеванием Харон отмел сразу. Расколют на первом же посту MAD¹². Это не лохи из берлинской «шупо»! Военная полиция – дядьки суровые, стреляют без промаха.

Мысль о самолете пришла почти сразу. Аэропорт Темпельхоф недалеко, там множество частных аэроклубов, обслуживающих небольшие спортивные самолеты и вертолеты. «Цессны», «Дорнье», FD. То, что нужно. По хипповскому радио под утро сказали, что русские находятся в двухстах километрах от Берлина. Осталось добраться до аэропорта, найти исправный и желательно заправленный самолет и свалить. Если вырубилась электроника, то

¹² Militaerischer Abschirmdienst (Военная служба безопасности) – орган военной контрразведки Бундесвера.

радаров, ракет и реактивных перехватчиков можно не опасаться. Значит, должен проскочить. Двести километров для любого самолета – это тьфу! Змеей выползая из своего схрона, Харон бесшумно прыгнул вниз, на кучу песка, сложенную за домом.

Как и следовало ожидать, большинство самолетов оказалось в ангарах. Частная авиация – удовольствие для богатеньких, богатые – люди в основном семейные. В «Цессну-172» нормальная бюргерская семья не влезет. Так что самолеты бросили, отчалив из Берлина на машинах. Берлин вообще здорово обезлюдел за последнюю неделю. Целые кварталы опустели, заметно больше стало полиции, появились военные патрули. Газеты теперь снова стали популярны, печатные издания сообщали крупным шрифтом о новом вторжении гуннов и наступлении апокалипсиса. Смешно, но Русь теперь сравнивали с империей Аттилы.

– Короче, ты молодец, Харон. Здорово с самолетом придумал, а что, заправлены были?

– Да нет, Весельчак, я еще бензин из резервуара ручной помпой два часа накачивал.

– А чего ручной?

– Да в Темпельхофе электричества не было. Как и в половине Берлина. Вот так ручной помпой литр за литром и качал. Потом взлетел.

– Слышал, без проблем не обошлось.

– Да так, мелочь. Уже в пяти верстах от линии фронта из «Гепарда» обстреляли, часть левого крыла оторвало. Сел на нейтральной полосе, чуть свои не пристрелили...

Весельчак согласно кивнул круглой головой на короткой массивной шее... Харон заметил, что они едут уже полчаса по осунувшейся из-за войны Москве, причем Весельчак, спрашивая и болтая, постоянно нарезал круги, не отъезжая далеко от района Кунцево.

– Куда едем? – наконец спросил Харон, чувствуя сигналы тревоги в собственном мозгу.

– Увидишь. Недолго осталось.

Наконец «Пилот» повернул в узкий переулок между двумя высотками и остановился перед обычным офисным зданием за симпатичной литой оградой без всякой вывески.

– Пошли, летчик-камикадзе. – Весельчак, несмотря на комплекцию, легко выпрыгнул из машины и двинулся к дверям. Мучимый дурными предчувствиями, Харон вышел на прохладный утренний воздух и пошел следом.

В кабинете с зашторенными окнами его ждал один человек. Увидев его, Харон облегченно вздохнул.

– Здравствуй, сынок.

Навстречу ему поднялся единственный человек, которому Харон доверял на сто процентов, – генерал-майор ГРУ Корженевич, бывший боевик-чистильщик по прозвищу Бульбаш.

– Здравствуй... те, господин генерал-майор, – отчеканил Харон.

– Не пыли, Харон. Давай, что там у тебя...

Харон многозначительно покосился на скромно стоящего у дверей Весельчака. Отношения между спецслужбами Руси напоминали отношения голодных скорпионов, волею судеб запертых в банке. Информацией делиться никто не спешил.

– Все нормально, сынок. Это совместная операция. Я внимательно слушаю... и смотрю.

Запись, доставленная Хароном, попала к Стрельченко часов через пять после того, как «Ан-72» коснулся бетонки в Кубинке. Рабочий день Стрельца уже приближался к восемнадцатичасовому рубежу, поэтому неудивительно, что глава государства поддерживал работоспособность с помощью психостимуляторов и крепкого черного чая с сахаром, который потреблял литрами, несмотря на предупреждения лейб-медиков.

Просмотрев запись, Стрелец еще раз пересмотрел интересующие его моменты. Отодвинул от себя пульт и, вздохнув, поднял глаза к потолку. Подобную информацию следовало переварить лично, не советуясь ни с кем и не устраивая пустых скандалов и обвинений. Спецслужбы, даже самые эффективные, не могут знать всего.

«Как же тяжело! Чем дальше в лес, тем толще партизаны. Вроде пашешь, пашешь как трактор, но света в конце тоннеля не видно. Верно говорил товарищ Абакумов: государство вести – это не м... трясти».

– Что выяснили по этому Братству Волков?

Сидящие за столом переглянулись. Ответить пришлось Блинову: только его контора сумела нарыть хоть какую-то информацию.

– Мои архивариусы нашли кое-что. Потом нашли одного ветерана ГБ, который даже их разрабатывал. Сейчас ему восемьдесят три года, но мы старикана с кровати подняли и тоже допросили. Но говорю честно, информации мизер. Какие-то обрезки немецких архивов, обрывки агентурных сообщений, домыслы...

– Давай что есть, Коготь. Не до сантиментов. Мизер лучше, чем ничего.

Руководитель СНБ открыл черную пластиковую папку и, смерив взглядом окружающих, начал читать.

– Итак, первые упоминания о некоем Ордене Волка относятся к осени 1929 года. Тогда в Харькове был задержан некто Василий Засс, бывший штабс-капитан. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Прибыл Засс в Харьков с целью ликвидации начальника местного ОГПУ и совершения террористических актов. Именно Засс на допросе и поведал про этот орден. Это организация молодых белоэмигрантов, отколовшихся от РОВС¹³ в 1925 году и ставящая во главу угла интеграцию русской эмигрантской молодежи в западный истеблишмент. Борьбу с СССР они планировали вести через инфильтрацию в политические и военные круги запада. Образно говоря, парни хотели стать шеей, на которой вертится западная голова. Странная позиция для нищих эмигрантов-чужаков. Василий Засс с этим не был согласен, вернулся в РОВС, ушел в террористы и закончил свой путь в подвале харьковского ГПУ. Да... чуть не забыл, стать террористом Вася захотел после того, как чудом пережил два покушения. Решил вернуться в СССР, надеялся, что выживет там.

Лубянка взяла этот орден в разработку, но работать было сложно. Во-первых, Орден Волка был создан в Бизерте. Это Тунис, не Париж или Берлин, и агентурных источников у ГПУ там не было. Во-вторых, все участники Ордена Волка поменяли свои русские фамилии на французские или итальянские, многие приняли католичество...

– Умно, – хмыкнул шеф ССБ, генерал-лейтенант Ляхов. – В те времена простая смена фамилии могла серьезно осложнить поиски. А почему Орден Волка? Странное название...

– Меня этот вопрос тоже заинтересовал. Здесь нам помог старый чекист Игнатов, которого мы ночью допрашивали. Но давайте обо всем по порядку.

– Давайте, давайте... – раздраженно кивнул Стрелец. – Здесь все люди занятые, можно поактивней рассказывать?

– Короче, ГПУ потыкалось, потыкалось и отвалило. Других дел было невпроворот. Снова выплыл этот орден аж в 1958 году. Тогда КГБ разоблачил предателя в собственных рядах, подполковника Парамонова. Парамонов служил «особистом» в штабе РВСН и обеспечивал контрразведывательное прикрытие. Каково было удивление оперативников, когда выяснилось, что Парамонов сливал данные на Запад! Причем не ЦРУ или «Интеллигент сервис», а некому частному лицу. Зацепили Парамонова в 1956 году в Венгрии, предоставив ему возможность встретиться со своими родственниками, живущими за границей. Тогда такое было часто. Войны, две мировые, Гражданская, рассеяли русских по миру. Несмотря на сверхжесткий контроль со стороны ГБ и партийных органов, у многих находились за рубежом мнимые и настоящие родственники. По словам Парамонова, один из его «связников» за чашкой кофе

¹³ Русский Обще-Воинский Союз – организация, объединявшая эмигрантов – выходцев из Императорской армии и флота, сплоченных для борьбы с СССР. Создан в 1924 году, фактически прекратил существование в начале сороковых годов. Уже к 1930 году был профильтрован советской агентурой и практически парализован. Руководители РОВС – генералы Кутепов и Миллер – были похищены НКВД в Париже, вывезены в СССР и казнены.

проговорился, что работает на некий Орден Волка, частную организацию, связанную с влиятельными политическими и военными кругами запада. Уровень завербованного агента потряс руководство ТГУ КГБ¹⁴, за Орден Волка снова взялись. Уже основательно. Благо оперативная техника и агентурные возможности КГБ за эти годы выросли на порядок. Однако снова пусто. Единственное, что удалось узнать про орден – что он принимал участие в создании и деятельности ОАС¹⁵. К началу шестидесятых ОАС была разгромлена французскими спецслужбами и обезглавлена. Соответственно пострадал и орден. Про него быстро забыли и вспомнили только в 1974 году... Тогда завербованный КГБ американский дипломат рассказал про сеть антикоммунистических тренировочных лагерей в странах Южной Америки. От Боливии до Чили и Аргентины. Финансирование этих лагерей шло через Орден Волка. Именно из этих лагерей вышли полевые командиры – основатели знаменитых «эскадронов смерти», наводящих ужас на левых партизан и активистов по всей Латинской Америке. Вот тогда в КГБ создали специальный отдел, который стал заниматься этой проблемой. Старик Игнатов пришел в этот отдел в 1976-м и работал до 1991-го... Отделом руководил генерал Мишарин.

– Это не тот Мишарин, который в 1984 году на самолете расшибся в Афгане?

– Тот самый. Но главное не это... Все документы, собранные отделом, были переданы в особый архив в апреле 1992 года и внезапно переданы Франции и Швейцарии под видом исторических документов спустя полтора года. Сами помните, какой тогда бардак был... Дальше – еще интересней. Большинство сотрудников отдела Мишарина к 1994 году были уже мертвы... Несчастные случаи, нападение неизвестных грабителей, Чечня... Игнатову повезло. После распада СССР тот ушел на пенсию и работал в службе безопасности «Газпрома», где ездил по всему миру, нигде особенно не задерживаясь. С 1995-го постоянно живет на даче. Поэтому, видимо, жив до сих пор...

– Так что он рассказал? Блинов, не тяни жилы-то...

– Да немного... что Орден Волка был создан бывшим морским офицером Петром Забелиным в 1926 году в Тунисе. Тот принял католичество и считал, что так проще свалить СССР. Забелин стал Пьетро Забелли, долго служил в Иностранном Легионе, после ранения подался в священники... Там же в Тунисе. Служил в католическом храме Вознесения Господня... В годы войны участвовал в Сопротивлении, был арестован и расстрелян гестапо в январе 1943-го... Именно он, Забелин, предложил название Орден Волка, или Общество Сильных. Смысл названия: будучи волком, прикидываться овцой. Это пока все... сейчас сортируем архивы. Еще Игнатов вспомнил, что у него есть некие записи, которые он вел за годы службы. Обещал посмотреть...

Стрелец энергично кивнул. Это хоть что-то... Уже лучше полной неизвестности.

– Я только одного не понял... при чем здесь мы, если СССР нет больше двадцати лет? Хотели бороться с СССР – да нехай! Мы-то здесь каким боком? – Начальник службы контрразведки Министерства национальной обороны Денис Поливанов изумленно пожал плечами.

– Такое бывает. Это как Общество Лотоса... Сначала взялись крестьян от феодалов защищать, потом стали игорный бизнес держать и дурь толкать, – рассудительно ответил Сальников, всемогущий министр внутренних дел Руси.

– Слушай, Блинов. Ты охрану к этому Игнатову приставил? – спросил Ляхов, закуривая уже третью подряд сигарету.

– Да... нет.

– Лучше приставь. Дело какое-то мутное...

¹⁴ Третье Главное Управление КГБ СССР. Военная контрразведка СССР, выделена в 1982 году из состава Второго Главного управления (контрразведка) в самостоятельный Главк.

¹⁵ Organisation de l'armée secrète – Организация секретной армии. Террористическая организация из состава высшего французского офицерства, возмущенная политикой де Голля в Алжире. Создана в декабре 1960 года, разгромлена французской полицией к весне 1963 года, большая часть руководителей ОАС расстреляна или получила длительные тюремные сроки.

Блинов согласно покивал... В суматохе и потоке информации он действительно забыл это сделать.

– Извини, Стрелец, я выйду на секунду, надо звонок сделать срочный... – Называя главу государства по прозвищу, известному еще по криминальным делам «лихих девяностых», руководитель СНБ принимал тон, заданный Стрельченко. Он – Коготь, Сальников – Сыч и так далее...

– Иди... Хотя нет... Тебе же Ляхов посоветовал... Так что конспирация сейчас неуместна, звони отсюда.

Через пятнадцать минут после звонка Блинова в Ясенево дверь открылась, и внутрь комнаты совещаний проник бессменный референт Стрельченко – Диана Сабирова, чрезвычайно умная, ответственная и обаятельная женщина. Появление ее здесь, на закрытом совещании, говорило о каком-то чрезвычайном происшествии. Извинившись, она склонилась к уху президента и что-то прошептала.

– Блинов, тебя снова из Ясенева разыскивают. По первой линии.

У Блинова все внутренности свернулись в ледяной комок... Первая линия правительственной связи – это прямой канал со всеми ведомствами. Пользуются им только в чрезвычайных ситуациях. Например, в случае начале войны... Именно по этому каналу Стрельченко отдал приказ открыть ответный огонь по польской территории из-за обстрела Калининградской области, тем самым запустив маховик Третьей мировой... Если сейчас его, руководителя Службы национальной безопасности, срочно вызывают по первой линии, это означает полный абзац. Хотя он уже догадывался, о чем пойдет речь.

Стрельченко жестом остановил поднимающегося Блинова и сказал в селектор:

– Громкую связь.

Через секунду в зале загремел голос первого заместителя службы Лапникова.

– Господин Блинов...

– Это Стрельченко. Докладывайте, вас слушают.

– Понял, господин президент. Опергруппа, выехавшая к Игнатову, обнаружила его мертвым. Три огнестрельных ранения. Два в область сердца, одно в голову. Ввиду того, что приказ от руководителя службы был срочным, я принял решение воспользоваться первой линией.

– Правильно сделали, Лапников. Все, отбой.

Глава государства взял лежащую перед ним гелевую ручку и неторопливо постучал ею по лакированной поверхности дешевого офисного стола для совещаний.

– Поздравляю вас, господа. То, что этого Игнатова просто пристрелили, а не организовали несчастный случай типа инфаркта или пожара, говорит о том, что убийцы торопились. А это значит, что у нас есть крыса. Причем крыса на самом верху... которая прогрызла нору прямо здесь.

Глава 9. Исландия. Заурбаэр. 17 августа

– Какая б... здесь придумывала названия? – Капитан Войтенко, корча страшные рожицы, пытался выговорить появляющиеся на экране тактического ноутбука названия исландских местечек и поселков. – Вот это че такое?... Залив Хвалфьордур... Да что же за название, а? – продолжал бушевать ротный. Его возмущение можно понять: тяжело командовать в бою ротой, ломая язык на каждой высоте.

Рота, как и весь батальон седьмой воздушно-десантной бригады, «оседлала» дорогу №1, ведущую через крошечную деревушку Заурбаэр к Рейкьявику. На другой стороне Китового фьорда уже были американцы. Тактическая группа второго полка морской пехоты США заняла поселок Акранес на той стороне залива, выбив оттуда разведывательную роту бригады, и теперь ждала подхода основных сил полка.

Валерий Максимов поежился от очередного порыва холодного атлантического ветра, яростно дующего с океана, и снова взялся за лопату. Узкая щель, которую он тщательно рыл за серым валуном, стала углубляться и расширяться. Исландский грунт каменистый, отвратительный, но зарываться в землю необходимо: других естественных укрытий здесь нет и не предвидится. Сгонять всех в траншею – это глупость несусветная. Поэтому каждый десантник, обливаясь потом и матерясь, долбил почву, рыл на ледяном ветру стрелковую ячейку.

– Чего за архаика? Может, еще туры защитные устанавливать будем? – Костя Постышев ухмыльнулся обветренными губами.

– Да если я тебе прикажу, ты будешь туннель до Нью-Йорка копать и не звездеть... Сейчас американцы сосредоточат достаточно сил и начнут нас здесь тонким слоем размазывать. Усек? Помощи не будет, Постышев. Зарывайся в землю и целься точнее.

Десант, заброшенный в Исландию для обеспечения безопасности ракетноносцев, перехватывающих конвои американцев, идущие в Европу, понимал, что по большому счету обречен. «Воздушный мост» через Арктику рано или поздно перережут, комплексы ПВО выбьют «Томагавками», затем высадят морпехов и задавят численным и техническим превосходством. Как ни крути, ВДВ – это легкая пехота, в отличие от Marine Corps, оснащенных по общевойсковому стандарту и даже выше.

Иллюзорную надежду на положительный исход исландской авантюры оставлял неожиданный успех русских ВМС пару дней назад. Тогда ударное соединение Северного флота сцепилось с тремя авианосными – ударными группами второго флота США¹⁶. Командование Северного флота стянуло в ударное соединение абсолютно все, что может держаться на воде и нанести противнику урон. Модернизированные ракетные крейсера проекта 1144.2 с установленными универсальными пусковыми шахтами могли выпустить по противнику целый рой сверхзвуковых противокорабельных ракет П-800 «Оникс» вместо двух десятков мощных, но тяжелых и неповоротливых «Гранитов». Уступая массивным «Гранитам» по дальности и по массе боевой части, «Ониксы» были на порядок более легкими и точными. А главное, пусковых контейнеров «Ониксов» умещалось в корпусе старого атомного крейсера ровно в три раза больше, чем «Гранитов». Здесь помимо точности нужна еще массовость. Авианосец – это прежде всего огромная стальная туша, прикрытая со всех сторон кораблями боевого ордера. Три-четыре самых мощных, скоростных и сильно защищенных «Гранита» все-таки собьют. В отличие от нескольких десятков вертких, шустрых «Ониксов» с их смертоносными боеголов-

¹⁶ У американцев существует весьма запутанная система командования ВМС. Если с Тихоокеанским флотом все более-менее понятно, то с Атлантикой все сложнее. Существует Fleet Forces Command – своего рода оперативное командование, которому подчиняется второй флот США и Европейское командование ВМС США, а также множество отдельных штабов и подразделений. В состав Европейского командования входит шестой флот и т. д. Такая вот «матрешка» получается.

ками. Отлично показал себя переделанный в «нормальный» авианосец «Адмирал Кузнецов»: с него убрали все противокорабельные ракеты, удлинители палубу, расширили авиагруппу, установили наконец первые отечественные паровые катапульты и аэрофинишеры, когда-то разработанные для первого и последнего советского авианосца «Ульяновск» проекта 1143.7¹⁷. Адмиралов нового ВМС страшно раздражало отсутствие хотя бы одного «чистого» авианосца, предназначенного для обеспечения безопасности ударного соединения или, наоборот, для нанесения противнику кинжального удара. Теперь «Кузя» нес почти пятьдесят четыре летательных аппарата, включая сорок многоцелевых «Сухих». Пустячок, а приятно, черт возьми, когда в составе соединения есть своя авиация.

Еще одним крайне неприятным сюрпризом для американцев, уже больше двадцати лет наслаждавшихся абсолютным господством на море, было появление у русских первого корабля-арсенала, созданного на основе списанного тяжелого атомного подводного ракетного крейсера проекта 941. Огромного монстра, пугавшего своими колоссальными размерами всех обитателей Северной Атлантики, сначала списали, потом, опомнившись, вернули обратно в состав флота, основательно переделав. Уж больно жалко было разделять «на иголки» такой прекрасный, могучий корпус. На ТК-20 «Северсталь» вместо двух десятков шахт для твердотопливных ракет «РСМ-52», установленных между двумя корпусами «Акулы», нарезали места для почти сотни пусковых контейнеров, крылатых ракет различного назначения. Получился подводный ударный арсенал, способный «работать» как по земле, так и по морским целям.

Адмирал Фрэнк Харви-младший отправил к берегам Исландии второе экспедиционное объединение морской пехоты и поддерживающие его вторую и восьмую авианосные ударные группы. Еще одну АУГ, во главе с авианосцем «Гарри Трумэн» и крейсерами «Монтерей» и «Нормандия», Фрэнк, чувствуя недоброе, отправил восточнее – прикрыть фланг выдвигающейся на Исландию десантной армады, не виданной в Атлантике со времен «дня «Д»».

Взлетевшие с «Дуэйта Эйзенхауэра» и «Джорджа Буша» самолеты седьмого и третьего ударного авиакрыла сделали попытку лихим кавалерийским налетом «решить вопрос» с торчащей занозой Кефлавики. Однако многослойная противовоздушная и противоракетная оборона, созданная над этим кусочком Исландии за прошедшие четыре дня с момента высадки десанта, была настолько труднопроходимой, что с ней не справлялись даже опытные пилоты, прошедшие за последние десять лет множество локальных конфликтов. И еще истребители... Множество русских «Фалкрумов» и «Фланкеров». Истребители не новые, но в сочетании с ЗРК SA-12 и SA-21, опытом и яростью русских пилотов картина получилась для американцев безрадостная.

– Фрэнк, еще пара таких атак, и от ударных авиакрыльев останутся одни номера! – надирывался командующий Naval Air Force U.S. Atlantic контр-адмирал Эдгар Гудвин. Надо выбивать ЗРК ракетами, Фрэнк! Издалека выбивать, комплекс за комплексом, РЛС за РЛС... Не бросаться в штыковые атаки...

– Ты забываешь, что целое соединение русского Северного флота претя сюда на всех парах. Цель русских – перекрыть Атлантику. Хотя бы на неделю. Вот еще... – Адмирал Харви на секунду замялся. – Говорю это только тебе, Эдгар... помню нашу с тобой дружбу в Аннаполисе... У нас есть некоторые проблемы.

– Фрэнк, у всей Америки проблемы с тех пор, как у власти этот лопухий из гетто...

Харви недоволен поехал: старина Гудвин всегда отличался презрением к основам толерантности и поэтому до сих пор обретался в контр-адмиралах.

¹⁷ Реальный проект модернизации отечественных кораблей. Причем переделка в корабль-арсенал для крылатых и противокорабельных ракет подводных крейсеров типа «Акула» – единственный способ избежать утилизации. Как подводная лодка-стратег она слишком огромна и дорога в эксплуатации, это неудачная и ненужная попытка создать советский ответ ПЛАРБ типа «Огайо».

– Я не об этом, Эдгар... Арсеналы пусты... Из-за той свары, которая сейчас в Калифорнии и Техасе. Военная промышленность не справляется, половина заводов на юге разбита и разграблена.

– Отлично, Фрэнк. Нам что, остается грызть этот стальной орешек? Мы так можем зубы обломать.

– Эдгар, мы носим погоны. Выполняйте приказ.

Первый ответ русских напоминал о тактике «нападение шпаны на примерного гражданина». Отвлекая «Хорнеты» маневрами своих истребителей, сверхзвуковые «Ту-22М3» с «Х-65» на борту выпустили их по приближающимся АУГ. Как и в темном переулке, двое пугают, третий кастетом по жбану глушит «бобра».

Не повезло «Джорджу Бушу»: две «Х-65» проскочили через стену огня, поставленного системой «Иджис», и врезались в его стальной корпус. Такие корабли строят с солидным запасом плавучести, и, несмотря на тонну взрывчатки, пожар в одном из ангаров удалось быстро локализовать. Хуже то, что были повреждены пусковые катапульты и взлетная полоса. Серьезные бои еще не начались, а один из новейших авианосцев уже вышел из строя и требовал срочного ремонта.

Планировалась операция по зачистке Исландии в предельно короткие сроки, и, как обычно, при такой спешке не обошлось без ошибок планирования и откровенного словоблудия. Первый этап – снести «Томагавками» всю систему ПВО и нейтрализовать авиабазу в Кефлавике. «Хорнеты», F-18 плотно контролировали небо над островом и надежно перекрывали «воздушный мост», блокируя русскую группировку от подвоза подкреплений и боеприпасов. Дальше начиналась работа морской пехоты генерал-майора Тулана по кличке Ротвейлер. «Кожаные затылки» должны были окончательно зачистить Кефлавик и окрестности и принудить «иванов» к капитуляции. Именно к капитуляции, – для нации требовался показательный триумф, как во времена римских консулов.

Русский Северный флот всерьез никто не воспринимал, хотя командующий Fleet Forces Command адмирал Харви неприятностей ожидал. В Аннаполисе он учился хорошо и знал, что даже численно слабый флот может вволю попить кровушки противника, если им командуют решительные адмиралы. Достаточно вспомнить Войну за независимость¹⁸. Чего-чего, а решительности русским было не занимать. Вот авианосцев не было, крейсеров мало, зато желания лезть в драку хоть залейся... Новое поколение адмиралов... Вон на Черном море два года назад «иваны» европейцам таких плюх накидали, те до сих пор не опомнятся. Там всего один ракетный крейсер был и полк ракетносцев – здесь у русских сил неизмеримо больше...

Так и получилось. Вскоре стало ясно, что авиабаза «Кефлавик» напоминает неприступную крепость, русский флот, вернее, его ударное соединение, проскользнул в Атлантику и идет навстречу второму флоту, все ранние планы можно использовать только вместо туалетной бумаги. Придется иметь дело с модернизированным атомным авианосцем, тремя ракетными крейсерами, шестью субмаринами с крылатыми ракетами и кучей эскортных кораблей. Не считая постоянной угрозы с Кефлавика.

– Нужна еще авиация, Фрэнк... Наши авианосные крылья и «Харриеры» морской пехоты погоды не сделают: слишком плотное зенитное прикрытие. Свяжись с ОКНШ, пусть Миллер

¹⁸ История ВМС США началась с Войны за независимость. При тотальном превосходстве английского линейного флота американцы развязали войну каперов. Американские каперы умудрялись перехватывать британские корабли чуть ли не у берегов Ирландии и самой Англии. Англия попыталась драконовскими методами покончить с каперством и обеспечить блокаду побережья взбунтовавшихся колоний, но в итоге оказалась в международной изоляции. Один из самых известных американских каперов Джон Поль Джонс был приглашен на русскую службу и получил звание контр-адмирала русского флота. Джонс знаменит тем, что, командуя небольшой американо-французской эскадрой, совершил успешный набег на Ливерпуль. Далее молодой и малочисленный американский военный флот имел две успешные войны с магрибскими пиратами и работороговцами и неплохо действовал в ходе Англо-американской войны 1812–1815 гг. Так что дело не в численном составе флота и его вооружении. Дело в решительности командиров, правильном образовании и традициях.

напряжет ВВС... или хотя бы канадцев с англичанами... А то эти «усталые маленькие пердуны»¹⁹ совсем не желают воевать.

Да, англичане снова играли в свои странные, малопонятные игры. Вроде бы воевали, в то же время постоянно уклонялись от серьезных столкновений с русскими. Вот и сейчас британский флот, дежуривший на севере Атлантики, без боя пропустил русскую эскадру ближе к Исландии. Выжидают непонятно чего. Хотя понятно. Ждут, пока мы с «иванами» выпустим друг другу кишки. Хуже врага только лживые и подлые союзники. Гудвина такие вопросы не волнуют, ему подавай новые эскадрильи, чтобы взломать «небесный щит» над Исландией.

Пользуясь поддержкой ракетноносцев, прикрытых истребителями, ударное соединение КСФ шло навстречу двум американским АУГ, не собираясь уклоняться от боя, а наоборот, оттягивая весь второй флот на себя. Настоящее морское сражение, которое в будущем потрясет историков, произошло на следующий день после того, как «Джордж Буш» «словил» ракету взлетной палубой и на время вышел из игры. Силы отчасти уравнились, и адмиралу Константину Золотареву, командующему ударным соединением на «Адмирале Кузнецове», представился шанс хорошенько потрепать US Navy.

– Отработаем «Ониксами», как приблизимся, Серега. – Золотарев указал пальцем на электронный планшет начальнику штаба контр-адмиралу Меняйлову. Они давно служили бок о бок, как в Заполярье, так и на Тихом океане, во всех холодных и мрачных дырах, где базировался русский флот, и их отношения были далеки от формальных «командир – подчиненный».

Меняйлов согласно кивнул.

– Если «тушки» их отвлекут, то отработаем. Без проблем...

– А от нас другого штаб ВМС и не требует.

– Слушай, ты с семьей попрощался, Кость?

– Конечно. Ты думаешь, Серег, я не знаю, чего от нас Москва хочет? Нам билет в один конец выписали. Вернуться отсюда вряд ли удастся.

Адмиралы замолчали, затем Меняйлов закурил, глядя на перемещение цветных значков на экране планшета.

– Раз билет в один конец, то дверь надо хлопнуть громко.

– Надо. Только людей жалко, Серега.

– Брось. Это война. На ней иногда убивают... Все лучше, чем на берегу гнить... Вспомни последние пятнадцать лет.

Им удалось... Удалось прорваться на двести морских миль и выпустить по американцам весь свой ракетный арсенал. То и дело мощный корпус идущего рядом с флагманом «Адмирала Ушакова» вздрагивал от попаданий «Гарпунов». Истерично выли ревуны, предупреждающие о ракетном нападении, вверх вздымались белые столбы выпущенных ракет ЗРК «Форт». Словно стая голодных акул, «Ониксы», «Калибры» и «Х-65», рыская зигзагами на низкой высоте, находили цель и вцеплялись в нее, выбрасывая в бушующий холодный океан брызги стали из расплавленной корабельной обшивки и горящего ракетного топлива.

Первым, изрыгая в небо клубы черного дыма, накренился и пошел ко дну крейсер УРО «Лейте Гульф». Его добила детонация двух «Томагавков» в пусковых шахтах. Первым из русских крейсеров, не выдержав постоянного града «Гарпунов» и «Хармов», стал зарываться носом в волну «Петр Великий». На нем перебило центральную пожарную магистраль, и теперь огонь бушевал в полную силу, раскаляя переборки и подбираясь к арсеналу.

¹⁹ Презрительное название англичан, в данном случае еще и норвежцев. Выражение родилось после общения американского генерала Паттона и английского командующего фельдмаршала Монтгомери во время боев в Нормандии летом 1944-го. Раздраженный медлительностью англичан и канадцев в ходе захвата города Кана и спокойной реакцией Монтгомери на едкие замечания американцев, генерал Паттон написал в донесении Эйзенхауэру: «Монтгомери похож на маленького усталого пердуна».

– Еще один, еще один, господин вице-адмирал! Еще один взорвался! – заорал оператор, отслеживающий обстановку.

Адмирал не успел даже повернуть голову в сторону эмоционального каплея, как стальная палуба ушла из-под ног и свет в глазах померк. Очнулся Золотарев спустя минут тридцать от недостатка кислорода и страшной боли в ногах и жжения в груди.

– Что это было? – просипел он, пытаясь сфокусировать глаза и разглядеть еще что-то кроме мельтешения желтых и белых пятен вокруг.

– Вы в медблоке, адмирал. Лежите спокойно, идет операция.

Помимо «Петра Великого», сильно пострадавшего в первый день и едва держащегося на воде, был потерян модернизированный лидер²⁰ «Адмирал Чабаненко». Его буквально расклевали «Гарпунами», всадив не меньше двух десятков. Не будь базы в Кефлавике, так же, с моря и воздуха, расклевали бы все ударное соединение.

Сейчас же американцы сами истекали кровью. Помимо двух крейсеров «Лейте Гульф» и «Монтерей» было потеряно три эсминца и один фрегат. К вышедшему из строя «Джорджу Бушу» присоединился «Гарри Трумэн», которому тоже разворотили палубу. Авианосные ударные крылья потеряли восемнадцать самолетов, и еще семь машин, севших на исковерканные палубы, были основательно повреждены.

– Еще один такой удачный бой, Фрэнк, и мы останемся без авианосцев... и без пилотов.

– Так перехватывай эти гребаные «Бэкфайры», Эдгар! Не давай им поддерживать русские крейсера! – сорвался на крик Харви.

Но в эти дни американцам удалось провести и успешную операцию. Экспедиционные подразделения морской пехоты, пользуясь тем, что все русские морские и воздушные силы связаны боем со вторым флотом, осуществили высадку в Исландии. Правда, совсем не в том месте, где первоначально планировалось и где американцев ждали русские. На сто пятьдесят километров севернее Рейкьявика, в районе залива Брейда-фьорд.

Выслав вперед беспилотные разведчики Т-20 «Арктурус» и мобильные наземные патрули, генерал Тулан неторопливо укреплялся на захваченном плацдарме. Спешить не следовало, Ротвейлер за почти тридцатилетнюю карьеру в USMC усвоил одно правило – спешка почти в половине случаев приводит к провалу операции и излишним потерям, которых нужно избегать. Остин Тулан, несмотря на темный цвет кожи, не был выдвиненцем из числа афроамериканцев, как нынешний президент, – он последовательно прошел все ступени военной службы и имел почти семь лет непрерывного боевого стажа в горячих точках планеты. Мало кто даже в Корпусе мог похвастаться таким достижением.

– Какие новые данные по русским наземным силам, Дакоста? – Ротвейлер обернулся к начальнику разведки 2МЕФ²¹.

– Ничего нового, сэр. – Дакоста слегка наклонил лысеющую голову. – «Иваны» окопались на южном берегу Хвалфьордур. На северном – только разведывательные дозоры. Зарываются в землю как могут.

– Что авиация? Кирхнер! – Еще один офицер, командир четырнадцатой авиагруппы Cherry point²², кивнул.

²⁰ Лидер «Адмирал Чабаненко» – по советской классификации это большой противолодочный корабль (БПК). В романе он перевооружен и переоснащен до уровня эсминца или легкого крейсера.

²¹ Marine Expeditionary Force – соединение корпусного масштаба, способное выполнять самостоятельные оперативные задачи. Включает в себя вторую дивизию морской пехоты, второе авиакрыло морской пехоты, вторую группу снабжения и обеспечения. Делится соответственно на более мелкие оперативно-тактические подразделения Marine Expeditionary Unit (MEU), состоящие из батальона морской пехоты, эскадрона вертолетов (самолетов) поддержки и тылового подразделения. По мнению автора, Marine Expeditionary Force – идеальное оружие колониальной политики.

²² Cherry Point – название четырнадцатой авиагруппы, второго авиакрыла морской пехоты. Состоит из четырех эскадронов штурмовиков «Харриер AV-8», четырех эскадронов самолетов РЭБ EA-6 «Проулер» и эскадрона заправщиков C-130J.

– Штурмовики готовы, сэр. Но... очень сильная радиолокационная активность в районе залива. Мы насчитали минимум четыре десятка дальнобойных ЗРК и столько же для ближнего боя. Плюс истребители. Они хоть и связаны сейчас боем, но чистого неба не ожидаем.

– Возможен обходной маневр?

– С тяжелой техникой – однозначно нет... Только по шоссе. Но тактический вертолетный десант вполне возможен.

– Я не стал бы этого делать, сэр... – В разговор вступил командир десятого полка полковник Дэмиан Шеридан. – Противостоящая экспедиционным силам седьмая русская воздушно-штурмовая бригада укомплектована ветеранами кавказской войны. Они мастера малой, диверсионной войны. Тактическую десантную группу могут запросто отрезать. Здесь местность горная...

– У нас тоже не выпускники колледжа, полковник... – веско ответил Тулан, буравя Шеридана тяжелым взглядом. – Рота «Альфа» один-шесть... Готова?

Капитан Сапата вытянулся в струнку.

– Всегда готова, сэр...

– Вы пойдете в авангарде... Второй полк и два батальона шестого полка – следом. Обеспечьте их переправу на южный берег Хвалфьордур. Пойдете на «Оспреях» после обработки русских позиций артиллерией. «Вайперы» подполковника Картера прикроют вас в полете и в зоне высадки²³. Удачи, капитан...

Тулану категорически не нравился артиллерист Шеридан. Хоть и очень грамотный офицер, но привык все делать осторожно. Перестраховщик. Не хватает размаха и резкости, что ли... Ему бы бумаги в Кемп-Леджун перебирать, не полком командовать. То ли дело Сапата... Молодой, но смелый, опыт тоже имеется, немалый. Три командировки в Афган, две в Венесуэлу...

Максимов едва успел обойти позиции взвода, проверить маскировку, как наушник, после серии непонятных шумов и скрипов, выдал кодовое слово: «Метель».

– Внимание. Противник на подходе! – заорал Максимов, прыгая в свою стрелковую ячейку, накидывая сверху серую маскировочную сеть.

Батареи РСЗО HIMARS и гаубиц M-777 десятого артиллерийского полка морской пехоты США выпустили по обнаруженным с воздуха русским позициям несколько десятков тонн боеприпасов за считанные минуты. Несчастный поселок Заурбаэр был стерт с лица земли за секунды вместе с жителями, которые остались сидеть по домам – боялись русских мародеров и ждали прихода американцев.

Похожие на доисторических черепах, в серые волны Китового фьорда вползли штурмовые амфибии AAV-7, неся в своем чреве первую волну десанта. Им никто не мешал, берег напротив, занятый русскими, зловеще молчал, словно вымер. Ни одного минометного залпа в сторону американцев, ни снайперского выстрела.

Над позициями роты Войтенко вились несколько маленьких БПЛА. Электронные соглядатаи готовы были навести огонь артиллерийских батарей на любой очаг сопротивления, который возникнет на пути рвущейся к Рейкьявику второй дивизии «кожаных затылков». Штурмовики и вертолеты огневой поддержки опасались русских ЗРК, но артиллерия морской пехоты работала как часы.

Снова ожил наушник. Войтенко, «забив болт» на кодирование, прошептал:

– Ноги, Максимов... Понял? Ноги... Усек?

– Принял...

²³ AH-1Z Viper – модернизированный ударный вертолет морской пехоты США. Создан на базе предыдущей модели AH-1W SuperCobra.

Цели появились минут через пятнадцать. Жиденькая цепь стрелков, облаченных в сероватый стандартный АСУ, неторопливо выдвигалась из узкой каменистой лощины, давя тяжелыми ботинками редкую сухую траву. За первой цепью появилась вторая. Штурмовые амфибии, как БМП LAV-25 и тем более шестидесятипятитонные «Абрамсы» TUSK, здесь, на этих каменных высотах и лощинах, были абсолютно бесполезны. Здесь передвижение – только на своих двоих навстречу смерти...

Откинув маскировочную сетку, Валера осторожно выставил «Абакан», разглядывая приближающихся американцев через оптику. Хорошо, солнца сейчас нет, не бликует...

Чуть приподнял руку, показывая два пальца, и пошевелил ими. Бойцы с обеих сторон, увидевшие знак, синхронно кивнули.

– Ну, с Богом... – перекрестился Валера, нажимая на курок.

Через секунду долина огласилась короткими очередями и воплями раненых. Огонь велся по конечностям: тяжелые ранения в ближнем бою имеют даже больший эффект, чем смерть врага. Раненых надо эвакуировать, это разрушает мобильность противника, привязывая его к месту, а вопли искалеченных деморализуют уцелевших.

Американская артиллерия вновь ожила, нащупывая замаскированные позиции парашютистов. В серую гранитную глыбу с визгом врезался стальной осколок...

Максимов чуть выглянул из-за глыбы, разглядывая открывшуюся ему панораму. Красивое зрелище, ничего не скажешь. В лощине, держась за прострелянные ляжки, катались по жухлой траве и орали десятка три морпехов. Передовой отряд выбит целиком, пусть у командира экспедиционного батальона болит голова, как их вытащить.

Валерий поднял вверх руку с большим пальцем. Отлично, мол, поработали. Местность здесь тяжелая – значит, «выковыривать» десантников американцам придется долго и тщательно. Это же не талибы с допотопными бурами и «АК». Седьмая бригада намертво перехватила единственное шоссе, годное для перемещения тяжелой техники, зарылась в землю и отступать не собиралась. Во-первых, некуда, во-вторых, незачем.

Генерал Тулан на своем КП рвал и метал. Несмотря на подавляющее огневое и техническое превосходство, высаженные на южный берег батальоны никак не могли расширить плацдарм, прорваться ближе к Рейкьявику.

– Потери, сэр. Слишком много раненых. Санитары пытаются их вытащить, сами попадают под огонь.

– Так подавите их огнем, черт возьми!!! Что вы стоите истуканом, Шеридан?!

– Позиции искусно замаскированы, сэр. Потребуется гораздо больше времени, чтобы их вскрыть и уничтожить.

Вторая дивизия «кожаных затылков» вместо стремительного броска на «одном дыхании» к Кефлавику была вынуждена тупо прогрызать позиции парашютистов, обильно смачивая кровью каждый квадратный метр скупой исландской земли. Авиация морской пехоты столкнулась с многослойной ПВО и теряла свою эффективность. За три дня позиционных боев за «арктический Верден» было сбито огнем, ведущимся с земли, шесть «Вайперов» и четыре «Харрикейна». Несмотря на потери, подавить русское ПВО пока не получалось.

Авиабаза «Кефлавик» продолжала оставаться занозой на линии американского снабжения в Европе, отбивая пока все попытки ее выдернуть. Из Вашингтона на имя Харви, Тулана, Гудвина летели грозные шифрограммы с требованием немедленно решить эту проблемы и восстановить наконец перерезанные трансатлантические коммуникации. В ответ с борта «Дуэйта Эйзенхауэра» летели угрюмые сообщения с требованием обеспечить второй флот и МЕР достаточным количеством современных боеприпасов.

Генерал-майора Тулана, задремавшего в чреве КШМ, учтиво разбудил адъютант, первый лейтенант Кирби.

– Извините, сэр. Только что передали. Русские возобновили наступление в Европе. Вас срочно вызывает штаб МЕФ, генерал-лейтенант Томас Костас...

– Слушаю, сэр, – отозвался Тулан, надев наушники.

– Да брось, Остин... Сейчас не время субординацию выстраивать. Про Европу уже, надеюсь, слышал?

– Слышал.

– У тебя двое суток, Дэмиан. Двое, и н секундой больше... Или, извини, тебе в Корпусе не место.

Тулан до белизны сжал огромные кулаки. Поглубже вздохнул и ответил:

– Это невозможно, Том. Невозможно, что бы мы здесь ни делали... За двое суток не успеем.

– Вы и за трое не успеете, – раздраженно сказал Костас. – Есть мнение, Остин, что русских надо примерно наказать. Здесь, в Исландии. Место глухое, больших потерь гражданских удастся избежать. Ты меня понял?

– Да, сэр. Я понял... Только... не хватает комплектов ОЗК... Никто не рассчитывал...

– ОЗК доставят сегодня ночью. Через Канаду. Да, кстати, крайний срок – двое суток – остается неизменным.

Глава 10. Пакистан. Исламабад. 18 августа

– Товарищ Юаньчао, подлетаем к Исламабаду. До посадки – двадцать минут.

Голос стюардессы вырвал Чэна из цепких объятий сна. Он открыл глаза и резко сел, отпугнув нагнувшуюся к нему миловидную девушку в аккуратной форме. Надо же, как его сморило... Да не сморило, скорее вырубил. Уже почти месяц ни минуты покоя, все на нервах. И всё, почти всё напрасно.

Чэн, покосившись на стюардессу, отправился в туалет. Почистил зубы, умылся, помял впалые щеки. М-да... Еще месяц – и он станет похож на скелет, обтянутый желтоватой кожей. Хотя месяца у него нет. Генсек не любит жалких неудачников, за провал операции «Три всадника» не пощадят. Он и жив до сих пор только потому, что генсек пока не решил, как и когда его списать. Вместе с друзьями. Может, сейчас, через минуту-другую правительственный «Гольфстрим» взорвется над Гиндукушем, превратившись в раскаленное облако, и официальные телеканалы поведают народу и партии печальную новость о смерти молодого и перспективного функционера Чэна Юаньчао в авиакатастрофе. Или в аэропорту имени Беназир Бхутто его нашьпигуют свинцом и сошлются на подлых исламских террористов.

Чэн вздохнул и вышел обратно в салон, где стюардесса подала ему пиджак и чашку с крепким чаем. Эта командировка в Пакистан – последняя попытка хоть как-то исправить грандиозный провал «Трех всадников». Его друзья – выдвиженцы, генералы спецслужб Ван Цзян и Ян Чжи, также ответственные за разработку той операции, – уже ощутили на себе гнев Лю Хайбиня. Из уютных пекинских кабинетов отправились расхлебывать кровавую кашу, которую сами заварили.

Ван Цзян убыл вместе с опергруппой «Гуаньбу» расследовать причины массовых беспорядков в Шанхае и других южных провинциях. Дело это опасное, местные партийные боссы повально повязаны с «триадами», и Цзян может случайно подавиться рыбной костью... Ян Чжи повезло еще меньше. Его отправили в только что присоединенную Киргизию. Бороться с исламским подпольем. До Бишкека Чжи не долетел. Остановился в Урумчи, где началось натуральное исламское восстание...

Даже сейчас, вспоминая желтые, словно тигриные, глаза генсека и его тихий, полный ненависти полусшепот, Чэн Юаньчао pokrылся от страха мелкими, противными пупырышками.

– Как так получилось, товарищ Юаньчао, что план, который вы разрабатывали в абсолютной секретности, стал достоянием разведки противника? Причем в мельчайших подробностях. Как вы объясните, что в Средней Азии, прямо под носом у вашей бесчисленной агентуры, русские заранее создали целую подпольную сеть сопротивления? Которая сейчас подняла волну восстаний в нашем тылу до самого Тибета... Или как объяснить, что русские, вместо того чтобы сидеть тихо за печкой, нанесли по нашим городам и авиабазам первый сокрушительный удар? Как успели, вопреки данным Генштаба, отмотилизовать резервные бригады и перебросить их не на запад, как ожидалось, а сюда, к нашей границе, причем за считанные дни? Значит, они знали? Готовились? Что вы молчите, как нерадивый студент на первом экзамене?

Чэн судорожно вдохнул воздух...

– НАТО проявило себя плохо, русские сразу захватили инициативу в Европе и разгромили основные группировки союзников. Извините товарищ Председатель, кто мог об этом знать? Никто не ожидал того, что американцы и европейцы настолько деградировали, что русские их бьют даже без привлечения отмотилизованных резервов с востока России...

Оправдательный лепет Чэна окончательно вывел Председателя КНР из себя.

– Что вы там лепечете, Чэн?! Вы отчитываетесь перед первым лицом в партии и государстве!

Юаньчао даже на секунду зажмурился от страха. Ожидал, что его арестуют прямо здесь, в кабинете генсека. Всё, всё полетело к черту: три года постоянной работы в режиме секретности, колоссальные затраты...

– Да не тряситесь вы, Чэн, – брезгливо заметил Лю Хайбинь. – Смотреть противно, трясетесь, как щенок на зимнем ветру. У меня к вам есть одно дело. Как раз в рамках так блестяще вами проваленной операции.

– Учтите, Чэн, это ваш последний шанс. Если вы сорвете переговоры в Исламабаде, вам лучше застрелиться самому.

Дело было весьма щекотливым, иначе обошлось бы визитом министра иностранных дел КНР в дружественное государство. Но Лю Хайбинь отправил именно его. Своего личного представителя с широкими полномочиями. Отправил негласно, без официоза и сообщений СМИ.

Чэн выпил чаю и неторопливо пристегнул ремень безопасности. «Гольфстрим» шел на посадку в аэропорту пакистанской столицы.

Пакистан... Конченная, никчемная, лишняя страна. Государство, где ядерные, ракетные и космические программы соседствуют со средневековой неграмотностью и ужасающей нищетой большинства населения.

Европеизированная, образованная элита в основном сосредоточена в армии и спецслужбах, составляя менее пяти процентов от почти двухсотмиллионного населения. Остальные не живут – выживают. Постепенно подчиняясь не официальным чиновникам – фанатичным муллам. Еще чуть-чуть – и Пакистан взорвется, словно перегретый паровой котел. Погружаясь в хаос кровавой гражданской войны и лишая Китай перспективного союзника. Именно так... При всей своей никчемности Пакистан был нужен Китаю. Особенно сейчас. В ожидаемом противостоянии с Вашингтоном, Дели и, возможно, Тегераном. Геополитические пасьянсы иногда складываются самым причудливым образом. Нет постоянных друзей – есть постоянные интересы... Тем более что, кроме Пакистана да Северной Кореи, союзников у Пекина нет. Хотя... союзников теперь нет вообще!

Тупоголовые северные корейцы, не умирающие от голода только благодаря помощи земляков с юга и международному сообществу, решили воспользоваться моментом и покончить с «метастазами капитализма» одним ударом. Не получилось. Уже пятые сутки вдоль 38-й параллели идут кровопролитные позиционные бои, но прорваться к Сеулу дивизиям северян не удастся. Более того, по данным разведки, северяне уже начинают «просаживаться». У южан явное техническое превосходство, из-за чего и численность северян, и их фанатизм бесполезны... Тем более что Южная Корея, пользуясь заминкой агрессора в пограничных боях, успела организованно начать мобилизацию – значит, исход войны уже решен. Совсем не в пользу Пхеньяна.

Пакистанская элита тоже не спешила присягать на верность Пекину, несмотря на «тридцатилетнюю дружбу» и миллиардные инвестиции КНР в их чахлую экономику. Слишком уж пакистанцы хитры. Постоянная борьба за выживание в плотном кольце как внешних, так и внутренних врагов превратила хозяев Исламабада в настоящих асов тайной дипломатии и многоходовых оперативных комбинаций. Вот и сейчас Исламабад искусно начал маневрировать в бушующем море Третьей мировой.

Еще до войны Пакистан крупно рассорился с американцами из-за талибов и все большего дрейфа Госдепа США в сторону Дели. Место США в роли главного союзника быстро занял Китай, наводнив пакистанскую армию своими специалистами. Открыто шли переговоры о размещении на территории Пакистана китайских военно-морских и военно-воздушных баз. Но был у Исламабада еще один союзник. Можно даже сказать, друг и единоверец. Королевство Саудовская Аравия. Китай давал технологии и специалистов – Саудовская Аравия деньги и проповедников... Много, очень много денег.

Вот так, балансируя между Пекином и Эр-Риядом, Пакистан подошел к началу Третьей мировой. После ее начала отличные отношения с Пекином быстро сошли на нет. Более того, наметились совсем уж тревожные признаки.

Перед тем как лететь сюда, Чэн Юаньчао ознакомился с потрясшим его документом. В ходе уничтожения банды кашгарских сепаратистов на месте боя были обнаружены трупы людей явно не местной породы. Выяснилось, это пакистанские исламисты. Все в розыске. Здесь не таилось бы ничего тревожного – как известно, «исламский интернационал» крепче пролетарского будет, но было еще обнаружено специальное оружие китайского производства. Ранее поставленное для Исламабада. Теперь из этого оружия убивали китайских солдат.

Пакистанцы свалили все на вездесущих талибов и проклятую коррупцию, но в Пекине этому мало кто поверил. Лю Хайбинь не поверил. Эти данные удивительным образом совпадали с неожиданно сильным сопротивлением китайским войскам в Киргизии и Таджикистане. Помимо официальных «опереточных» армий, разбитых в первые часы, отпор давали так называемые исламские комитеты сопротивления. Они появились как грибы после дождя – организованные и хорошо вооруженные. Словно кто-то подготовил и вооружил их, заранее зная о начале Третьей мировой. Неужели Исламабад, прикрываясь своей немощью, вел свою игру? В одиночку?

Это и следовало выяснить Чэну.

– Не подведите меня, Юаньчао, – очень тихо и внятно сказал генсек, не отводя взгляда от бледного подчиненного. Идите и работайте.

«Гольфстрим» приземлился на отдаленной полосе аэродрома имени Беназир Бхутто, где его встречало два микроавтобуса «Форд» с тонированными и, возможно, пуленепробиваемыми стеклами. Возле автомобилей помимо охраны в американской антитеррористической униформе стоял плечистый крепкий мужчина в отлично сшитом костюме. Мужчина курил сигару и невозмутимо смотрел на приближающегося китайского функционера.

Шеф бюро «Х» Межведомственной разведывательной службы Пакистана генерал-майор Асад Шафик был уполномочен начальством вести переговоры с китайцами. О переговорах в классическом виде не было и речи, шла невидимая глазу жесточайшая подковерная грызня. В этом скользком и грязном виде спорта генералу Шафику не было равных во всей межведомственной разведке.

– Приветствую вас, мистер Юаньчао, на земле Пакистана, – дружелюбно сказал Асад, протягивая крепкую ладонь подходящему к нему китайцу.

– Да-да, мистер Шафик, – нервно ответил Чэн. – Давайте сразу к делу...

Шафик снова широко улыбнулся, демонстрирую отличные, здоровые зубы: «Как узкоглазого проняло! Еще немного, и истерика начнется».

Именно генерал Асад Шафик вел три недели назад секретные переговоры с русскими. Никто, даже директор ISI Ахмад Шуджа, такого шага от русских не ожидал. Отношения с русскими колебались в секторах «плохие» и «очень плохие», частенько опускаясь до полного замерзания, как было в восьмидесятые.

Поэтому, получив сообщение от агентуры, что русские ищут контакты с руководством ISI, генерал Шафик сделал квадратные глаза и едва не захлебнулся горячим кофе в кабинете начальства.

С русским Асад встретился в одном из отелей Момбасы. За чаем и утренней газетой.

– У вас проблемы? – вальяжно спросил пакистанец, разглядывая сидящего напротив русского.

– На Руси принято сначала здороваться, мистер Шафик, – ухмыльнувшись, ответил шатен, сидящий напротив.

– Интересно. А как мне вас называть? Иван? Или Федор?

– Это неважно, генерал. Важно то, что ваши лучшие друзья хотят вас немножко использовать. Вопреки вашим интересам.

– С какой стати это должно волновать вас, мой анонимный собеседник? Мы со своими союзниками сами договоримся.

– Да, без сомнения. Только, думаю, будет поздно. Если Китай скушает Центральную Азию, то рано или поздно он скушает вас. Ислам и красный Китай – вещи несовместимые... Не так ли, мистер Шафик?

Асад пожал плечами. Какая-то ерунда. Ожидал серьезного разговора, здесь какой-то детский сад...

Русский снова усмехнулся и выложил на стол обычную черную папку. Затем допил чай и подмигнул пакистанцу.

– Увидимся в обед, мистер Шафик. Почитайте на досуге.

Асад открыл папку сразу после того, как русский вышел из ресторана. Открыл, пробежал глазами и тут же захлопнул.

В папке на обычных листках были сводки русской разведки. Или настоящие, или искусная, очень искусная бутафория. С этим надо будет разбираться.

В обед они увиделись снова. Шафик, в отличие от русского, был в дурном настроении. Как ни крути, документы были серьезные. Нынешняя активность китайцев у русской границы и у берегов Тайваня – это похоже на дезинформацию. Если китайцы ударят по Центральной Азии, Пакистан теряет свое влияние в этом регионе. И более того, резко усилится Иран, подмяв под себя Междуречье. С одной стороны будет шиитский Иран, с другой – бурлящий Афганистан с сильным китайским влиянием, еще дальше – Индия. Понятно, что Пекин станет мастерски играть между противоречиями шиитов и суннитов, стравливая своих нынешних союзников. США сейчас не до внешнеполитической игры, сохранить бы то, что есть.

– Как я понял, у вас имеется какое-то предложение для руководства нашей страны?

– Нас интересует ваша разведывательно-агентурная сеть в Средней Азии.

Шафику потребовалась вся выдержка и опыт разведчика, чтобы не выдать бушующих внутри эмоций. Генерал надеялся, что русский не заметил его секундного замешательства. То, что ему сейчас предложили, немыслимо! По двум причинам. Во-первых, даже очень близкие союзники не имеют доступа к агентурным сетям своих партнеров. Это вещь предельно интимная. Во-вторых, Исламабад вооружал, обучал и вскармливал исламское подполье только с одной целью – дестабилизировать обстановку в Центральной Азии. Борьба с исламским влиянием в некогда советских республиках – один из краеугольных камней безопасности как прежней России, так и нынешней Руси. Любое усиление исламистов в Средней Азии – это прямая угроза для русских.

– Чьи интересы вы представляете? – спросил Шафик, рассматривая сидящего напротив него человека.

– Правительства Руси. Генерал Шафик, вы умный человек и понимаете, что вряд ли такие предложения могут поступать от частных лиц.

Генерал понял, что ему врут. Но документы похожи на настоящие. Значит, где-то на самом вершине властного олимпа Руси идет яростная борьба. Ладно, придется с этим разбираться подробно, предложение интересное.

– У нас очень мало времени, генерал, – сказал незнакомец, пожимая руку пакистанцу.

В Исламабаде размышляли недолго. Совсем недавно русские выходили с подобным предложением к турецким спецслужбам. Иначе никак не объяснить то, что за весьма короткий срок Службе национальной безопасности Руси удалось практически уничтожить разветвленное и агрессивное ваххабитское подполье на Кавказе. Нет, даже не уничтожить – прыснуть яд в кровеносную систему подполья. Большинство из тайных финансистов и главарей террористов были убиты либо похищены за каких-то три-четыре года. Аналогичная ситуация произошла с

курдским подпольем в Турции. За предельно короткий срок мощная террористическая организация, обладающая солидным финансированием и поддержкой из-за рубежа, была обезглавлена и обескровлена по «кавказскому сценарию».

Аналитики основных разведок подозревали тайный сговор между СНБ и МИТ. Влияние турецких спецслужб на народы Кавказа и русских – на курдов известно практически всем. Сотрудничество получилось взаимовыгодным.

– Что нам могут предложить русские? С турками – понятно, там были взаимные интересы. Но что предлагают сейчас?

– Север Афганистана. Таджики...

Генералы ISI переглянулись. Интересное предложение. Сейчас север Афганистана – это заноза в заднице Пакистана. Форпост чужого, русского влияния.

– Русские готовы его сдать? Вместе с прикормленными салом – местными царьками?

– По предварительной договоренности – готовы. Но... – Генерал Шафик на секунду замолчал... – Если информация про вторжение в Центральную Азию китайцев подтвердится, не думаю, что нам стоит в это дело влезать. Русским нечем прикрыть свое азиатское подбрюшье. Если начнется большая война, северный Афганистан и так будет нашим...

– Это напрасные надежды! Иран, сожрав Междуречье, станет на порядок сильнее. Наши временные союзники из Поднебесной надеются, что мы будем противостоять Тегерану.

Неожиданно в разговор вступил сам директор ISI, генерал-лейтенант Ахмад Шуджа:

– Надо принимать предложение русских. Неофициально, максимально осторожно. Лучше контролировать Афганистан, чем оказаться в клетке с тремя голодными тиграми. Если русские помогут нам по пуштунскому вопросу и договорятся с индусами, будет еще лучше. Шафик, возьмите это на себя.

– Если об этом узнают в Пекине?

– А если нет? Свой шанс надо использовать. Нельзя вечно оглядываться на Поднебесную. Тем более если они решили нас использовать вслепую, не посвятив в свои грандиозные планы.

Директор пакистанской разведки словно в воду смотрел. Вот что значит аналитические способности и опыт.

Едва китайцы вторглись в Киргизию и рванулись к Бишкеку, Душанбе и Алмате, как весь мусульманский запад КНР от Кашгара до Урумчи вспыхнул огнем кровавого мятежа. Затем пламя сопротивления перекинулось в тыл действующей армии. На узких горных серпантинах горели колонны снабжения и топливозаправщики, китайский спецназ при поддержке авиации и вертолетов пытался выкурить исламистов из их горных укрытий.

Киргизскую армию НОАК даже не заметила, разметаив ее в клочья за какие-то часы. Русская авиабаза в Канте прямому удару не подвергалась, но на второй день войны по ней внезапно «отработала» китайская артиллерия. Русские намек поняли правильно и, уничтожив инфраструктуру, прорвались в горы на соединение с остатками киргизской армии и отрядами исламистов.

Восток – дело тонкое... Нет, скорее, дело подлое. Сейчас плечом к плечу против китайцев сражались две ненавидевшие друг друга силы – русские и исламисты. Что будет потом, мало кого интересовало. Русский Генштаб четко понимал, что прорыв бронетанковых колонн НОАК в глубь территории Казахстана, к Семиречью, будет значить быстрое поражение. Или ядерную войну. Понимали это и в Пекине. Поэтому и прислали Чэн Юаньчао.

Переговоры Чэна с пакистанской стороной быстро зашли в тупик. Генерал Шафик лучезарно улыбался, клятвенно прижимал руки к груди и постоянно намекал на трудности у НОАК.

– Мистер Юаньчао! Ваша доблестная армия ведет тяжелые бои с русскими на Дальнем Востоке. Насколько мы знаем, перевес в боях на стороне ваших врагов... Пакистан всегда готов помочь своим друзьям.

Из этой по-восточному витиеватой абракадабры Чэн понял лишь одно. Над ним откровенно издевались. Спецпредставителя главы КНР послали в изящной форме.

– Послушайте, мистер Шафик, и передайте своим хозяевам. Китай существует уже тысячи лет и просуществует еще столько же, несмотря на поражения и неудачи. Мы щедры и приветливы с друзьями, но никогда, запомните, генерал, не прощали предателей.

Генерал перестал улыбаться и недобро сощурился.

– На все воля Аллаха, мистер Юаньчао. На все...

Визит продлился еще сутки и состоял из абсолютно бесплодных переговоров с различными гражданскими и дипломатическими чинами и тяжелых раздумий Чэна.

Что-то здесь не складывалось. В картине явно не хватало какой-то малозаметной детали. Откуда такая наглость у пакистанцев? Исламабад ведет собственную игру? Не имея стратегических союзников? Это невозможно. Игра Вашингтона? Эр-Рияда? Может, Москва?

Нет, это уже паранойя. Русские для Исламабада – хуже дьявола. Может, третья сила? Тогда кто?

Вопросы множились, ответов на них не было.

«Почему замолчал Аист?» – пронеслось в голове Чэна холодным ветром. Его супергент молчал уже почти две недели. В суматохе начавшейся войны куратор спецслужб непростоительно про него забыл.

«Мерседес» Чэна, несущийся сейчас к зданию китайского посольства, сопровождали два микроавтобуса с сотрудниками «Гуаньбу», числящимися в дипломатической службе безопасности, и почетный эскорт из двух десятков мотоциклистов. Джип «Лэнд Ровер» с вооруженными полицейскими, притулившийся на обочине, неожиданно взорвался с такой силой, что взрывная волна разбросала мотоциклистов и опрокинула один из микроавтобусов с охраной.

«Мерседес» не пострадал, но его здорово занесло и выкинуло на встречную полосу. Едва водитель сумел справиться с тяжелой машиной и затормозить, как одно из боковых стекол треснуло и в нем образовалась внушительная дыра. Затем еще одна.

Когда микроавтобус с охраной прикрыл своим бортом расстрелянный «Мерседес», спастись было уже некого. Глава организационного отдела Секретариата ЦК КПК и куратор специальных служб Поднебесной лежал на заднем сиденье автомобиля изломанной куклой, которой открутили голову, забрызгав кровью весь салон.

На расстоянии почти восьмисот метров от стоящего «Мерседеса» лежащий на плоской крыше офисного здания человек оторвал усталые глаза от прицела снайперской винтовки «Немезис». Работа сделана, осталось позаботиться об эвакуации.

Глава 11. Польша. Окрестности Ополе. 18 августа

Логан осторожно выглянул из-за кустов, внимательно рассматривая русский чек-пойнт, установленный на перекрестке шоссе и сельской грунтовки. «Иваны» укреплялись основательно, с размахом. Помимо бетонных блоков пост был укреплен листами брони, снятыми со сгоревшей бронетехники, и мешками с песком. И мин с растяжками небось вокруг напихали. Хорошо еще, что в лесу секретов не поставили. Уже больше недели вынужденно путешествуя по оперативному тылу русских, Логан поражался, насколько четко и хорошо организована система полевой безопасности. Кроме густой сети чек-пойнтов имелись моторизованные, пешие и даже воздушные патрули, постоянно прочесывающие прифронтовую полосу и прилегающие к ней тыловые районы. Причем в отличие от американцев или тех же европейцев «чистой» в тылах занимались специально обученные и натасканные на борьбу с возможными повстанцами и диверсантами подразделения. Не армейские, какие-то другие. Что-то вроде жандармерии. Были еще «оборотни». Роджер столкнулся с ними всего один раз, но этого вполне хватило, чтобы прятаться от появлявшейся на его пути любой вооруженной группы, вне зависимости от национальной принадлежности.

«Оборотни» здорово напоминали ему контрабандников ЦРУ, с которыми Логану частенько приходилось сталкиваться в Афганистане. Угрюмые бородатые мужики в полувоенном обмундировании, выполняющие грязную работенку. Настолько грязную, что армия за нее не бралась.

Когда их АН-64D сбили, Роджеру чудом удалось «уронить» крутящуюся машину в маленькую, но быструю и глубокую речку. Вода смягчила удар и залила поврежденный двигатель. Слава богу, протока оказалась достаточно глубокой, Логан отделался легким сотрясением. Бедному стрелку Гарсия повезло меньше. Он явно повредил позвоночник и получил тяжелый перелом ноги. Вытаскивая стонущего толстяка на берег и отплеываясь от воды, смешанной с топливом, Роджер постоянно оглядывался по сторонам, ожидая появления между деревьями русских солдат. Но ему сегодня отчаянно везло: русские не торопились появляться, занятые, видимо, другими делами.

– Помощь... помощь... скоро? – прошептал Гарсия, когда Роджер наклонился к нему.

– Да. Уже скоро. Сейчас дотащу до тех деревьев и будем спокойно ждать эвакуации.

Логан врал, но эта ложь была во спасение. Спасательный HH-60G из состава пятого батальона²⁴ сюда не летит. Это точно. Зона буквально кишит «иванами», и надеяться, что спасатели полезут в самую пасть к дьяволу, не стоило. Спасателей просто сожуют. Нужно быстрее уходить отсюда и потом уже активировать спасательный маяк.

– Господи, Марс, какой же ты тяжелый....

Роджер волок упитанную тушу Гарсия на срубленных ветках. Каждый шаг давался ему с трудом и приносил страдания стрелку. Марсель часто и громко стонал, облизывая пересохшие губы. Вколотые обезболивающие помогали слабо.

– Босс, ты меня угробишь... – наконец застонал он, не выдержав мучений.

Роджер остановился, часто и тяжело дыша. Что же делать? Они отошли от места падения «Апача» меньше мили, а он уже выдохся. Это хорошо, что русских пока не видно...

И тут Логан их увидел... «Иваны» вышли из пуши напротив редкой цепью, словно охотничьи псы, учуявшие желанную добычу. Три десятка мужчин в лохматом камуфляже неторопливо спускались к затонувшему вертолету, охватывая его в полукольцо.

– Черт, Марс, это «иваны»... Твою мать, Гарсия, мы пропали...

Гарсия как-то судорожно, по-детски всхлипнул.

²⁴ HH-60G Pave Hawk – вертолет специального назначения, разработанный для диверсионных и спасательных операций армии и ВВС США.

– Бросай меня, Роджер. Бросай, черт тебя возьми! У тебя есть шанс, так уходи! – неожиданно громко и твердо сказал он. – Русские соблюдают конвенцию, это не талибы. Беги, босс!

Логан коротко кивнул и, повернувшись, со всех ног бросился в чащу. С каждым шагом он с ужасом ждал выстрелов за спиной... Если бы он знал, что Марсель Гарсиа благополучно попал в плен и выжил... В отличие от шумной и многочисленной семьи Марселя, проживавшей в пригороде Атланты – Норд Декатур. В ночь с пятого на шестое августа Джорджия взорвалась. Мятеж подняли негры, и первым объектом нападения стали именно латиноамериканцы. Семья Гарсиа была вырезана в числе трех сотен других латиноамериканских семей той безумной ночью.

Роджеру повезло. Ему удалось уйти довольно далеко от преследователей и задействовать спасательный маяк. Логан устало привалился к сосне и закрыл глаза. Требовалось отдохнуть хотя бы несколько минут: забег по польской пуще основательно вымотал его.

Движение где-то сзади он не услышал, скорее почувствовал. Резко обернулся, выхватывая кольт из набедренной кобуры. Метрах в десяти от него застыл рослый темнокожий парень в рваном и грязном камуфляже. С М-4, крепко сжатым в руках, и испуганными глазами.

– Ты кто? – задал предельно идиотский в этой ситуации вопрос ошарашенный Логан.

Но визави, услышав английскую речь, радостно, как-то по-собачьи оскалился и ответил:

– Капрал Пратт. Джордж Пратт, сэр. Шестьсот пятнадцатый батальон обеспечения первой САВ²⁵.

– Батальон обеспечения? Спасательная команда?

– Так точно, сэр... Только наш «Пейв Хоук» упал в семи милях отсюда.

– Сбили?

– Нет, сэр. Сбой электроники. Хорошо шли на малой высоте, мне одному удалось спастись.

– Понятно. – Роджер одернул измазанный летный комбинезон и официально представился: – Капитан Роджер Логан, второй батальон пятьсот девятнадцатого полка, двенадцатая авиационная бригада. Сбит вчера. Присоединяйтесь, капрал, пойдем на запад. Судя по канонаде, линия фронта совсем рядом.

– Так точно, сэр. Только что-то произошло. Вся электроника почему-то вырубилась, сэр. Смотрите, капитан, ваш аварийный маяк не работает.

Логан тупо опустил голову и посмотрел на ставший мертвым куском пластика маяк и мертвые же электронные часы. Что за чертовщина?

– Это давно началось, капрал?

– Часа три назад, сэр. Все отключилось в минуту. Наш командир, майор Дуглас, даже не успел сманеврировать, как мы упали.

– Русских видел?

– Так точно, сэр. Издалека. Много. Танки и бронемашин. Милях в трех от меня выползали из леса.

– Танки?

– Очень много. Не меньше батальона, сэр.

Логан нервно потер подбородок. Странно, электроника отключилась, но русские танки спокойно шастают. Значит, помощи точно не будет. Нет связи – нет помощи. Надо отсюда выбираться. Раз началось большое наступление на «иванов», то скоро появятся свои.

– Двигаем за запад, капрал Пратт. Скоро увидим наших.

Действительно, вскоре они увидели своих. По лесной просеке неторопливо шла длинная колонна американцев. Человек сто пятьдесят, не меньше, держа руки за головой. С черно-желтыми шевронами первой кавалерийской дивизии.

²⁵ Combat air brigade – бригада армейской авиации первой кавалерийской дивизии армии США.

– Пленные? – неожиданно для самого себя выдохнул Логан.

Пратт промолчал, но его шоколадная кожа приобрела сероватый оттенок. Его снова начало трясти от страха. Колонну охраняли всего шестеро русских. Один, видимо, главный, шел впереди, по двое сторожили колонну по бокам и еще один, с ручным пулеметом, шел чуть в отдалении, замыкая ее.

– Шестеро, их всего шестеро... на сто пятьдесят человек, – сокрушенно прошептал Логан.

Но никто из американцев даже не пытался вращать головой в надежде улизнуть в чащу. У пленных был совершенно потерянный вид.

– Пратт, снимай того, замыкающего, с пулеметом. Потом двух с ближайшего к нам фланга. По сигналу, – тихо сказал Роджер, расстегивая кобуру и вытаскивая тяжелый пистолет.

Капрал, не говоря ни слова, вцепился черной лапой в запястье Логана, а другой рукой схватил его за горло, опрокидывая на спину.

– Тихо, капитан, тихо... Мне домой надо, понимаешь, домой... Не надо стрелять.

Пратт вцепился в руку Роджера, словно клещ, не давая вытащить пистолет и тем более снять его с предохранителя. Толстые мерзкие губы едва ли не касались его ушной раковины, и потная ладонь давила на кыдык. В голове Логана будто взорвалась бомба. Лютая волна ярости затопила его, не оставив даже островка для выдержки, характерной для пилота.

Перехватив руку, вцепившуюся ему в горло, Логан с размаху ткнул Пратта лбом в переносицу. Как в детстве, когда дрался с отпетым хулиганом Питером Гуликом, державшим в страхе всех малолеток его городка. Раздался треск, и на лицо Роджера стало что-то капать. Пратт мгновенно разжал хват и получил ребром ладони в горло. Беззвучно скорчившись, он упал в еловые иголки, ковром покрывавшие землю, и засучил ногами.

– Ты что, тварь? А-а? – яростно прошипел Роджер, выхватив наконец пистолет из кобуры и приставив ствол к толстой, черной, лоснящейся от пота шее Пратта.

Капрал поднял перемазанное кровью лицо, с прилипшими к коже еловыми иголками и какой то дрянью, и тихонько заскулил. Именно заскулил, не заговорил. В потоке тихого стога с трудом можно было различить слова:

– Не надо, сэр... Не стреляйте. Мне надо домой. Я из Луизианы, сэр. Из Батон-Руж... Там сейчас война. У меня жена и двое детей, сэр... Не надо, пожалуйста, не убивайте.

Логан убрал ствол «кольта» от шеи капрала и сплюнул. Затем хорошенько пнул его по заднице, заставив еще раз скорчиться и запричитать.

– Встать, капрал, – тихо, но внятно приказал Роджер. – Хватит ныть, Пратт. Приведите себя в порядок и прекратите трястись.

Капрал встал, пряча глаза и пытаясь отряхнуться. Автомат так и валялся в стороне, Пратт даже не собирався его поднимать.

– Отойди. – Логан махнул стволом, отгоняя капрала в сторону. Поднял «М-4», перекинул его через плечо.

– Теперь напряги свои куриные мозги, Пратт. Ты хочешь домой – это нормально. Я тоже хочу. Но мы, если ты заметил, находимся в русском тылу. Дойти до своих и отправиться домой мы можем только вместе. Ты меня понял?

– Да, сэр. Только я никуда с вами не пойду. Извините, капитан. Останусь здесь.

Логан понял, что этот лживый, трусливый и трясущийся кусок дерьма действительно никуда не пойдет. Он уже мертв от собственного страха. Ходячий мертвец, мечтающий поднять руки и отправиться в ближайший лагерь военнопленных. В надежде отсидеться в плену и отправиться в свою поганую Луизиану.

– Ну и подыхай здесь, слизняк.

Логан развернулся и отправился дальше. Пратт так и остался стоять у дороги, опустив голову.

Ноги исправно несли Роджера вперед, в голову же лезли всякие отвратительные мысли. Воспитанный в культе американского патриотизма и превосходства над всем окружающим миром, он никак не мог понять, что случилось с его армией и страной.

Здесь, в Польше, они дерутся уже почти месяц – и ни одного, даже тактического, успеха. Сплошные поражения и неудачи. «Иваны» читают планы американцев, словно открытую книгу.

«Либо в штабе сидят вражеские агенты, либо сами русские настолько хорошо нас изучили, что всегда знают наш следующий шаг, – говорил сам себе Логан. – Скорее всего, верно второе. Если русские так хорошо подготовились, то куда смотрела вся эта орава спецслужб с высокооплачиваемыми аналитиками? Куда, интересно, смотрели все эти ФБР, Бюро по оружию и алкоголю, администрация по борьбе с наркотиками, Министерство внутренней безопасности, если допустили настоящую гражданскую войну внутри самих США? Теперь стала понятна цена коротких и размытых сообщений СМИ о ситуации на родине. Пока мы воевали здесь, защищая тупых и ленивых европейцев, у нас загорелся собственный дом. От Калифорнии до Вирджинии протянулась кроваво-красная линия мятежа. И еще интервенция наркобандитов из Мексики. Теперь понятно, почему подкрепления сюда, в Европу, не доходят!»

Пять раз за последующие сутки Логану приходилось пересекать проселочные и шоссейные дороги, по которым безостановочно, потоком двигались русские войска. Чувствовался некий чудовищный ритм этого движения, словно паровой каток собирается сделать еще один оборот, подминая под себя окружающий ландшафт.

Несколько раз прогоняли колонны военнопленных. Глядя на своих сослуживцев, Логан видел, что они сломлены морально и утомлены физически. Черт, да что же такое происходит?! Неужели это конец?

Стрельба прямо по курсу началась совершенно внезапно. Треск «кольтов» «М-4» перемешивался с грохотом русских «АК». Роджер инстинктивно пригнулся и бросился по направлению к стрельбе.

К моменту, когда стрельба была уже совсем близко, в «разговор» вступил тяжелый пулемет, который долбил, словно клюшкой по железной бочке.

На просеке, метрах в двухстах от него, стоял русский джип, или как он там называется? Из него куда-то в лес долбил пулемет. В кузове джипа было двое русских, третий, присев на одно колено, смотрел в бинокль и изредка что-то выкрикивал. Видимо, корректировал огонь. В зарослях напротив мелькали крепкие, затянутые в камуфляж спины. Не меньше десятка.

«Ясно, кого-то из наших обложили и добивают. Надо действовать», – решил Логан. Убивать самому, своими руками Роджеру еще не приходилось. Хотя стрелял он, как и большинство простых деревенских парней, выросших в глухомани, весьма неплохо. Вскинув автомат, Логан поймал в красную точку оптического прицела бритый затылок пулеметчика и нажал на курок. Голова «ивана» взорвалась, он тряпичной куклой повалился на землю, следом за ним – второй номер расчета. Не успел Роджер оторваться от прицела, как рядом с головой просвистело несколько пуль, сбивая ветки. Он как-то и забыл про корректировщика с биноклем – тот оказался прытким и опытным малым. Спрятавшись за машину, он пытался нащупать Логана короткими, злыми очередями, одновременно что-то выкрикивая.

Услышав перестрелку в своем тылу, из леса выскочили русские. Пули стали ложиться гуще, и Роджер понимал, что если не случится чудо, то жить ему осталось совсем недолго. На кой хрен он решил в Джона Уэйна поиграть?

Неожиданно рядом оказалась группа из трех вооруженных до зубов американцев, которые появились чуть левее от Логана и увлеченно стреляли по русским.

Увидев, что бой складывается не в их пользу, «иваны» не стали упрямыться, быстро отступили на север и унесли с собой раненых. Джип с пулеметом и двоих убитых они бросили на поле боя. «Слабаки...» – дал им оценку Роджер.

Через пару минут он активно пожимал тянущиеся к нему многочисленные руки...

– Если б не вы, сэр... и не вы, ребята, нас бы здесь просто перестреляли, – с чувством говорил пожилой штаб-сержант по фамилии Итон. – Нас всего семеро, штабной батальон первой кавалерийской, рота «Чарли»... – Итон кивнул в сторону стоящих в небольшой лощине солдат.

Роджер собирался подойти, представиться, но его отвлек MSG²⁶. Тот самый, который со своими парнями явился из неоткуда, переломил исход боя и спас задницу Логану.

– Вы пилот, сэр? – спроси он, буравя Роджера неприятными серыми глазами.

– Да, мастер-сержант... Капитан Логан.

– Трескотт, сэр. Мастер-сержант Рональд Трескотт. Третий специальный батальон «Гладиаторы» – ВСТ Grey Wolf, сэр. У меня вопрос к вам, сэр.

– Спрашивайте, Трескотт.

– Вы первый офицер, который мне попался за последние сутки. Живым и относительно невредимым, сэр. Что происходит? Где наша авиация?

Логану очень не понравился тон вопроса и сам вопрос, но одергивать Трескотта он не стал. По двум причинам. Во-первых, MGS излучал буквально волны агрессии, во-вторых, он производил впечатление смелого и жесткого человека. Это не хнычущий слизняк Пратт... Лучше поддерживать в людях злость, чем отчаяние.

– Не знаю, Трескотт. Я уже третьи сутки здесь по лесам лазаю. Меня еще до наступления «Хокумы» перехватили у этой... Бляховни... Ничего не знаю.

– Понятно... Извините, сэр, просто накопело. Никогда такого не видел.

– Да что произошло, Трескотт, черт вас возьми?!

– Что произошло?! За всю дивизию говорить не буду, отвечу за своих «серых волков». Нас разорвали, сэр. Бригада уперлась в минные поля, потом русские выключили нам весь свет.

– Это как?

– Не знаю, сэр. В науках не силен, но, как говорил наш босс, первый лейтенант Бродяга Ларссон, что это электромагнитный импульс. Короче, вся электроника, вернее, почти вся, накрылась. Пока в штабе дивизии и корпуса решали, что делать, русские ударили нам во фланг. Навалились танками при поддержке вертолетов и РСЗО. Откуда эти твари взялись в таком количестве, не знаю. Перед наступлением нам говорили, что русские наиболее боеспособные танковые бригады отправляют на китайскую границу. А как мы перешли в наступление, так они сразу появились...

– Что сделали вы? – спросил Логан, уже зная ответ.

– Ничего, сэр. Мы ничего не смогли сделать. Их танки тяжело подбить, а их артиллерия бьет очень точно... – Голос Трескотта сорвался. Помолчав, он продолжил: – Бригадная группа Grey Wolf разбита, сэр. Вдребезги. Меньше чем за пять часов...

– Где ваш командир, Рональд?

– Ларссон убит, сэр. В самом начале, когда мы отбивали атаку русской мотопехоты. Чертова мина...

– Принимайте командование у Итона, Трескотт. Задача следующая – пробиваться к своим.

– Понял, сэр!

Логан подошел к брошенному автомобилю и осмотрел трупы русских. Ничего интересного: головы разбиты, кругом кровь и сгустки мозга. Затем обшарил автомобиль в надежде найти чего-то полезное. Ему снова повезло. На переднем сиденье лежала свежееотпечатанная спутниковая карта местности с многочисленными пометками. Карта размещения постов. Теперь их можно обойти...

²⁶ Мастер-сержант.

Его отвлек какой-то посторонний, но назойливый звук. В ту же секунду один из солдат Итона, маленький и щуплый мексиканец Пинеда, прыгнул на Роджера, сбивая на землю.

– Ложись, ложись! Обстрел!

Мины сыпались на пролесок густо, вздымая бурые взрывы и выбрасывая вверх кубометры земли, – сразу видно, корректировщик у русских толковый. Несмотря на то что стреляли не больше пяти минут, Роджеру показалось, что прошла вечность, заполненная грохотом, пылью, страхом и дрожью земли.

Повезло практически всем, кроме двух рядовых из многострадальной роты «Чарли» – Моррисона и Глэбба. Первого, ярко выраженного WASP, убило наповал, второго, здорового чернокожего, сильно посеколо осколками.

Положение спас Трескотт, зычно заорав, что пора выдвигаться. Подхватив стонущего Глэбба, маленький отряд кинулся в пущу. День за днем, ночь за ночью они пробивались на запад, обходя расставленные ловушки русских и избегая серьезных боев. В мелких стычках, которые случались каждый день, гибли и американцы, и русские, но к отряду ежедневно присоединялись все новые отставшие от своих частей. Русские постоянно висели на хвосте, взвинчивая темп преследования. Четверо из отряда, не выдержав гонки, специально отстали, желая сдаться в плен.

Были и дезертиры. Два дня назад их отряд потерял только что присоединившегося к ним сержанта Фрэдди Галузо, схлестнувшись с шайкой дезертиров человек в восемь. С ручным пулеметом «М-249» и очень серьезно настроенных. Потеряв в ходе перестрелки двоих, дезертиры отвалили, осыпая бывших союзников проклятиями на испанском.

– Поганые латиносы, твари, хуже хаджей, – выругался Трескотт.

Чем ближе к Одре, тем реже попадались русские патрули, все чаще – брошенная и разбитая техника, выжженные леса, изрытая воронками и перепаханная гусеницами земля. Каждый день к маленькому отряду присоединялись новые бойцы, принося свежие новости. Одну хуже другой. Танковые колонны «иванов», не задерживаясь, рвутся вперед, в Германию, гоня перед собой остатки третьего армейского корпуса армии США. Поляки, блокированные в Кракове, уже сдались на милость победителям; американский пятый корпус, сидящий в Варшаве, не дождавшись помощи, тоже готов капитулировать. Там тысячи раненых и иссякли боеприпасы.

Логан и его люди сдаваться не собирались. Заросшие, грязные, вонючие и одуревшие от бесконечной гонки по польским лесам, они хотели дойти наконец до своих и влиться в ряды отступающей армии.

– Последний рывок остался, капитан. Еще рывок – и все... Как думаешь, наши еще Ополе удерживают?

– Не знаю, не знаю. Судя по канонаде, еще удерживают.

Осталось выдвинуться поближе к передовой и постараться прорваться к своим. Здесь они на «оборотней» и напоролись. Передовой дозор в составе сержанта Итона, рядового Пинеды и капрала Самуэльссона встретил неизвестных англоязычных бойцов.

– Сэр, похожи на SAS. Только акцент какой-то дерьмовый. То ли кенгуру, то ли киви²⁷. Вероятно, частники, сэр.

– Какого черта им здесь надо? – спросил Трескотт, недоуменно вращая головой. – Еще англов или наемников здесь не хва...

Шквальный огонь за секунды срезал передовой дозор и обрушился на отряд, прижимая его к земле. Где-то наверху, в прихожей у Бога, решили, что Роджер должен выжить и сегодня. Трескотт принял на себя очередь... Дернувшись и захлебнувшись кровью, мастер-сержант рухнул навзничь, опрокинув Логана.

²⁷ Презрительные прозвища австралийцев и новозеландцев.

Прежде чем Роджер понял, что произошло, стрельба утихла. Небольшую узкую поляну окружили люди, говорящие на незнакомом, но похожем на польский языке. Еще через минуту до него дошло, что это «иваны». Твою ж мать, дойти почти до Одры и так попасться на переловленных русских. Как последние лохи...

Придавленный остывающим телом Трескотта, истекающего кровью, Роджер наблюдал, как «оборотни» неторопливо обходили лежащие тела американцев, о чем-то переговариваясь. Прележав под мертвым телом больше двух часов и вымокнув от крови мертвого сержанта, Логан наконец увидел похоронную команду. Ее составляли штатские, видимо, из местных жителей, в сопровождении двух русских. Оружие, в том числе и «М-4» Логана, было тщательно собрано «оборотнями», у него остался лишь один «кольт», не замеченный русскими при беглом осмотре трупов.

Поляки с лопатами столпились у края, глядя на заваленную трупами поляну, а русские пошли вперед, снимая с тел идентификационные жетоны и складывая их в обычную картонную коробку. Как в супермаркете.

Роджер ждал, ему больше ничего не оставалось. Надо было подпустить врага поближе и использовать свой шанс. Наконец тяжелое, мертвое тело Трескотта отвалили в сторону, и лучи скупого, закатного солнца ударили Логану в лицо.

Перед ним стояло двое поляков в штатском и один русский. В каске и бронежилете, но без оружия. С картонной коробкой в руках, глаза испуганные.

Роджер вскинул «кольт» и выстрелил прямо в эти глаза из положения лежа. Затем перевернулся на живот и выстрелил четыре раза по стоящему и хлопающему глазами второму русскому и побежал. Бежал на запад, отклоняясь от хлещущих по лицу веток, бежал туда, откуда слышалась канонада. Сзади раздавались истошные крики и выстрелы.

Требовалось обойти чек-пойнт, лавируя среди русских колонн, спешащих на запад, и пробраться к своим. Еще раз осмотрев импровизированную крепость «иванов», Логан решил заложить крюк справа. Там постоянно шло движение и возможность проскочить была выше. Глаза у наблюдателей быстро устают, особенно в сумерках.

Ополе горел. Горел ярко, смрадно, выпуская в небо клубы черного дыма. Стрельба вокруг города затихла, теперь раскаты артиллерийского огня и рев РСЗО отделились, слышались лишь из-за Одры. Вокруг города все было забито брошенной и разбитой техникой. В основном брошенной. Такие следы оставляет не сражающаяся армия – бегущая. Русские, видимо, уже устали убирать неповрежденную технику. Им было не до этого, они держали высокий темп преследования.

Но у Одры споткнулись. Теперь понятно, что здесь русские возьмут паузу для рывка на немецкую территорию. Роджер видел, что перед ним самые настоящие боевые части, уставшие и потрепанные, прошедшие не одну сотню километров. При этом победоносно прошедшие. А воинам-победителям абсолютно безразличен одинокий человек, бредущий вдоль дороги. В ближайшем доме Роджер нашел чистую одежду, избавился от неимоверно грязного летного комбинезона и армейских ботинок, выкинул пахнущий порохом пистолет и снова отправился к Одре, даже особо не скрываясь. Его пару раз окликали, но Роджер, вжав голову в плечи, делал лихорадочные движения. Типа от страха. Русские патрульные довольно ржали, видя его страх. Для них он был обычным поляком, беженцем, бредущим по своим делам. Или мелким воришкой, шарящим в брошенных домах.

Надо торопиться, пока русские патрули не перекрыли берег Одры. Пока здесь, в прифронтовой полосе, у «иванов» полный бардак и не организована комендантская служба. Осталось дожидаться ночи, спуститься к воде и постараться не утонуть. Уж утонуть было бы совсем глупо.

Вода даже по запаху была грязной. Мазут, бензин, машинное масло, какие-то бревна, трупы дохлых животных – все это неспешно проплывало мимо Роджера, когда он, держась за

пустую пластиковую канистру, плыл к противоположному берегу. Вдали корявой громадиной виделся взорванный железнодорожный мост.

То и дело с обоих берегов взлетали осветительные ракеты, но по нему никто не стрелял. Его голова на фоне тонн проплывающего мимо мусора явно не выделялась. Наконец после долгого плаванья, показавшегося бесконечным, ноги заскользили по глинистому дну. Осталось выбраться на сухое место.

– Стоять! Стреляем!

Окликнули его, едва он выбрался на крутой западный берег, окончательно выбившись из сил. На него в упор смотрело три ствола «М-4» и три прибора ночного видения, закрепленные на касках. И услышал он родной, южный акцент...

Роджер хотел что-то сказать, но вместо этого застонал и рухнул на истоптанную траву. Он дома. Он дошел... Свои...

Глава 12. Киргизия. Окрестности Канта. 16 августа

Сознание возвращалось медленно и мучительно. Словно луч света в старом чулане пробивал темноту. Руслан Левченко глухо застонал и попытался открыть глаза. Один глаз, правый, открылся с трудом, левый же открываться упорно не хотел, словно его залили клеем.

Руслан осмотрелся одним глазом, и то, что он увидел, оптимизма не внушало. Их «Форд Транзит» валяется на обочине, буквально разорванный в клочья. Сиденья и обшивка залиты кровью, даже отсюда видно, с асфальта. Только сейчас Левченко понял, что лежит поперек шоссе, ведущего от авиабазы «Кант» к столице Киргизии, Бишкеку.

Черт, надо отползти в сторону. Попытка пошевелиться вызвала новый приступ боли, сопровождаемый тошнотой и головокружением. Как тогда, на Кавказе, когда его здорово контузило. Кое-как встав на четыре кости, Руслан отполз за исковерканный автомобиль. Снова огляделся. Внутри микроавтобуса – месиво. Вьются мухи, тошнотворный запах. Левченко все-таки вывернуло наизнанку. Желчью на пыльную обочину. Ему вдруг легчало, и он вспомнил...

В армию ушел в нулевом, поздней осенью. Загребли во внутренние войска, в знаменитую «сотку»²⁸. Войска МВД – это не десант, конечно, и не флот, но зато после них в ментовку легче служить попасть. А где после дембеля служить, как не в милиции? И зарплата, и власть, и уважение... Знал бы он тогда, куда его мечты заведут, тысячу раз бы перекрестился. К тому времени вторая чеченская уже вовсю шла и после «учебки», где с курсантов драли три шкуры на плацу и стрельбище, отправился в первую «командировку». Повоевать пришлось, но звезд с неба не хватал, тянул солдатскую лямку исправно, как вол телегу.

Вернулся домой, а делать нечего. Работы нет, перспектив еще меньше. Подался в Москву, за столичной деньгой. Отдельный полк ППС, комнатка в общежитии и – мрак... Тупая, грязная работа, подлый грабеж подвыпивших работяг, «обувание» гастарбайтеров, вечное презрение со стороны москвичей и вечное хамство начальства. Три года Левченко это терпел, надеялся, что тяга к красивой, столичной жизни пересилит отвращение к работе и самому себе, но нет. Крепко выпив, Руслан написал заявление «по собственному» и затем со вкусом набил рыло вечно злобному, как цепной пес, командиру роты ППС майору Злотнику.

Вернулся на родину несолоно хлебавши. Не зная, что делать, зашел в военкомат навесить одноклассницу, работавшую там, и напоролся на объявление о контрактной службе.

Снова Кавказ, теперь уже по контракту, за хорошие, по курским меркам, деньги... Сорок шестая ОБРОН, три года, от звонка до звонка. Служил в Урус-Мартане, ходил на боевые, затем в комендатуре два года просидел. Если первый год было интересно, то последние два сидели в части почти безвылазно, встречая высокие комиссии из Москвы и Ростова. Местные силовики, милиция и так называемый Антитеррористический центр имени Ахмадова крепко держали ситуацию в руках и все меньше нуждались в «федеральных» войсках на своей территории. Участились стычки с местными, доходило до перестрелок.

Потом жажнуло в Москве – и понеслось. Джигиты словно озверели, каждый день нападая на колонны военных. Вскоре все завертелось в каком-то кровавом хороводе. Их отдельный батальон оперативного назначения едва не вырезали подчистую, когда «царь зверей» Заур Ахмадов поднял вверх зеленое знамя мятежа.

²⁸ 100-я дивизия оперативного назначения Внутренних войск МВД РФ. Очень серьезное соединение, мало чем уступавшее знаменитой дивизии им. Дзержинского. Насчитывала 4 полка оперативного назначения, отряд спецназа «Росич» и даже собственный танковый полк. Базирование – район города Новочеркасска. Ныне расформирована, на ее месте создана отдельная оперативная бригада.

Здесь Руслану повезло. Ротный, капитан Пискунов, несмотря на фамилию, был мужик матерый и горцам не верил никогда. В отличие от комбата, подполковника Ганина. Тот с местными бородачами чуть ли не целовался, придурок слабоумный. Его первым на фарш и пустили, вместе с начштаба майором Пузановым, таким же вечно поддатым «отцом-командиром». Обезглавив батальон, абреки подтянули минометы и стали методично долбить военнотружущих. Среди солдат было много их контрактников из соседних кавказских республик, которые «умирать за русню» не торопились.

Из всей роты в восемьдесят пять человек к станице Ассиновской, в соседней Ингушетии, пробились семнадцать, включая Левченко, где соединились со сводным полком МВД. Там же, под Ассиновской, Руслана контузило. Бронированный «Урал» налетел на фугас, замаскированный под дорожный отбойник. Кто же знал, что жизнь после этого развернется на сто восемьдесят градусов?

В ростовском госпитале Руслан столкнулся со своим земляком Юрой Евсеевым, учившимся в школе на класс старше.

Теперь Юра Евсеев – большой человек. Глава районной администрации и даже кандидат в губернаторы области. Возмужал, заматерел, отъелся, коротко подстригся и обзавелся модными ботинками. Прибыл в Ростов поддержать раненых земляков и сделать себе имя перед предстоящими выборами.

Евсеев сразу узнал Руслана... Пожал руку, предложил работу. В муниципальном ОВД. Не рядовым милиционером, естественно. Начальником патрульной службы.

Через полгода Евсеев был назначен на должность вице-губернатора области, а Левченко перешел в региональный департамент полиции. Там и познакомился с самим Сальниковым – министром внутренних дел Руси и «особой, приближенной...».

Министру его представил Евсеев, описав Руслана в самых радужных тонах.

Сальников крепко пожал ему руку и спросил:

– Нет желания перебраться в столицу, Левченко?

Руслан покосился на Евсеева. Тот ухмыльнулся и хлопнул его по плечу.

– Давай, Рус, делай карьеру. Судьба дает тебе второй шанс...

Вот так Руслан и оказался в одном из самых засекреченных подразделений МВД – Специальном оперативном центре, известном так же как «База № 200» или «Сольпуга». Особенностью центра помимо дислокации его за границей в афганском городе Мазари-Шариф были задачи: перехват конвоев с наркотиками, разведка, выявление и уничтожение подпольных лабораторий с наркотиками и главное – ликвидация главарей синдикатов. Любыми способами. Наркотики на Руси – наряду с терроризмом и педофилией – были объявлены вне закона. Со всеми вытекающими последствиями для «злодеев».

Руководству страны и МВД было понятно, что тактика поимки мелких наркодилеров и систематическое перекрытие ответвлений глобального трафика афганского героина ситуации не улучшает. А скорее наоборот. Тогда решили действовать с размахом и зачистить всю цепочку распространителей и клиентов «хмурого». От потребителей, которых принудительно лечили, до звена «распространитель – перевозчик – производитель». Причем последних было решено устранять физически. По возможности показательно и жестоко. Чтобы каждый бабай, торгующий зельем, знал, что килограмм героина, ушедший на север, может вернуться килограммом тротила в собственной немытой заднице. Все это великолепие «Базы № 200» официально называлось «Русская гуманитарная миссия в Афганистане».

Помимо передовой базы для обеспечения действий разведки и спецназа была развернута программа работы с племенными вождями на севере Афганистана. Таджики, узбеки и туркменами. Американцы, сокрушив «Талибан» руками Северного альянса, быстро забросили своих союзников, переключившись на поддержку пуштунов – основных производителей героина и «по совместительству» этнического большинства Афганистана, составляющего госу-

дарственную элиту. Меньшинствам, понятное дело, такой подход понравиться не мог. Чем и решили воспользоваться в Москве. Глупо было упускать такой шанс в борьбе с потоками наркотиков, хлещущих через прозрачную границу. Следовало работать на упреждение.

В Мазари-Шарифе был развернут учебный центр, где за небольшие деньги набирали войска из лояльных местных жителей. Была развернута мощная агентурная сеть, отслеживающая движение караванов с зельем в сторону реки Пяндж. Сформированные батальоны «сипаев» отправлялись на блокпосты, занимались отстрелом шаек талибов и охотились на поля опиумного мака. Развернутый здесь двухсот девятый территориальный корпус правительственной армии существовал только на бумаге, но исправно «осваивал» выделяемые коалицией деньги. Так что русским никто особо не мешал. Точечными ударами по лидерам наркоторговцев занимался отряд спецназа из сотрудников МВД.

Такая активность русских не могла понравиться командованию сил НАТО в Афганистане, официальным властям Кабула и, конечно, талибам. Особенно обострились отношения с Кабулом после того, как четыре вертолета непонятного происхождения, пройдя на сверхмалой высоте, высадили ударную группу на окраине Кандагара, расстреляв губернатора провинции, известного своим участием в одноименном синдикате. Помимо всего прочего, покойник был родней президенту Гамиду Урзаю. Скандал получился жуткий, дело дошло до карательной экспедиции афганской армии и спецназа на север и двухнедельными боями у Баглана и Пули-Хумри с отрядами «сипаев». Ситуацию удалось кое-как разрядить лишь после вмешательства главкома НАТО. Генерал Джеральд Корнелиус отозвал правительственные войска с севера из-за очередного наступления талибов на Джелалабад и тот же Кандагар.

К моменту убийства Руслана Левченко в очередной отпуск начальник базы полковник ДБОПиК Селезнев собрал всех офицеров в тактическом центре.

– У нас приказ из Москвы. Сворачивать деятельность, немедленно. Дорогостоящую технику и архивы эвакуировать, остальное раздать местным. Срок – десять дней.

В зале стало так тихо, что слышно было, как работает кондиционер, гоняющий воздух. Первым не выдержал заместитель Селезнева по разведке, подполковник Дунаев.

– Это связано с сосредоточением войск на западе?

– Да. Случись конфликт – нас просто вырежут. Всех. Здесь группировка НАТО в пятьдесят тысяч штыков, плюс АНА²⁹ в сто пятьдесят тысяч. Не считая талибов и прочих барбосов...

– Мы уйдем, так пуштуны всех наших «сипаев» под нож пустят. Вместе с семьями... Вся работа за два года псу под хвост.

– Это приказ, Дунаев. У нас пока государственная структура – не частная лавочка. Принимайтесь за работу. Левченко, останьтесь, остальные свободны.

– Майор... – начал Селезнев, крутя карандаш в руках.

– Вы летите домой, завтра. Не через Душанбе, как обычно, – через Кант. Командование базы в курсе, нашу эвакуацию обеспечивает Министерство обороны. Понятно?

– Так точно.

Но завтра улететь не удалось... Как и послезавтра. События накатывались подобно селевому потоку. В Кундузе вспыхнул мятеж исламистов, были разграблены склады ООН и убито несколько полицейских. Потом началось крупное наступление талибов на Кандагар и Кабул. Все более-менее боеспособные части АНА были переброшены обратно, на юг. Не успели собрать вещи – началось в Европе. По-крупному... Руслан до последнего мгновения надеялся, что все обойдется. Не обошлось. А эвакуироваться они не успели. Не до них было военно-транспортной авиации. Видимо, Москва про свою передовую базу в Афганистане про-

²⁹ Афганская национальная армия, созданная союзниками по НАТО после свержения режима талибов в 2001 году. Отличается низкой боеспособностью и слабо вооружена. Исключение составляет отдельная бригада «коммандос». В отличие от Вооруженных сил просоветской ДРА, созданных с помощью СССР, практически не имеет собственной авиации.

сто забыла в суматохе. Но командование ISAF в северном регионе помнило о них. Помнили наркоторговцы и талибы.

– Начнись буча – нам не продержаться и десять минут. Просто с воздуха с говном смешают, потом зачистят пехотой. – Полковник Селезнев пристально посмотрел на подчиненных.

– А двести первая база и «Кант»? Что, не помогут?

– Не думаю. Нас уже неделю как вывезти отсюда должны. И что? Где самолеты, где наземный транспорт?

Все хорошо в полковнике Селезневе, организатор он блестящий и опер опытный, фарси и узбекский знает, родился в Ташкенте, был советником в МВД ДРА больше года, но... Нет реального боевого опыта. Не был он общевойсковым офицером, мышление у него не военное. Поэтому и растерялся, наверное.

– У Москвы сейчас о другом голова болит, – растягивая слова, выговорил полковник Соломин по прозвищу Черкес.

Черкес был заместителем Селезнева по специальным операциям и в отличие от шефа последние двадцать лет только и занимался тем, что воевал. Исключительно на Кавказе, оттуда привез кучу наград, шрамов и грозное прозвище.

– Зароемся здесь в землю, все, что надо, у группы реконструкции³⁰ купим. Не будут натовцы нас сейчас давить. Им еще один очаг напряженности не нужен. Более того, думаю, не трогают нас из-за Манаса.

Левченко согласился. Про себя, конечно. Лезть ему, майору, в спор двух полковников не хотелось. Но позиция Черкеса ему была ближе. Раз не можем эвакуироваться, значит, нечего паниковать, будем сидеть здесь. До Душанбе далеко, по дороге колонну раздербанят на раз.

– Когда мы Комсомольское штурмовали, там духи в бетонных подвалах сидели две недели³¹. Две недели. Чем только мы их не долбили, от гаубиц до огнеметов «Буратино», пока всех не перебили. Так что если с умом зарыться, то у американов нервов не хватит нас отсюда выбивать. Скорее всего, махнут не глядя на персонал из Манаса.

Так и получилось. Главком ISAF Корнелиус, конечно, знал, что «русская гуманитарная миссия» на севере – это натуральный опорный пункт, существование которого идет вразрез с политикой НАТО и США в этом регионе. Знал генерал и о рейдах спецназа против наркоторговцев, и о подготовке тысяч боевиков из местных жителей за русские деньги. О формировании параллельно официальному Кабулу органов власти и вооруженных сил здесь, в Мазари-Шарифе. Знал, но ничего не предпринимал.

Слишком глубокой оказалась «кроличья нора» Афганистана для Америки. Начавшись блестящими успехами, через три года «антитеррористическая операция» превратилась в грязную и кровавую войну, которой не видно ни конца, ни края. Союзники по НАТО после первых тяжелых потерь стали откровенно манкировать своими обязанностями, сваливая ведение боевых действий исключительно на американцев. Взять тот же северный Афганистан, где сейчас окопались русские. Это германский сектор ответственности, куда помимо немцев входят еще шведский, норвежский и венгерский контингенты. Немцев тысячи две и остальных еще полторы. Сектор есть – ответственности нет. После Украинской кампании континентальные европейцы вообще как пришибленные стали. Русские под носом у германского командующего, генерал-майора Бергфреде, целую дивизию из местных развернули и вооружили, а ему хоть бы хрен. Вертолеты какие-то непонятные летают, транспортники...

³⁰ Подразделения ISAF NATO, занимающиеся обучением и подготовкой Вооруженных сил Афганистана. Коррупционированы сверх всякой меры, в том числе и в нашей реальности.

³¹ Имеются в виду тяжелые бои за поселок Комсомольский в ходе второй чеченской войны, где была уничтожена после двухнедельных боев и зачисток банда полевого командира Гелаева.

Когда Джереми в упор спросил немца, что там происходит, тот откровенно ответил. Предельно откровенно.

– Я не хочу Третьей мировой, генерал. Мне хватило того, что брюссельские деятели захотели украинские газопроводы. Никто не ожидал от «иванов» такой прыти. Так что пусть русские делают здесь что хотят, лишь бы не страдали военнослужащие ISAF. Извините, командующий, но это моя позиция.

У Корнелиуса тогда отвисла челюсть... Но это были только цветочки. Немцы были предельно честны – уже хорошо. Ягодки появились позже, когда выяснилось, что французы и итальянцы платили талибам, чтобы те их не трогали. Большую часть денег талибы тут же тратили, покупая оружие и боеприпасы. Скандал едва удалось замять после личной встречи президента Обайи с Салази и Балотелли, но два генерала, француз и итальянец, вылетели в отставку. Что хуже – окончательно было подорвано доверие между союзниками.

Теперь вот события в Европе. Началась настоящая война. Вот так сразу. Как в фильме про холодную войну. Джереми уже отдал приказ на уничтожение русской миссии, в первый же день, но потом его отменил. Мешал центр логистики ISAF в Киргизии...

Там оказалось заперто почти две тысячи военнослужащих НАТО, из них почти полторы – американцы. «Воздушный мост» прекратил действовать уже почти декаду, но Вашингтон не торопился эвакуировать персонал и вывозить колоссальные запасы имущества. Сыграла роль большая политика. Американцы не убегают и все такое.

Власть в бедной и небольшой Киргизии, раздираемой на части криминальными и этническими кланами, принадлежала только тем, у кого есть деньги и сила. Деньги были у русских, американцев, китайцев и исламистов. Сила – только у китайцев и исламистов. Русским и американцам было не до того. Ограничились двумя базами. Начнется серьезная заваруха – сил на базах едва хватит для самообороны. Но Вашингтон упорно настаивал на присутствии американцев в Манасе. Вот сейчас туда бы этих теоретиков...

Русским легче. У них вся Центральная Азия – край сателлитов. Местные правители сидят в креслах только благодаря поддержке Москвы. Так что если чего – помогут. Не из-за любви к русским – из-за собственной безопасности³².

Получилось именно так, как и думал Черкес. Когда в Европе война шла уже вовсю, за забытыми прилетел древний «Ан-12». С эмблемами ВВС Узбекистана и представителем родного МВД.

– Договорились наконец-то. Американцы своих забирают, мы забираем вас. Всю эвакуацию проводят ВВС Узбекистана как нейтральная сторона под присмотром ООН. Собирайтесь, господа борцуны с наркотиками.

Руслан представил, как американцы полетят на архаичных узбекских «Ан-12», и хихикнул. Небось памперсы в полете пару раз поменяют. Не привыкли они к таким экстремальным полетам.

Спецназ, точнее, группа Левченко улетала последней, вместе с Дунаевым, до последней минуты работавшим с местной агентурой и тыловиками подполковника Бахметьева, передававшего афганцам наше барахло. Может, раньше афганцы нас и считали предателями, которые их бросили, но не сейчас. Командир сформированного нами из таджиков двадцать шестого «горно-штурмового» полка Акбар сказал на прощание:

– Я вас понимаю, шурави. Когда в своем доме пожар, трудно помогать соседу копать арык. Тушите пожар и возвращайтесь.

Руслан пожал таджику в захватски заломленном каштановом берете крепкую руку.

³² Так и есть. В Средней Азии русских не любят, но еще страшнее радикальные исламисты или Китай. Отсюда и постоянные попытки среднеазиатских вождей «подружиться» с США. Но Америка далеко, а Русь близко.

Историю авиабазы «Кант», куда сейчас прибыла группа Левченко, можно было разделить на два периода – до событий в Казахстане и после. После того как президент Турсунбаев почил в бозе под обломками резиденции, а северные области Казахстана стали южными областями Уральского и Сибирского федеральных округов, авиабаза «Кант» обрела второе дыхание. Были удлинены ВПП, построены ангары и жилые комплексы. Теперь при желании здесь можно было разместить целый авиационный полк да еще технические и тыловые подразделения. Но перебазировать сюда целый полк в планы руководства Руси не входило. На «Канте» стал базироваться отдельный парашютно-десантный батальон, также эскадрилья ударных вертолетов «Ка-52» и эскадрилья бомбардировщиков «Су-24М2». Эскадрильи были готовы в любую минуту к нанесению удара по столице любой из республик Средней Азии. Еще на «Канте» базировалась так называемая авиагруппа «Анчар» из восьми вертолетов «Ка-60С» и двух самолетов-заправщиков «Ан-32З», входящая в состав четыреста сорокового отдельного авиационного полка специального назначения ВВС³³. Про эту группу и весь полк было известно крайне мало, но Левченко знал, что именно эти черные, без номеров и опознавательных знаков «Ка-60С» несли его ночью под Кандагар. Той ночью, когда они как снег на голову обрушились на виллу губернатора, являющегося по совместительству одним из крупнейших в мире торговцев героином. Тогда ребята Левченко отработали на сто процентов, убив всех, кого приказывали, и почти не понеся потерь.

Теперь на авиабазе было довольно пусто. Самолетов, не считая двух узбекских «Ан-12», на ВВП не было вообще, а из вертолетов присутствовали четыре «Ми-8», явно не первой свежести. Десантники тоже были здесь, настороженные, напряженные. Прямо на ВВП стояли БМД-3, укрытые мешками с песком. Дальше, так же с брустверами из мешков с песком, – траншеи полного профиля.

Едва открылась рампа, как к транспорту подъехал «Тигр» с красной полоской на боку и надписью «Комендатура». Из внедорожника вывалился упитанный прапор с красной, шелушащейся от солнца мордой. Значит, свеженький еще, шкура от ветра и солнца не задубела.

– Позывные Оса? Спецотряд МВД?! – заорал прапор на всю округу, пытаясь перекрыть еще работающие двигатели «Ан-12».

«Ну не придурок?» – Руслан нахмурился и сделал шаг вперед, подойдя к прапору на расстояние вытянутой руки.

– Тебя, когда мать родила, уронила раз пять о бетонный пол? Ты чего позывные орешь в открытую, муило? Совсем сбрендил от жары, муфлон?

Прапорщик по-рачьи выпучил глаза и стушевался. «Не воевал, значит», – с удовлетворением подумал Левченко.

Прапор промямлил, стараясь смотреть куда-то вбок:

– Извините, господин...

– Майор, – сообщил Руслан, продолжая изучать его лицо с видом энтомолога, поймавшего редкую букашку.

Прапорщику такое внимание не нравилось совсем, и он отступил на шаг. Ближе к бронированному кузову внедорожника.

³³ «Ка-60С» – «спецназовская» модификация «Ка-60» «Касатка». Оснащен системой дозаправки в воздухе, системой стабилизации в режиме висения и всепогодным и ночным электронным оборудованием. Используется для заброски и эвакуации групп специального назначения, спасательных операций. Вымысел автора. «Ан-32З» – военно-транспортный самолет в варианте самолета-заправщика (не гонять же громаду «Ил-78» для заправки вертолетов). Используется, как и вертолет «Ка-60С», для специальных заданий. Тоже вымысел автора. А жаль, что всего лишь вымысел... Вооруженным силам РФ в реальности позарез не хватает подобных машин. В книге подобные машины состоят на вооружении четыреста сорокового смешанного авиационного полка специального назначения ВВС.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.